ISSN 1829-0485

Вестник
Российско-Армянского Университета

гуманитарные и общественные науки

ISSN 1829-0450

(15)

Издательство РАУ

№ 2/2013

Российско-Армянский (Славянский) университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

(15)

Издательство РАУ

№ 2/2013

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА

Российско-Армянский (Славянский) университет, 2013г.

ISSN 1829-0450

ОГЛАВЛЕНИЕ

ՄՐՑՈՒՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՅԱՆ ՄՈԴԵԼԸ

Ա.Ռ. Դարբինյան

ՄՐՑՈՒՆԱԿՈՒԹՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՅԱՆ ՄՈԴԵԼԸ՝ որո՞նք են դրա հիմնաքարերը, կառուցման սկզբունքները, առաջնահերթ քայլերը և հրատապ գործողությունները:

Իմ համոզմամբ, հայաստանյան մրցունակության մոդելի կառուցման հիմնաքարերից ամենաէականն ինքնանույնացման (ինքնաիդենտիֆիկացիայի) խնդիրն է: Ցավալի է, որ սեփական բախտի տնօրինման՝ արդեն երկրորդ տասնամյակը բոլորած հանրությունը չունի հստակ կողմնորոշում, թե առավելապես որ արժեհամակարգին է ձգտում, որ մի առավել ընդգրկուն հանրության մաս կարող է կազմել ապագայում և ինչի հաշվին: Մեր անորոշությունը կարծես սկսել են արդեն չարաշահել տարբեր տրամաչափի վերլուծական կամ քաղաքական կենտրոններ, չգիտես ինչո՞ւ և ի՞նչ հիմքով համաձայնվել ենք մեր հարավկովկասյան նույնականացմանը, չնայած ժամանակի ընթացքում ավելի ու ավելի ակնհայտ են դառնում այդ արհեստական ընդհանրացմանն արժանացած երկրների ու ժողովուրդների՝ երբեմն տրամագծորեն հակառակ նպատակներն ու արժեքները:

Մինչդեռ գրեթե բոլոր միջազգային հետազոտություններում, քաղաքական կողմնորոշում պարունակող փաստաթղթերում մեզ դիտարկում են հենց նշված միավորման ենթատեքստում. միավորում, որը, ելնելով գոյություն ունեցող միտումներից, որևէ հավանականություն չունի իրագործվելու:

Դրա հետ մեկտեղ մեզ չի հաջողվել մինչ այժմ արժանավայել կերպով դրսևորել արևելյան ծագում ունեցող, բայց արևմտյան ազատական արժեքներ կրող, Ազատություն դավանող հանրության կերպարը՝ կերպար, որը արժանահավատ կդիտվեր թե՛ Արևելքում, և թե՛ Արևմուտքում: Ավելորդ է նշել, թե այս հարցում ինչպիսի կարևորություն ունի մշակութային հասցեական քաղաքականությունը, ինչպես նաև իսկական արժեքների հետ ոչ մի կապ չունեցող կեղծ և խորթ՝ անգամ կենցաղային դրսևորումների նկատմամբ պետական պատնեշի կանգնեցումը: Վրացական օրինակը, որտեղ պետական կարգավորման է ենթարկվում անգամ հարսանիքներում հնչող երաժշտությունը, խիստ նախանձելի է:

Ինքնանույնացման բացակայությունն է, որ հաճախակի մեզ անիմաստ և անգամ սաղրանք պարունակող երկընտրանքի առջև է կանգնեցնում. մեզ հարցնում են. «Հիմա դուք Եվրասիակա՞ն, թե Եվրոպական միության կողմնակից եք», մենք էլ մի տեսակ ամաչկոտ, խուսափող դիրք ենք ընդունում, փոխանակ պատասխանենք.

«Այո՛, մենք Եվրոպական դարավոր մշակույթ ունեցող առաջավոր Ռուսաստանի հե՛տ ենք, իսկ նրանք, ովքեր թույլ են տալիս իրենց խոսել նման երկընտրանքի մասին՝ առաջին հերթին հենց ա՛յդ Ռուսաստանի դեմ են»:

Մեր մրցունակության ***երկրորդ*** հիմնաքարը ՄԱՐԴՆ Է՝ իր որակյալ կյանքով: Մարդու երջանկությունը այլևս պետք է դառնա հանրային կառավարման բարձրագույն նպատակ: Մարդը ծնվում է ո՛չ թե տառապելու, մաքառելու, դիմանալու, դիմակայելու, համբերելու, տեր կամ հնազանդ լինելու, այլ միայն ու միայն երջանիկ լինելու, ինքնադրսևորվելու նպատակով: Մինչդեռ մեզանում մի ստվար ժամանակահատված համարվում էր, որ կարևորագույն նպատակը ուժեղ և կազմակերպված պետությունն է, ինչը կարելի էր հասկանալ՝ իրավիճակի առանձնահատկություններից ելնելով, բայց մենք չնկատեցինք, որ դրանով իսկ թույլ տվեցինք արժեքների փոխատեղում: Ուժեղ պետությունը մեծ արժեք չունի, եթե դրա հիմքում արժանապատիվ ու երջանիկ կյանքով ապրող մարդը չէ:

Երրորդ հիմնաքարը ՊՐՈԳՐԵՍՆ է՝ առաջադիմության հրամայականը: Մրցունակ լինելու համար մենք պետք է ունենանք դեպի առաջադիմություն ձգտող հանրություն: Մենք հին ժողովուրդ ենք, սակայն իրավունք չունենք հնանալու և ծերանալու, մինչդեռ հանրության մեջ բացառիկ դիրքեր ունեն պահպանողական մտածելակերպը, ավանդականությունն ու ավանդապաշտությունը: Ըստ որում, դրանք շատ հաճախ որևէ աղերս անգամ չունեն պրոգրեսի հետ: Առաջադիմության նպատակաուղղված հանրությունը պետք է ուժ գտնի իր մեջ մերժելու ավանդապաշտության այն դրսևորումները, որոնք չեն նպաստում պրոգրեսին: Մինչդեռ հանրային կառավարման մակարդակով մենք մինչև այժմ ճիշտ հակառակն ենք արել՝ տեղի տալով հնացած բարքերին ու կանոններին, որոշ դեպքերում էլ դրանցով պայմանավորելով առաջ գնալու անհնարինությունը, կամ ձախողման պատճառները: Հանրային կառավարման յուրաքանչյուր օղակի ցանկացած որոշման գնահատականը պետք է տալ հե՛նց պրոգրեսի չափանիշով:

Մարդկային քաղաքակրթության նախահիմքերին հավակնող ժողովուրդն ի վիճակի է սեփական պատմությունից, մշակույթից և աիռելի փորձից այնպիսի հետևությունների հանգել, որոնք կնախանշեն դեպի առաջադիմություն տանող ճանապարհի հիմնական հանգրվանները:

Մոդելի կառուցման սկզբունքները.

1. ***Արդարություն:*** Որպես առաջնային սկզբունք ես կհիշատակեի «Արդարությունը»: Հանրային կառավարման արդար համակարգի առկայությունը, մուտքի հավասարության և մրցակցային հիմունքներով հանրային ռեսուրսների բաշխումը, անհավասարության, արդարության ապահովումը խիստ կարևոր գործոններ են այստեղ: Ըստ որում, մրցակցությունը այստեղ անհրաժեշտ է դիտարկել իրավունքի տիրույթում: Դա ոչ պայման է, ոչ էլ հնարավորություն, դա իրավունք է, որը խստորեն պետք է ապահովվի պետության կողմից: Մեզանում տիրող անհավասարությունը անարդար է, անհիմն, ոչ թափանցիկ, բացարձակ հակաառաջադիմական: Խելացի, բանիմաց, կիրթ, ուսյալ մարդը մեզանում հաջողակ չէ: Հանրային կառավարման համակարգում անհամաչափ մեծ տեղ է գրավում ասիական գավառական յուրայնու-

թյունը, սոցիալական վերելակը չի աշխատում, իսկ կորպորատիվ մշակույթը, որը կարող էր լուրջ խթան հանդիսանալ առաջադեմ կադրերի առաջխաղացման համար՝ չի խրախուսվում:

2. **Հանրային մոտիվացիան**՝ այն բանի գիտակցումը, որ սեփական երջանկության բաղադրիչն է հանրային երջանկությունը և՝ հակառակը: Մինչդեռ կառավարման արատավոր պրակտիկան այսօր բերել է նրան, որ «հանրային շահ» հասկացությունը արժանացել է բացառապես տխրահռչակ համբավի, դրա տակ ավելի շատ հասկացվում է հանրությանը դեմ գործողություն, քան ընդհանուր շահի շուրջ համախմբում: Ես խորհուրդ կտայի կառավարիչներին անհապաղ դադարեցնել բոլոր այն գործողությունները և գործարքները, որոնք ի կատար են ածվում այդ տխրահռչակ հանրային շահի ներքո, և հակառակը՝ հանրությանը մատուցել այնպիսի ծրագրեր, որոնց շուրջ հնարավոր կլինի հասնել հանրության համախմբվածությանը, որի բացակայության պայմաններում խոսել երկրի մրցունակության մասին ավելորդ է:

3. ***Առաջանցիկ զարգացում***: Մենք բավարար չափով արդեն ետ ենք մնացել համաշխարհային զարգացման տրենդերից, որպեսզի կարողանանք մեզ թույլ տալ աստիճանական զարգացման ռազմավարությունը: Դրանով իսկ մենք ընդամենը կկոնսերվացնենք մեր ետնապահ դիրքերը: Այս իմաստով լուրջ չեն ներկայացվող այնպիսի ռազմավարական դրույթները, ինչպիսիք են, օրինակ, կոռուպցիայի և, ուրեմն, դրա դեմ պայքարի անընդհատության փաստումը, կամ հարկային եկամուտների՝ համախառն ներքին արդյունքի նկատմամբ ցուցանիշի՝ յուրաքանչյուր տարի կես տոկոսային մասով ավելացումը: Նմանատիպ օրինակները բազմաթիվ են: Մրցունակության ապահովման համար մեզ անհրաժեշտ է փոփոխությունների արընթացությունը, դրանց ճեղքումնային բնույթը, կարճ ժամանակում որակական տեսանելի վերափոխումը:

4. ***Ինտեգրվածություն և ինտեգրում***: Յուրաքանչյուր ոլորտի մրցունակության գրավականն է համաշխարհային տրենդերին համապատասխանելիությունը, զարգացման առաջնահերթությունների համաչափությունը միջազգային չափանիշներին: Այստեղ թերևս իրական ձեռքբերում ունենք միայն կրթական ոլորտում, քանի որ նախարարի խիստ պրոֆեսիոնալ, նպատակասլաց ջանքերի շնորհիվ Հայաստանը արընթաց կերպով ներխուժեց Բոլոնյան կրթական տարածք և այս առումով առաջատար դիրքերում է մեզ հետ համադրելի երկրների շարքում: Այլ ոլորտներում լուրջ ձեռքբերումներ այս իմաստով, կարծես, չկան: Այնինչ որևէ մրցունակության մասին կարելի է խոսել միայն տվյալ ոլորտի՝ միջազգային զարգացման ուղղություններին համահունչ և ինտեգրված լինելու աստիճանի չափանիշներից ելնելով:

5. ***Հայտարարվող նպատակների համադրելիություն:*** Եթե մենք հայտարարում ենք գիտատար կամ գիտելիքահենք արտադրանքի արտահանման առաջնահերթությունը, ապա մեր բոլոր գործողությունները պետք է ուղղված լինեն ապրուստի գնի և, հետևաբար նաև գիտատար ոլորտում աշխատուժի գնի հնարավոր էժանացմանը: Հենց դրան պետք է միտված լինի երկրի դրամավարկային քաղաքականությունը, հոսքերի կառավարման ռազմավարությունը: Դրամական օտարերկրյա տրանսֆերտների անկառավարելի ներհոսքը այսօր թանկացնում է ապրուստը և ավելի շատ բացասական, քան դրական դեր է խաղում մեր իրականության մեջ մակրոտնտեսական մակարդակում: Իսկ հաշվե՞լ ենք մենք արդյոք, որ օրինակ տուրիզմի

զարգացման միաժամանակյա գերակայության իրագործումը ևս թանկացնում է և՛ ապրուստը, և՛ աշխատուժի գինը: Ինչո՞ւ են մեր ծրագրավորողները լքում երկիրը: Որովհետև աուտսորսինգի միջազգային շուկայում գոյություն ունեցող խիստ մրցակցային պայմաններում նրանց աշխատուժի գինը Հայաստանում զգալիորեն ավել է, քան այդ գինը, ասենք, Պակիստանում կամ Եգիպտոսում: Ասածս չի ենթադրում, որ մենք պետք է անմիջապես հրաժարվենք տուրիզմի զարգացման պետական առաջնահերթությունից, բայց առնվազն հարցականի նշան ես այստեղ կդնեի:

Եվ, վերջապես, հրատապ գործողությունները.

6. ***Երկիր ներբերվող դրամական անկառավարելի հոսքերի՝ կառավարման ռազմավարության մշակումը և իրականացումը:*** Դրանց զգալի մասը, ինչպես գիտենք, ուղղվում է հանրային ծառայությունների, կրթական, առողջապահական պահանջների բավարարմանը, կամ կոմունալ ծախսերի վճարմանը: Մեր առաջարկը հետևյալն է. հաշվի առնելով նշված ոլորտները սպասարկող հիմնականում մենաշնորհային դիրք ունեցող ընկերությունների առկայությունը՝ համաձայնեցված կարգով վճարումներն իրականացնել այդ նպատակների համար հատուկ ստեղծված կուտակային ֆոնդերից՝ համապատասխան դիսկոնտների դիմաց: Այս մոտեցումը կշահագրգռի վճարողներին գումարները մուտքագրել անմիջապես այդ կուտակային ֆոնդերում, և, հետևապես, առնվազն կմեղմվի դրանց ճնշող ազդեցությունը ներքին արժութային շուկայում:

7. Երկրորդ միջոցառումը վերաբերում է ***հարկային դաշտին:*** Այս առանցքային ոլորտը դեռևս մնացել է կոնցեպտուալ հնադարյան մակարդակի վրա: Ողջ համակարգը միտված է ամեն գնով դրամահավաքի գործին, և նշույլ անգամ չկա գործարարության ոլորտի խրախուսման կամ աջակցման մոտեցման: Արդեն տասնհինգերորդ տարին է, ինչ չենք կարող հրաժարվել մաքսակետերում բիզնեսի ավելացված արժեքի հարկով կացնահարումից: Հիշեցնեմ, որ այս՝ իր բնույթով բարբարոսական մեթոդը ընդունվել էր կիրառման այն ժամանակ, երբ աշխատավարձի գծով բյուջետային պարտքերը հասնում էին ինն ամսվա ծավալների: Բայց մի՞թե այնուհետև հաջորդած տնտեսության տեսանկյունից հարաբերական անդորրի, իսկ որոշ գնահատականների համաձայն՝ տնտեսական աննախադեպ աճի տասնհինգ տարվա ընթացքում հնարավոր չէր անդրադառնալ և փոխել այս կացնային մոտեցումը՝ տանել գործընթացը դեպի տնտեսական շրջանառության դաշտ, հարկել ավելացված արժեքը այնտեղ, որտեղ այն կձևավորվեր, այլ ոչ թե նախապես, սահմանի վրա: Մեզ հարկավոր է առավելագույնս պարզեցված հարկային համակարգ, որը նաև կխթանի ներքին ներդրումների ավելացմանը: Ինչո՞ւ չկիրառել ինվեստիցիոն ռեսուրսների նկատմամբ առաջին իսկ տարում 100%-ոց ամորտիզացիայի սկզբունքը, և շահութահարկը հաշվարկել ու գանձել միայն ներդրված միջոցների վերադարձը ապահովվելուց հետո: Դա զգալիորեն կնվազեցներ ներդրումային ռեսուրսների արժեքը: Կամ մի՞թե ժամանակը չէ շահութահարկի տոկոսադրույքի շեշտակի իջեցման: Ներդրումային առաջնահերթություն ունեցող գրեթե բոլոր հաջողակ երկրներում նման նորմ կիրառվել է: Ժամանակն է նաև արագորեն անցնել հատուկ հարկային ռեժիմների կիրառմանը

այն տարածքներում, որոնք կստեղծվեն լոգիստիկ բիզնեսի ոլորտում և ուղղված կլինեն բացառապես արտահանմանը, ինչու չէ նաև վերաարտահանմանը:

8. Ժամանակն է ենթակառուցվածքային բիզնեսում մենաշնորհային դիրքեր գրավող ընկերություններին պետական ռեգուլյատիվ կարգավորման ուժով դուրս բերել ֆոնդային շուկա, որտեղ այս բոլոր տարիներին մեռյալ հանգիստ է տիրում: Ի՞նչ մրցունակության մասին կարելի է խոսել այս պայմաններում: Խոսքս խմելու ջրի մատակարարման, բաշխիչ էլեկտրացանցերի, ՀայՌուսգազարդի, երկաթգծի, հեռահաղորդակցության ոլորտում գործող ընկերությունների մասին է: Սա առանցքային կետ է: Դրանք բոլորն էլ օգտվում են կա՛մ իրենց մենաշնորհային դիրքերից, կա՛մ օգտագործում են հանրային սեփականություն հանդիսացող հաճախականությունները կամ տիրույթները: Բացի դրանից, կառավարիչների խստագույն պահանջը պետք է կայանա նման ընկերությունների կողմից կորպորատիվ կառավարման լավագույն ստանդարտների ներմուծումը, նման ընկերությունների գործադիր ղեկավարների նկատմամբ նույնպես պետք է սահմանել խստագույն պահանջներ: Նրանք պետք է պարտադիր կերպով լինեն միջազգայնորեն իրենց մասնագիտական և կառավարչական հմտությունները ապացուցած կադրեր: Չէ՞ որ մենք գործ ունենք հսկայական գործատուների հետ, որոնց պրոֆեսիոնալ դրսևորումից է կախված լինելու նաև հայաստանյան աշխատուժի շուկայում տիրող իրավիճակը, արդեն հիշատակված սոցիալական վերելակի առկայությունը և արդարության սկզբունքի իրականացումը: Մինչդեռ շատ դեպքերում նման հսկաների կառավարիչներ են նշանակվում պատահական մարդիկ, որոնց միակ առաքելությունը, կարծես, «ատկատները» ժամանակին տեղ հասցնելն է:

9. Ամենուրեք եվրոպական չափանիշներին համապատասխան պետական ստանդարտների ներդրումն է և դրանց խստագույնս կիրառումը: Այստեղ, կարծես, կարելի է արձանագրել որոշակի առաջընթաց. համենայնդեպս, դրա մասին սկսել ենք խոսել և որոշ չափով հետևել:

10. Բաց Երկնքի քաղաքականության անհապաղ հայտարարումն ու ընդունումն է: Անհիմն, բացարձակ վնասակար մոտեցում է մեր երկրի համար ազգային փոխադրողի շահերի մասին մտածելը: Խնդիրը պետք է լինի սպառողի շահերի ապահովումը, վերջինիս լիարժեք այլընտրանքային ճանապարհորդության հնարավորությունների տրամադրումը, հայաստանյան շուկա այլ երկրների դիսքաունթերների մուտքի ազատականացումը, ճանապարհորդության ծախսերի շեշտակի նվազեցումը: Ցամաքային շրջափակման մեջ գտնվող և դեպի ծով ելք չունեցող երկրի համար սա ուղղակի օրհասական առաջնահերթություն է:

Եվ վերջում անդրադառնամ հույժ հրատապ հանդիսացող մի առաջարկության, որը կարծում եմ կպաշտպանվի նաև Տնտեսագիտական Համալսարանի կողմից, և որպես մեր ընդհանուր առաջարկ կարող է ներկայացվել ՀՀ Կառավարությանը: Խոսքը տնտեսական քաղաքականության առաջնահերթություններին վերաբերող գիտական էքսպերտային կենտրոնի ստեղծման մասին է, որում կամփոփվեն մեր համալսարաններում կուտակված լավագույն գիտական փորձը և վերլուծական հնարավորությունները և կտրամադրվեն հանրային կարևորություն ունեցող մոտեցումների մշակման նպատակին: Մենք բազմաթիվ անգամ մասնակցություն ունեցել և ունենում ենք այլ երկրների առաջնահերթություններին վերաբերող քննարկումներին

և էքսպերտային գնահատականներին: Չգիտես ինչո՞ւ հայրենի կառավարիչները գերադասում են դիմել արտասահմանյան էքսպերտներին, մինչդեռ համոզված եմ, որ մեր համընդհանուր կուտակած գիտական փորձը անկասկած օգտակար կլիներ տնտեսական քաղաքականություն մշակողներին:

СТАТЬИ

Общественные и гуманитарные науки

Политология

ԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ՄԻՈՒԹՅԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԻՄՔԵՐԸ ՎՐԱՍՏԱՆՈՒՄ ՀԱԿԱՄԱՐՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ԳՈՐԾՈՒՄ

Ա.Կ. Հայրապետյան

Հոդվածը ներկայացնում է 2008թ.-ի օգոստոսյան պատերազմից հետո ԵՄ գործունեության իրավական հիմքերը Վրաստանում հակամարտությունների կարգավորման գործում: Այն հիմնված է ԵՄ իրավապայմանագրային համակարգի դրույթների և Վրաստանի ճգնաժամի վերաբերյալ ԵՄ ինստիտուտների կողմից ընդունված քաղաքական և իրավական ակտերի վրա: Հոդվածում հիմնական ուշադրությունը կենտրոնացված է ԵՄ դիտորդական առաքելության, ինչպես նաև Հարավային Կովկասում և Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցչի գործունեության իրավական հիմքերի վրա:

Հիմք ընդունելով Եվրոպական միության (այսուհետ՝ ԵՄ) իրավապայմանագրային համակարգի դրույթները և Վրաստանի ճգնաժամի վերաբերյալ ԵՄ ինստիտուտների կողմից ընդունված քաղաքական և իրավական ակտերը, հոդվածը նպատակ ունի ներկայացնել 2008թ.-ի օգոստոսյան պատերազմից հետո ԵՄ գործունեության իրավական հիմքերը Վրաստանում հակամարտությունների կարգավորման գործում: Հիմնական ուսումնասիրության առարկա են հանդիսանում ԵՄ դիտորդական առաքելության, ինչպես նաև Հարավային Կովկասում և Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցչի գործունեության իրավական հիմքերը:

Վրաստանը Հարավային Կովկասի միակ պետությունն է, որ միաժամանակ ընդգրկված է երկու հակամարտությունների մեջ՝ անջատողական տարածքներ Աբխազիայի և Հարավային Օսիայի հետ: Հարկ է նշել, որ մինչ 2008թ.-ի օգոստոսյան պատերազմը վրաց-աբխազական և վրաց-օսական հակամարտությունների կարգավորման գործում ԵՄ դերակատարությունը բավական պասիվ էր: Դա պայմանավորված էր նրանով, որ 1990-ական թվականներին, երբ Վրաստանում միջնորդության անհրաժեշտություն առաջացավ, ԵՄ-ն չուներ համապատասխան իրավասություններ, որպեսզի ներգրավեր հակամարտությունների կարգավորման գործընթացում:

Ըստ այդմ, վրաց-աբխազական հակամարտության կարգավորման գործընթացում որպես միջազգային դերակատարներ հանդես եկան Միավորված ազգերի կազմակերպությունը (այսուհետ՝ ՄԱԿ) և Հյուսիսատլանտյան պայմանագրի կազմակերպությունը (այսուհետ՝ ՆԱՏՕ), իսկ վրաց-օսական հակամարտության կարգավորման գործընթացում՝ Եվրոպայում անվտանգության և համագործակցության կազմակերպությունը (այսուհետ՝ ԵԱՀԿ):

Ըստ այդմ, ԵՄ-ն դարձավ երկրորդական դերակատար՝ ցուցաբերելով հիմնականում ֆինանսական, սոցիալական և մարդասիրական աջակցություն [1]: Սակայն 2008թ.-ի օգոստոսյան պատերազմն ամբողջությամբ փոխեց Վրաստանում հակամարտությունների կարգավորման գործում ներգրավված միջազգային անվտանգության համար պատասխանատու դերակատարների հավասարակշռությունը: ԵՄ-ն արդեն մտավ խաղի մեջ ունենալով համապատասխան իրավասություններ և փորձ հակամարտությունների կարգավորման գործում:

ԵՄ խորհուրդը գտնում էր, որ ԵՄ-ն պետք է պատրաստ լինի իր վրա պատասխանատվություն վերցնել և աջակցել ՄԱԿ-ի և ԵԱՀԿ-ի ջանքերին՝ նպատակ ունենալով ապահովել Վրաստանում հակամարտությունների խաղաղ և տևական կարգավորումը: ԵՄ պատասխանատվությունը ընկալվում էր բավականին լայն՝ նախատեսելով ընդհուպ մինչև տեղում գործողությունների իրականացում [2]: ԵՄ միջնորդության առաջին դրսևորումն արտահայտվեց «Մեդվեդև-Սարկոզի ծրագրի» արդյունավետ իրականացմամբ: Հարկ է նշել, որ տվյալ ժամանակահատվածում ԵՄ խորհրդի Նախագահությունը ստանձնել էր Ֆրանսիան, հետևաբար, Ֆրանսիայի նախագահի նախաձեռնությամբ հրադադարի կնքումը հիմք հանդիսացավ հակամարտության կարգավորման գործընթացում ԵՄ հետագա դերակատարության ամրապնդման համար: 2008թ.-ի սեպտեմբերի 1-ին ԵՄ խորհուրդը Վրաստանի ճգնաժամի վերաբերյալ արտահերթ նիստում հաստատեց տեղում գործողություններ իրականացնելու ԵՄ պատրաստակամությունը և ուրվագծեց Վրաստանում Ընդհանուր անվտանգության և պաշտպանության քաղաքականության (այսուհետ՝ ԸԱՊՔ)[1] շրջանակներում առաքելության հիմնադրման իրավական հիմքերը [3]:

Այս համատեքստում անհրաժեշտ է անդրադառնալ ԵՄ կողմից ԸԱՊՔ-ը շրջանակներում առաքելությունների հիմնադրման ընթացակարգին: Հարկ է նշել, որ գործնականում ԸԱՊՔ-ն առաքելությունները հիմնադրվում են ՄԱԿ-ի մանդատի հիման վրա կամ ընդունող պետության համաձայնությամբ [4]: ՄԱԿ-ի մանդատի հիման վրա ԸԱՊՔ-ն առաքելության հիմնադրման դեպքում իրավական հիմք է հանդիսանում ՄԱԿ-ի Անվտանգության խորհրդի կողմից ընդունված համապատասխան բանաձևը[2], իսկ ընդունող պետության համաձայնությամբ ԸԱՊՔ-ն առաքելության հիմնադրման դեպքում՝ պետության կողմից ԵՄ-ին ուղարկված պաշտոնական հրավերը: Համապատասխան իրավական հիմքի առկայության դեպքում ԵՄ խորհուրդը

---

[1] ԸԱՊՔ-ն 1999թ.-ից մինչ 2009թ.-ն կոչվում էր Եվրոպական անվտանգության և պաշտպանության քաղաքականություն: Անվանափոխումը կատարվել է Լիսաբոնի պայմանագրով:

[2] ՄԱԿ-ի մանդատի հիման վրա ԸԱՊՔ-ը առաքելության հիմնադրման օրինակ է հանդիսանում ԵՄ օրենքի գերակայության առաքելությունը Կոսովոյում (EULEX KOSOVO): Տե՛ս Council Joint Action 2008/124/CFSP of 4 February 2008 on the European Union Rule of Law Mission in Kosovo, EULEX KOSOVO (Official Journal L 42/92, 16.02.2008):

ԸԱՊՔ-ը նպատակների իրականացման շրջանակներում ընդունում է համատեղ գործողություն առաքելության հիմնադրման վերաբերյալ [5]: ԵՄ խորհրդի կողմից ընդունված համատեղ գործողությունը հանդիսանում է իրավական ակտ, որը հնարավորություն է տալիս ԵՄ-ին միջազգային ասպարեզում իրականացնել բազում գործառույթներ՝ այդ թվում նաև քաղաքացիական առաքելություններ և ռազմական գործողություններ [6]: Հարկ է նշել, որ Լիսաբոնի պայմանագրի[3] ընդունումից հետո ԵՄ խորհուրդը համատեղ գործողություններ ընդունելու փոխարեն ընդունում է համատեղ գործողությունների իրականացման վերաբերյալ որոշումներ [7]: ԵՄ խորհրդի կողմից ԸԱՊՔ-ը առաքելության հիմնադրման վերաբերյալ որոշումն (համատեղ գործողությունը) ինքնին հանդիսանում է իրավական հիմք՝ սահմանելով առաքելության նպատակները, գործառույթները, կառուցվածքը և տևողությունը: Ընդունող պետության համաձայնությամբ ԸԱՊՔ-ն առաքելության հիմնադրման դեպքում ԵՄ խորհրդի կողմից առաքելության հիմնադրման վերաբերյալ որոշման ընդունմանը հաջորդում է ԵՄ-ի և ընդունող պետության միջև առաքելության կարգավիճակի վերաբերյալ համաձայնագրի ընդունումը: Վերջինս նույնպես հանդիսանում է իրավական հիմք, որը կարգավորում է առաքելության իրականացման ընթացքում կողմերի իրավունքները և պարտականությունները:

Վրաստանի դեպքում ԸԱՊՔ-ն առաքելության հիմնադրման համար իրավական հիմք հանդիսացավ 2008թ.-ի սեպտեմբերի 11-ին Վրաստանի իշխանությունների կողմից ուղարկված պաշտոնական նամակը, որը հրավիրում է ԵՄ-ին ԸԱՊՔ-ն շրջանակներում իրականացնել քաղաքացիական բնույթի դիտորդական առաքելություն Վրաստանում: ԵՄ խորհուրդը 2008թ.-ի սեպտեմբերի 15-ին հաշվի առնելով ԵՄ մասին պայմանագրի 14-րդ և 25-րդ հոդվածների դրույթները, ընդունեց համատեղ գործողություն՝ ԸԱՊՔ շրջանակներում հիմնադրելով Վրաստանում ԵՄ դիտորդական առաքելությունը (EUMM Georgia): ԵՄ խորհրդի կողմից ընդունված համատեղ գործողությունն իրավական հիմք հանդիսացավ տեղում գործողությունների իրականացման համար և ամրագրեց առաքելության նպատակները, գործառույթները և կառուցվածքը: ԵՄ դիտորդական առաքելության հիմնական նպատակն է նպաստել երկարաժամկետ կայունության հաստատմանը, նվազեցնել ռազմական գործողությունների վերսկսման վտանգը և ապահովել կողմերի միջև կնքված համաձայնագրերի կատարումը: Այս ամենի իրականացման համար առաքելությունն իրավասու է կատարել գործառույթներ՝ ուղղված կայունացմանը, նորմալացմանը, վստահության ամրապնդմանը և տեղեկատվության տրամադրմանը [8]:

ԵՄ խորհրդի կողմից Վրաստանում ԵՄ դիտորդական առաքելության վերաբերյալ համատեղ գործողության ընդունումից հետո ԵՄ-ն և Վրաստանը կնքեցին համաձայնագիր Վրաստանում ԵՄ դիտորդական առաքելության կարգավիճակի վերաբերյալ, որը շոշափում է հարցերի լայն շրջանակ կապված կողմերի իրավունքների և պարտականությունների հետ [9]: Վրաստանում ԵՄ դիտորդական առաքելությունը որպես անզեն քաղաքացիական առաքելություն մեկնարկեց 2008թ.-ի հոկտեմ-

[3] Լիսաբոնի պայմանագիրը ստորագրվել է 2007թ.-ին և ուժի մտել 2009թ.-ին՝ կատարելով բազում փոփոխություններ ԵՄ համար սահմանադրական հիմք հանդիսացող պայմանագրերում (Տե՛ս Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, Official Journal C 306 of 17 December 2007):

բերի 1-ին: Այն ներկայումս ունի 340 հոգանոց աշխատակազմ՝ 24 ԵՄ անդամ պետություններից [10]: Առաքելության գործառույթների արդյունավետ իրականացման համար պատասխանատու է առաքելության ղեկավարը, որի պաշտոնը 2011թ.-ի հուլիսից մինչ օրս զբաղեցնում է Անջեյ Տիսկևիչը [11]:

ԵՄ դիտորդական առաքելության մանդատն իրավական տեսանկյունից ընդգրկում է Վրաստանի ամբողջ տարածքը՝ ներառյալ Աբխազիան և Հարավային Օսիան, սակայն գործնականում առաքելությունն իր գործառույթները փաստացիորեն իրականացնում է միայն Վրաստանի կողմից վերահսկվող տարածքում [12]: Այդ հանգամանքն, իհարկե, սահմանափակում է առաքելության արդյունավետությունը, սակայն ընդհանուր առմամբ ճգնաժամի կարգավորման գործում վերջինիս դերակատարությունն անգնահատելի է [13]: Առաքելության դերն ավելի կարևորվեց, երբ Վրաստանում դադարեցին գործել ՄԱԿ-ի և ԵԱՀԿ-ի առաքելությունները[4] և ԵՄ-ն դարձավ տեղում գործողություններ իրականացնող միակ միջազգային կառույցը [14]: Հարկ է նշել, որ ԵՄ դիտորդական առաքելությունը հանդիսանում է բավականին կարևոր և քաղաքական տեսանկյունից բարդ ԸԱՊՔ-ն առաքելություն, որի շնորհիվ ԵՄ-ն ուղղակիորեն ներգրավվեց հետհակամարտային կայունացման գործընթացին [15]: ԵՄ դիտորդական առաքելությունը գործում է մինչ օրս՝ մանդատի պարբերաբար երկարաձգմամբ [16]: ԵՄ խորհրդի վերջին որոշման համաձայն առաքելության մանդատը երկարաձգվել է մինչև 2013թ. սեպտեմբերի 14-ը [17]:

ԵՄ դիտորդական առաքելության հիմնադրմանը հաջորդեց Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցչի նշանակումը, որը կրկին անգամ ընդգծեց ԵՄ պատրաստակամությունը հակամարտությունների կարգավորման գործում: Այս համատեքստում անհրաժեշտ է անդրադառնալ ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչների նշանակման իրավական հիմքերին: ԵՄ մասին պայմանագիրը ԵՄ խորհրդին իրավունք է վերապահում բոլոր անհրաժեշտ դեպքերում նշանակել հատուկ ներկայացուցիչներ, որոնք օժտված կլինեն որոշակի քաղաքական հարցերին վերաբերող մանդատով [18]: ԵՄ խորհուրդը հատուկ ներկայացուցիչներին նշանակում է համատեղ գործողություններ իրականացնելու վերաբերյալ որոշումների ընդունման միջոցով [19]: ԵՄ խորհուրդը հատուկ ներկայացուցիչներ նշանակելիս պետք է գործի որակյալ մեծամասնությամբ [19, Article 23.2]:

Հարկ է նշել, որ Լիսաբոնի պայմանագիրը հատկանշական փոփոխություններ կատարեց ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչների նշանակման ընթացակարգում: Արտաքին գործերի և անվտանգության քաղաքականության հարցերով ԵՄ Բարձրագույն ներկայացուցչին տրվեց ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչներ նշանակելու հարցում միանձնյա նախաձեռնության իրավունքը: Սակայն նախկինի պես ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչներին շարունակում է նշանակել ԵՄ խորհուրդը՝ գործելով որակյալ մեծամասնությամբ: Միաժամանակ սահմանվեց, որ ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչները պետք է իրականացնեն մանդատով իրենց վերպահված լիազորությունները ԵՄ Բարձրագույն ներկայացուցչի վերահսկողությամբ [20]: Այս ամենի հետևանքով ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչների ինստիտուտը դուրս մնաց Արտաքին գործողություննե-

[4] ԵԱՀԿ-ը Վրաստանի առաքելության մանդատն ավարտվեց 2008թ.-ի դեկտեմբերի 31-ին, իսկ Վրաստանում ՄԱԿ-ի դիտորդական առաքելության մանդատը՝ 2009թ.-ի հունիսի 15-ին:

րի եվրոպական ծառայության համակարգից՝ դառնալով բավականին ճկուն գործիք ԵՄ անդամ պետությունների ձեռքում: Կա տեսակետ, որ ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչների նման ինքնուրույնությունը կարող է բերել իրավասությունների բախման Արտաքին գործողությունների եվրոպական ծառայության հետ [21]:

Վրաստանում հակամարտությունների խաղաղ և տևական կարգավորումն ապահովելու նպատակով ԵՄ խորհուրդը որոշեց Պիեր Մորելին [22] նշանակել Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչ [23]: 2008թ.-ի սեպտեմբերի 25-ին ԵՄ խորհուրդը, համաձայն սահմանված ընթացակարգի, հաշվի առնելով ԵՄ մասին պայմանագրի 14-րդ, 18-րդ և 23-րդ հոդվածների դրույթները ընդունեց համատեղ գործողություն՝ Պիեր Մորելին նշանակելով Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչ: Վերջինիս հիմնական նպատակն էր բարձրացնել ԵՄ արդյունավետությունը հակամարտության կարգավորման գործընթացում: ԵՄ խորհրդի կողմից ընդունված համատեղ գործողությունը հանդիսացավ իրավական հիմք՝ ամրագրելով Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցչի մանդատը: Այն նախատեսում էր օգնել միջազգային քննարկումների նախապատրաստմանը, աջակցել ԵՄ դիրքորոշման ձևավորմանը՝ ներկայացնելով այն բանակցությունների ընթացքում, ինչպես նաև նպաստել կողմերի միջև կնքված համաձայնագրերի իրականացմանը [24]: Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցչի նշանակումը որոշակի առումով սահմանափակեց Հարավային Կովկասում ԵՄ Հատուկ ներկայացուցչի լիազորություններն ուղղված հակամարտությունների կարգավորմանը: Սակայն հարկ է նշել, որ այդ սահմանափակումը կրում էր դե ֆակտո բնույթ: Իրավական տեսանկյունից Պիտեր Սեմնեբիի մանդատը մնաց անփոփոխ: Պիեր Մորելը պաշտոնավարեց մինչ 2011թ.-ի օգոստոսի 31-ը՝ մանդատի պարբերաբար երկարաձգմամբ [25]:

2011թ.-ի օգոստոսի 25-ին ԵՄ խորհրդի որոշմամբ Ֆիլիպ Լեֆորտը նշանակվեց Հարավային Կովկասում և Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչ՝ փոխարինելով Հարավային Կովկասում ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչ Պիտեր Սեմնեբիին և Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչ Պիեր Մորելին [26]: Իրավական տեսանկյունից ԵՄ խորհրդի որոշումը միավորեց երկու ԵՄ Հատուկ ներկայացուցչի մանդատները մեկ իրավական ակտի շրջանակներում՝ առանց էական բովանդակային փոփոխությունների: Հարավային Կովկասում հակամարտությունների կարգավորմանն ուղղված դրույթները մնացին անփոփոխ: Ըստ այդմ, Ֆիլիպ Լեֆորտի մանդատը նախատեսում է ներդրում ունենալ հակամարտությունների խաղաղ կարգավորման գործում՝ համաձայն միջազգային իրավունքի սկզբունքների և նպաստել կարգավորման իրականացմանը ՄԱԿ-ի և ԵԱՀԿ-ի հետ սերտ համակարգմամբ: Այս ամենին զուգահեռ նոր ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչը ստացավ լիազորություններ կապված Վրաստանի ճգնաժամի հետ [27]: Ֆիլիպ Լեֆորտի մանդատը նշանակումից հետո երկարաձգվել է մեկ անգամ: ԵՄ խորհրդի վերջին որոշման համաձայն այն ուժի մեջ է մինչ 2013թ.-ի հունիսի 30-ը [28]:

Այսպիսով, 2008թ.-ի օգոստոսյան պատերազմից հետո Վրաստանում հակամարտությունների կարգավորման գործում ԵՄ գործունեությունը, սկսած կողմերի միջև հրադադարի կնքումից, էապես ակտիվացավ: ԵՄ գործունեության իրականացման հիմնական գործիքներ հանդիսացան Վրաստանում ԵՄ դիտորդական առաքե-

լություննն, ինչպես նաև Հարավային Կովկասում և Վրաստանի ճգնաժամի հարցերով ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչը: Այս համատեքստում ԵՄ գործունեության իրավական հիմքերն ուսումնասիրելիս անդրադարձանք ԵՄ իրավապայմանագրային համակարգի համապատասխան դրույթներին, ինչպես նաև ԸԱՊՔ-ը շրջանակներում առաքելությունների հիմնադրման և ԵՄ հատուկ ներկայացուցիչների նշանակման ընթացակարգերին: Ամփոփելով, կարող ենք եզրակացնել, որ Վրաստանում հակամարտությունների կարգավորման գործում ԵՄ գործունեության իրավական հիմքեր են հանդիսանում ԵՄ մասին պայմանագրի համապատասխան դրույթները, դրանց հիման վրա ԵՄ խորհրդի կողմից ընդունված որոշումները (համատեղ գործողությունները), ինչպես նաև կողմերի միջև կնքված միջազգային համաձայնագրերը: Այս իրավական հիմքերի համալիրը ԵՄ-ին որպես միջազգային անվտանգության համար պատասխանատու դերակատարի հնարավորություն է տալիս Վրաստանում իրականացնել հակամարտությունների կանխման և կարգավորման գործառույթներ:

---

1. Nicu Popescu, Europe's Unrecognised Neighbours, The EU in Abkhazia and South Ossetia, CEPS Working Document № 260/March 2007. PP. 13–15.
2. Council of the European Union, General Affairs and External Relations Council, Extraordinary Meeting, Council Conclusions on the situation in Georgia, Press release 12453/08 (Presse 236), Brussels, 13 August 2008.
3. Counsil of the European Union, Extraordinary European Counsil, Presidency conclusion, 12594/2/08 REV 2, Brussels, 1 September 2008.
4. *Derek E. Mix.* The European Union: Foreign and Security Policy, Analyst in European Affairs, Congressional Research Service, 15 August 2011. P. 11.
5. Consolidated Version of the Treaty on European Union, Official Journal C 321E of 29 December 2006, Article 14.
6. *Кашкина С.Ю.* Право Европейского Союза. Уч. пособие, 2009. С. 54.
7. Consolidated Version of the Treaty on European Union, Official Journal C 83 of 30.03.2010, Article 22.1 and Article 25.
8. Council Joint Action 2008/736/CFSP of 15 September 2008 on the European Union Monitoring Mission in Georgia, EUMM Georgia (Official Journal L 248/26, 17.09.2008).
9. AGREEMENT between the European Union and Georgia on the status of the European Union Monitoring Mission in Georgia (Official Journal L 310/31, 21.11.2008).
10. *Ariella Huff.* The role of EU defence policy in the Eastern neighbourhood, Occasional Paper 91, EU Institute for Security Studies, France, 2011. P. 22.
11. Political and Security Committee Decision EUMM GEORGIA/1/2012 of 14 September 2012 extending the mandate of the Head of Mission of the European Union Monitoring Mission in Georgia (2012/513/CFSP) (Official Journal L 257/15, 25.09.2012).
12. Magdalena Frichova Grono, Georgia's Conflicts: What Role for the EU as Mediator? Initiative for Peacebuilding, Brussels, 2010. P. 14.
13. Европейский Союз и региональные конфликты / Отв. ред. Н.К. Арбатова и А.М. Кокеев. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 45.
14. Mehmet Bardakçı, EU Engagement in Conflict Resolution in Georgia: Towards a More Proactive Role, CAUCASIAN REVIEW OF INTERNATIONAL AFFAIRS. Vol. 4 (3) – SUMMER, 2010. PP. 225–226.

15. European Security and Defence Policy: the first ten years (1999–2009), edited by Giovanni Grevi, Damien Helly and Daniel Keohane, EU Institute for Security Studies, Paris, 2009. P. 380.
16. Council Joint Action 2008/736/CFSP of 15 September 2008 (Official Journal L 248/26, 17.09.2008), Council Joint Action 2009/572/CFSP of 27 July 2009 (Official Journal L 197/110, 29.07.2009), Council Decision 2010/452/CFSP of 12 August 2010 (Official Journal L 213/43, 13.08.2010), Council Decision 2011/536/CFSP of 12 September 2011 (Official Journal L 236/7, 13.09.2011), Council Decision 2012/503/CFSP of 13 September 2012 (Official Journal L 249/13, 14.09.2012).
17. Council Decision 2012/503/CFSP of 13 September 2012 amending Decision 2010/452/CFSP on the European Union Monitoring Mission in Georgia, EUMM Georgia (Official Journal L 249/13, 14.09.2012):
18. Consolidated Version of the Treaty on European Union, Official Journal C 321E of 29 December 2006, Article 18.5.
19. Consolidated Version of the Treaty on European Union, Official Journal C 321E of 29 December 2006, Article 14.
20. Consolidated Version of the Treaty on European Union, Official Journal C 83 of 30.03.2010, Article 33.
21. Dominik Tolksdorf, The role of EU Special Representatives in the post-Lisbon foreign policy system: A renaissance? Institute for European Studies, Vrije Universiteit Brussel, Policy brief, June 2012. P. 1.
22. Պիեր Մորելը միաժամանակ հանդիսանում էր ԵՄ Հատուկ ներկայացուցիչը Կենտրոնական Ասիայում (2006–2012թթ.): Տե՛ս Council Decision 2011/425/CFSP of 18 July 2011 extending the mandate of the European Union Special Representative for Central Asia (Official Journal L 188/27, 19.07.2011):
23. Council of the European Union, 2889th External Relations Council Meeting, Council Conclusions on Georgia, Press release 13030/08 (Presse 255), Brussels, 15–16 September 2008.
24. Council Joint Action 2008/760/CFSP of 25 September 2008 appointing the European Union Special Representative for the crisis in Georgia (Official Journal L 259/16, 27.09.2008).
25. Council Joint Action 2008/760/CFSP of 25 September 2008 (Official Journal L 259/16, 27.09.2008), Council Joint Action 2009/131/CFSP of 16 February 2009 (Official Journal L 46/47, 17.02.2009), Council Joint Action 2009/571/CFSP of 27 July 2009 (Official Journal L 197/109, 29.07.2009), Council Decision 2009/956/CFSP of 15 December 2009 (Official Journal L 330/77, 16.12.2009), Council Decision 2010/106/CFSP of 22 February 2010 (Official Journal L 46/5, 23.02.2010), Council Decision 2010/445/CFSP of 11 August 2010 (Official Journal L 211/33, 12.08.2010).
26. Council of the European Union, New EU Special Representative for the South Caucasus and the crisis in Georgia, Press release 13561/11 (Presse 284), Brussels, 26 August 2011.
27. Council Decision 2011/518/CFSP of 25 August 2011 appointing the European Union Special Representative for the South Caucasus and the crisis in Georgia (Official Journal L 221/5, 27.08.2011).
28. Council Decision 2012/326/CFSP of 25 June 2012 extending the mandate of the European Union Special Representative for the South Caucasus and the crisis in Georgia (Official Journal L 165/53, 26.06.2012).

THE LEGAL BASIS OF THE EUROPEAN UNION'S ACTIVITY IN THE RESOLUTION OF CONFLICTS IN GEORGIA

Summary

The article presents the legal basis of the EU's activity in the resolution of conflicts in Georgia after august war in 2008. The research is based on political-legal acts adopted by EU institutions concerning the crisis in Georgia. It mostly focuses attention on the legal basis of activity of European Union Monitoring Mission (EUMM) and EU Special Representative for the South Caucasus and the crisis in Georgia.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ДЕЛЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ГРУЗИИ

Резюме

Статья представляет правовые основы деятельности ЕС в деле урегулирования конфликтов в Грузии после августовской войны 2008 года. Она основывается на принятых институтами ЕС политических и правових актах, относящихся к кризису в Грузии. В статье особое внимание уделяется Миссии наблюдателей ЕС в Грузии (МНЕС), а также Спецальному представителю ЕС по Южному Кавказу и кризису в Грузии.

ФИЛОСОФСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ
(к вопросу о специфике преподавания политологии в вузе)

Р.А. Мирумян

В статье формулируется и обосновывается тезис о том, что отсутствие или даже ослабление связи с философией и политической философией, в частности, неизбежно ведет к ослаблению теоретических оснований сравнительной политологии и всей политической науки, к серьезному методологическому кризису, отнюдь не преодолеваемому постоянно обогащающимся методологическим инструментарием. На основе подобного анализа состояния современной сравнительной политологии даются некоторые рекомендации для изучения этого предмета в вузе.

Ключевые слова: сравнительная политология, методологический «плюрализм», методологический кризис, философская (эпистемологическая) культура исследователя, феноменология политики, политическая реальность, событийное политическое знание.

Характерный для пространства современной культуры процесс все большей акцентации роли науки, как ведущей социальной и производительной силы, необходимым образом актуализирует проблему разработки методов передачи научных знаний в системе высшего профессионального образования. Одним из важных аспектов этой проблемы является методика преподавания общественных наук, а в контексте этого – определение специфики изучения политических наук и оценка их вклада в развитие знаний о человеке, обществе и государстве.

* * *

В качестве объекта научного исследования политика рассматривается во множестве своих измерений и плоскостей, что объясняется ее способностью быть одним из главных регуляторов (чтобы не сказать – самым главным регулятором) социальных отношений и проникать практически во все сферы жизнедеятельности человека и общества. Обстоятельный научный анализ различных измерений и плоскостей политики вызвал к жизни современную версию политической науки, представляющей собой некий комплекс исследующих политику научных дисциплин. Одной из основных институционализированных академических и учебных политологических субдисциплин является сравнительная политология. Значение этой окончательно сформировавшейся в 50-е годы XX века теоретической дисциплины объясняется не только ее особой востребованностью актуальной международной политикой, но и тем обстоятельством, что именно в ее рамках оказывается возможной апробация корректирующих теоретические основания политической науки наличествующих в ней методологических принципов и подходов, а также генерация обогащающих политическую теорию новых

концепций (бихевиорализм, системный и политико-культурный подходы, концепция политической культуры).

В известном смысле любое научное, в том числе и политологическое, исследование имеет сравнительный характер. Берущая свое начало еще от трудов Платона и Аристотеля традиция осмысления пространства политики носит в себе определенный «заряд» компаративизма. Являясь сквозной для трудов римских авторов (Полибий, Цицерон), представителей эпохи Средневековья (Ф. Аквинский), Возрождения (Н. Макиавелли) и Просвещения (Ш.-Л. Монтескье), эта методологическая традиция становится основой формирования и развития социальных и гуманитарных наук XIX века (историческая школа права Савиньи, тевтонская школа историографии). Одним из основателей методологии сравнительной политологии считается профессор Оксфордского университета Эдвард Фримен («Сравнительная политология», 1873г.), методологическую линию которого развил русский ученый М. Ковалевский («Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права», 1880г.).

В начале XX века сравнительная политология («сравнительное правление» или «сравнительная политика») превращается в одну из важных субдисциплин политической науки вкупе с американской системой правления, элементами права и политической теорией. В 1952г. В Северо-Западном университете США (Эванстон, Чикаго) был организован семинар, давший толчок для развития «новой» сравнительной политологии. Семинар вызвал в Америке большой интерес к сравнительно-политологическим исследованиям. Этим объясняется тот факт, что в марте 1954г. Советом по обществоведческим исследованиям был создан Комитет по сравнительной политологии. В научной литературе бытует точка зрения о том, что своими наиболее значимыми результатами в 50–70гг. XX века сравнительная политология обязана деятельности этого Комитета. Интерес к сравнительной политологии в американских научных кругах проявился и в том, что в крупнейших американских университетах в число наиболее читаемых на тот период курсов (начиная с 1925г.) вошла именно сравнительная политология.

Ставшая важнейшей автономной политологической субдисциплиной в системе современной политической науки, сравнительная политология в настоящее время занимает центральное место в научно-исследовательских и учебных программах. Дело в том, что сравнительный анализ является мощнейшим средством производства знания, важным условием совершенствования политической теории и, следовательно, политической науки в целом. Как отмечает Г. Алмонд, «сравнивая прошлое и настоящее своей страны, сопоставляя ее опыт с опытом других наций, мы углубляем свои представления» [1]. Сравнение, по существу, является средством понимания логики политических процессов и выявления закономерностей их протекания. Данный тезис подтверждается многовековой историей политико-философской мысли. К примеру, еще в Античной Греции Аристотель создал классификацию «правильных» и «неправильных» форм правления, с помощью которой им были описаны (на основе сравнительного анализа) формы правления. Не случайным поэтому кажется тот факт, что использованный Аристотелем методологический прием многие авторы учебных пособий по сравнительной политологии представляют в качестве эталонного образца.

В последние годы сравнительную политологию все чаще характеризуют как инструмент развития и совершенствования политической теории. Одним из наиболее важных граней данного процесса считается корректировка и обогащение понятийного аппарата политической науки [2]. По мнению Т. Митрохиной, большая часть политологических понятий, как-то: власть, культура, партия, сегодня представляют собой «семантические головоломки». Сформулированные в результате исследования одного политического сообщества понятие при переносе в другие сообщества перестает работать. Так, например, «долгое время считавшееся классическим определение политической партии как добровольной массовой организации, имеющей широкую социальную базу, четко разработанную идеологию, жесткую иерархическую структуру и ведущей борьбу за власть, оказывается неадекватным при исследовании политических партий США, аморфных структурно и идеологически. О необходимости корректировки данного понятия свидетельствует и опыт современной России, где действуют преимущественно "объединения-головастики", борющиеся за власть, но не обладающие иными "сущностными характеристиками" партий» [3]. Кроме того, сравнительный метод считается необходимым для постижения природы общественных явлений и выявления закономерностей общественного развития, на что в свое время обращали внимание О. Конт и Э. Фримен. Сравнительный анализ называется также опосредствующим звеном в системе «практика-теория-практика». Изучение же «практики того же федерализма позволяет сформулировать теорию разграничения властных полномочий и согласования интересов между различными уровнями власти, а потом на этой основе совершенствовать практику. Аналогичная ситуация возникает при обобщении материалов по партийному строительству, электоральным процессам и т.д.» [3, с. 171]. Поскольку исследование общественных процессов не позволяет провести эксперимент, то функции такового здесь выполняет сравнение [4]. Исходя из этого, Т. Митрохина полагает, что сравнительный анализ в таком случае может быть использован в качестве инструмента верификации эмпирических данных.

Подход Т. Митрохиной нуждается в некоторой корректировке. Отмеченные ею три момента (выработка и шлифовка понятий, выявление природы политических реалий и закономерностей протекания политических процессов, связь теории с практикой) должны быть рассмотрены не изолированно друг от друга, а как триединый процесс, осуществляемый на уровне философской рефлексии. Процесс формирования понятий, трансформация и корректировка их смыслового содержания (а не их самих, как утверждает Т. Митрохина), по сути, есть процесс вычленения всеобщего, особая работа с этим всеобщим. Всеобщее в различных формах культуротворчества, в том числе и в науке, работа над ним является прерогативой философии. Это и есть, собственно говоря, форма бытия философии в культуре. «Слово… (как понятие – Р.М.) объективирует мысль в культуре, и одновременно создает возможность "видеть" мысль умом, как видят вещь глазами. Здесь скрывается одна из самых трудных проблем философии – проблема объективно значимых идей, материализующихся в фактуре слов, да и в проблеме языка в целом. Как вечную загадку ее ставят перед последующей философией античные мыслители, прежде всего Платон» [5].

С другой стороны, уже в Античной Греции одним из важных предметов философии становится политика и, в первую очередь, ее природа и закономерности протекания политических процессов. Само слово «политика» и производные от него понятия, в том числе и понятие «политическое», произошли от греческого слова «полис», означающего особую форму античного города – государства, представляющего собой пространство социального и политического бытия древнего грека. Кроме того, значительная часть фундаментальных для политики, политической философии (политической теории) и политической науки в целом понятий, идей и принципов, возникших на заре древнегреческой цивилизации, объясняется тем, что еще с самого начала своего развития древнегреческая цивилизация предполагала достаточно развитую политическую жизнь и политические формы. В рамках жизнедеятельности древнего грека пространство политики было весьма обширным, что является свидетельством исключительной важности для него политических процессов и отношений. Греческая цивилизованность вообще предполагает интенсивную политическую жизнь значительной части населения полиса, гражданин которого выступает в различных политических качествах [6]. Древними греками было выработано понятие о правах и обязанностях человека, о неприкосновенности для других частной, личной жизни и свободы, включающей право частной собственности, право на свободно выбираемый образ жизни, на формирование и артикуляцию собственных взглядов. Дело в том, что политика «в Древней Греции и, по существу, впервые в истории, не только открыла, но и реализовала возможности отстаивания совокупных индивидуальных прав и возникновения государственно-правовых, идейно-нравственных гарантий. Философское их обоснование быстро приобрело огромное социокультурное значение» [7].

В границах осмысления политического бытия древнего грека философия выступает как способ выявления природы политических реалий, определения закономерностей политических процессов и построения определенного идеала политического устройства. Именно в этом процессе выявления некоего «безусловного смысла» и формируется понятие.

Отмеченное особенно актуально сегодня, в условиях превалирования методов деконструктивизма и постмодернизма, когда зачастую концепции выстраиваются на основе «раскачивания» смысла и значения слов: «Поэтому в античности игра со словом… была конструктивной работой, на основании которой создавались новые смыслы. А в постмодернизме – принцип разрушения смысла абсолютизируется и центральной становится именно игра со словом, а не конструктивная смыслообразующая философская работа… Таким образом, в Античности превалирует целостность, а здесь (в наше время – Р.М.) фрагментарность (клиповость). Такое понимание философии отражает ситуацию эпохи, когда внешне стремящееся к интеграции сообщество на самом деле является глубоко фрагментированным образованием» [8]. Разрушение рационально сконструированных смыслов – понятий не только не может способствовать решению наличествующих в современной политической науке «семантических головоломок», но и множит их. Между тем философия, сформировавшаяся на заре древнегреческой цивилизации, сохранила в себе установку на сознательное конструирование

смысловых реалий, которые не обязательно должны быть верифицируемы действительностью. Именно благодаря своему умозрительному характеру философия оказывается способной решать «конкретные» вопросы вне рамок определенного научного знания.

Что касается определения Т. Митрохиной сравнительного анализа как способа верификации эмпирических данных, то оно попросту методологически некорректно. Основной методологический принцип неопозитивизма, как он был сформулирован представителями «Венского кружка», – принцип верификации – предполагает принципиальную проверяемость научных высказываний через сведение его к протокольным высказываниям, в нашем случае – к эмпирическим данным. Сравнительный анализ может стать основанием для создания научной теории, а не верификации эмпирических данных. Истинность же эмпирических данных устанавливается через наблюдение соответствующего явления.

Подобная ситуация объясняется главным образом отсутствием в современной сравнительной политологии определенности в методологических подходах и ориентирах. Сегодня многие исследователи сходятся во мнении о том, что наблюдаемый в последние десятилетия в сравнительных политических исследованиях методологический плюрализм породил серьезный теоретический кризис сравнительной политологии. Этот кризис сказался, в первую очередь, на американской политической науке. По мнению Филиппа Шмиттера, сегодня сравнительная политология находится на перепутье и «тенденция, которую она выберет в будущем относительно своей онтологии и гносеологии, будет определяться тем, останется ли она, как и прежде, главным источником критических инноваций для всей дисциплины (политической науки), или растворит себя в мягком и конформистском американо-центристском мэйнстриме» [9].

При выстраивании общей логики генезиса и развития современной сравнительной политологии становится очевидным тот факт, что с самого начала формирования этой политологической субдисциплины сложились две основные взаимосвязанные и взаимодополняющие методологические традиции, «работающие» на протяжении всей истории существования сравнительной политологии. Первая традиция тяготела к созданию теоретических моделей и направляла поиск данных для сравнения. Что касается второй традиции, то она была ориентирована на наличествующие эмпирические данные и их обобщение. Л.В. Сморгунов считает разнонаправленность этих методологических ориентиров вполне понятным в случае, если «рассматривать сравнительную политологию как своего рода посредника между политической теорией и эмпирическими субдисциплинами политической науки, благодаря интегрирующей роли которого обеспечивается единство политического знания и политологии как таковой. Можно сказать, что представители первой традиции повернуты лицом к теории, тогда как второй – к эмпирике» [10].

Становление плюралистичной сравнительной политологии наблюдается уже с конца 60-х годов, когда появляются новые методологические ориентации, вызванные реанимацией интереса к политической философии и критикой рациональных оснований науки. Именно с этого момента начинается критика бихевиорализма. Становится очевидным, что основанная на бихевиорализме и структур-

ном функционализме политическая наука оказалась лишенной ценностной нагрузки, что привело к господству одной парадигмы, связанной с идеологией либерализма. К тому же, использование отмеченных концепций свелось к созданию лишенной уникальности и многообразия политической картины мира. Перевес количественных методов анализа, создавая возможность проверки гипотез, вместе с тем приводил к их упрощению. Несмотря на то, что в поле сравнительно-политологических исследований были включены и страны Азии, Африки и Латинской Америки, бытующая в науке концепция зависимого развития не была привлекательной у части исследователей как западных, так и незападных стран. Господство в современной политической науке одной парадигмы проблематизирует плюралистичность «плюралистической» сравнительной политологии. С другой стороны, либерально «окрашенная» парадигма «позволяет» политической науке строить лишь один – эталонный – образец политического бытия, под который «подгоняются» (как в рамках теории, так и в рамках реальной политики) все страны и регионы мира. Именно такому подходу обязаны своим рождением выражения типа «лидеры развития», «догоняющее развитие» и другие, обогатившие арсенал современной политической риторики.

Уже тогда некоторые исследователи начали говорить о кризисе сравнительной политологии. По сути, это означало понимание необходимости серьезной трансформации ее методологии.

В этом процессе исследователи выделяют несколько основных тенденций.

1. Радикальная тенденция, наиболее выпукло проявленная в постмодернистской и феминистской методологических ориентациях. Суть критики постмодерна и феминизма заключается в радикальном разрыве с рационально-научным стилем познания. В конечном счете, эти концепции проблематизируют вопросы теории и метода в современной сравнительной политологии.
2. Реанимация значения сравнительно-исторической методологии (К. Маркс, М. Вебер).
3. Обновленческая тенденция, связанная с расширением методологического инструментария, позволяющего использовать средства статистического анализа и вместе с тем разрешать проблему единства количественных и качественных методов исследования.

Одновременно совершенствуется и расширяется сфера использования методов математической логики. Изменяется тематика сравнительной политологии за счет включения вопросов переходных процессов, конфликтов, региональной интеграции и т.д.

С начала 70-х годов сравнительная политология окончательно входит в плюралистическую фазу, характеризующуюся сосуществованием различных методологий. Постоянно растущее многообразие сравнительного политического анализа, разработка множества инновационных теоретических подходов порождает стремление к формированию новой, конструктивистской сравнительной политологии. Это стремление Л.В. Сморгунов объясняет провалом «экономического экспансионизма», вызовами «коммуникационной революции» и повышением

роли когнитивных составляющих в политическом процессе [11]. Подобная направленность методологической рефлексии особенно характерна для западных компаративистов. Актуализация конструктивизма в сравнительной политологии Даниелом Грином объясняется появлением новых факторов, как-то: расширение круга негосударственных субъектов политического процесса, отказ от классовой политики в пользу политики идентичности, политическая децентрализация и т.д. По его мнению, конструктивизм в сравнительной политологии означает привнесение в сравнительно-политологический анализ концепции культуры и идентичности [12]. Свой взгляд Д. Грин обосновывает тем, что новые политические конфликты связаны не столько с материальными интересами, сколько с новой политической идентичностью[1].

Однако до сих пор в политической науке отсутствует определенность в толковании самого понятия «идентичность» и концепта идентичности. Предлагаемый многими исследователями выход из данного положения сводится к тому, что «интерпретация данного понятия и концепта должна осуществляться в контексте конкретной субдисциплины, разумеется, при учете принципа междисциплинарности, который является неотъемлемым элементом современного подхода» [13].

В пространстве свободно апробируемых методологических подходов, естественно, не мог не возникнуть кризис теоретических оснований сравнительной политологии, как впрочем, и всей политической науки. Преодоление этого кризиса исследователям видится в синтезе ряда теоретико-методологических традиций.

Однако даже у предложивших данную установку исследователей проявляется понимание того, что ее реализация чревата проблемой пределов синтеза ряда теоретико-методологических установок и степени его научной результативности. Отмеченная проблема необходимым образом возникает при попытке совмещения «работающих» в сравнительной политологии качественных и количественных, интерпретативных и познавательных, институциональных и когнитивистских, статистических и case – ориентированных подходов. Тем не менее, уже сама постановка вопроса о необходимости синтеза теоретико-методологических подходов с целью восстановления статуса сравнительной политологии и преодоления кризиса методологических оснований современной политической науки свидетельствовала о стремлении к преодолению позитивистских тенденций в политической науке и в сравнительной политологии, в частности. В контексте реакции против сциентизма XX века была реанимирована идея о том, что генетически и исторически политическая теория одновременно была философской, сравнительной и вовлеченной в политику [14]. Критика позитивистской науки, однако, не означала ни реанимацию дюркгеймовского интерпретативного подхода, в свое время обеспечившего научный подход в обществознании, ни веберовского «понимающего» метода. Она, по сути, свелась к тому, что сама политичес-

[1] Приведенный аргумент Д. Грина не выдерживает критики, поскольку все известные в человеческой истории конфликты в явной или неявной форме являются порождением стремления к сохранению «самости».

кая реальность должна рассматриваться в рамках иной научной парадигмы. Подобный взгляд порождает необходимость переосмысления политики через призму концепции «политического события» [15].

Согласно принимающему эту концепцию Л.В. Сморгунову, она способствует разрешению проблемы «методологического синтеза» в сравнительной политологии, так как в ней можно обнаружить содержание универсальных и партикулярных/сингулярных характеристик [16]. Методология событийного познания сводится к следующим основным уставкам.

- Нераздельность структурного и агентского (субъектного) факторов политического события.
- Трансформация структурного и агентского (субъектного) факторов в ходе политического события.
- Темпорально-ситуационная сложность политического события, его определенность условиями политического действия.
- Принципиальная открытость политического события его результатам.
- Перспективизм политического события.
- Формирование смысла политического события по его ходу.

Как видно, событийное познание представляет собой исследование политики в феноменологическом ключе. Феноменологический подход к политике выступил на арену как основа преодоления кризиса бихевиорализма в политической науке (70–80гг.). В странах Восточной Европы он был использован в качестве антитезы марксизму, как якобы не манипулируемая политикой истинная философия. Исходя из популярности феноменологии политики, некоторые исследователи считают ее перспективной с точки зрения трансформации методологического инструментария политических исследований. Считается, что событийный подход способствует решению основной задачи обновления сравнительной политологии – подчинения метода политической субстанции.

Очевидно, однако, и это признают даже апологеты феноменологии политики, что событийное познание не сумело окончательно преодолеть фактологическую (дюркгеймовская традиция) и интерпретативную (веберовская традиция) модели. Последние зачастую присутствуют в событийном познании. Фактически копилка «плюралистической» сравнительной политологии обогатилась еще одной методологической моделью, что, естественно, не может повысить степень научной результативности исследований. С другой стороны, сложно говорить о научной результативности событийного познания, когда в «политическом действии нет никакого алгоритма, который заранее можно просчитать и придать ему статус универсального правила» [16, с. 131]. Как в таком случае добывается знание и что оно представляет собой? Предлагаемая Л.В. Сморгуновым таблица парадигм знания скорее порождает ряд новых вопросов, но никак не способствует решению уже давно назревших проблем [16, с. 126].

Характеристики познания	Фактуальное знание (дюркгеймовская традиция)	Интерпретативное знание (веберовская традиция)	Событийное знание (феноменологическая традиция)
Политическая реальность	Системы, структуры, процессы, механизмы	Культуры, цивилизации, коммуникации	Действия и поступки (революции, конфликты, споры, соглашения)
Объект	Факт	Ценность	Событие
Цель	Выявление причин (процессы)	Определение значимости (смыслы)	Описание происходящего (идеи)
Способ	Монолог	Дискурс	Нарратив
Форма	Понятие	Суждение	Рассказ
Стратегия	Открытие	Интерпретация	Обнаружение
Значение	Универсальное	Уникальное	Всеобщее
Ментальные способности	Знать	Понимать	Думать
Роль	Инструментальное знание	Легитимационное знание	Ориентационное знание
Тип знания	Научное	Этическое	Практическое
Идентификация исследования	Эксперт	Участник	Политик

Например, характеристика политической реальности как действий и поступков порождает вопрос о том, где искать эту реальность, если не в границах каких-то политических структур или цивилизаций. «Думать» как характеристика ментальных способностей исследователя разве может существовать в отрыве от «знания» и «понимания»? «Политик», как критерий идентификации исследователя, напоминает ситуацию, сложившуюся в Древней Греции, когда одно и то же лицо могло выступать и в роли действующего политика, и осмысливающего пространство политики мыслителя и, вместе с тем, участника некоего политического события. Но политическая реальность в Древней Греции принципиально отличается от современной политической реальности, поскольку они находятся в пространстве различных типов цивилизаций.

В контексте сказанного актуализируется вопрос о границах возможного для политической науки.

1. Наблюдаемая в современной политической науке – и в западном, и в российском своих вариантах – тенденция специализации, а, по сути, фрагментации, вызвала к жизни длинный перечень дисциплин (политическая конфликтология, политическая социология, политическая лингвистика, политическая семиотика, политическая информатика, политическая глобалистика, политическая антропология, политическая регионалистика, политическая психология, политическая этика, политическая культура, политическая идеология, политическая теория, политическая модернизация, транзитология, геополитика, этнополитология, сравнительная политика, международная политика и т.д.), создающие иллюзию самодостаточности политической науки. Однако добываемое в рамках каждой из перечисленных дисциплин знание носит рецептурный характер и в силу

этого не обладает необходимыми для научного знания качествами и, прежде всего, эвристическим потенциалом.

2. В политической науке применяется целый набор подходов: бихевиоральный, структурно-функциональный, сетевой, кибернетический и другие, возникшие на определенной социально-философской и политико-философской основе. Очевидно, что эффективное использование указанных подходов предполагает достаточно высокую философскую (эпистемологическую) культуру исследователя. Последняя необходима также и для выработки новых методологических подходов, без которых невозможно развитие науки вообще и политической науки, в частности.
3. Одним из аспектов развития политической науки является разработка проблем на стыке наук: политическая наука и экономика, политическая наука и право, политическая наука и история, политическая наука и управление, политическая наука и этнология и т.д. Проведение подобных разработок возможно лишь в поле напряжения «философия–политическая наука–экономика», «философия–политическая наука–право», «философия–политическая наука–история», «политическая наука–философия–управление», «философия–политическая наука–этнология», поскольку философии, как одной из высших проявлений мышления, присуща системность, позволяющая ей быть способом интеграции, связи и взаимодействия между весьма далеко разошедшимися частями современной науки и культуры.
4. Актуальная политика стоит перед рядом ключевых проблем, не разрешаемых в рамках социально-нейтральной политической науки. Одной из таких проблем является поиск общественно-исторических инвариантов, предполагающих не интерпретацию отдельных учений или разработку конкретных концепций, а осмысление глубинных оснований, природы тех явлений и процессов, которые характерны для современной политической ситуации, проекциями которых являются сами эти учения и концепции. Отсутствие подобной направленности политических исследований привело к тому, что мир вошел в третье тысячелетие без теории будущего. А это означает, что человечество не обладает общей стратегией развития и выживания. Нужно полагать, что приоритетной задачей политической науки должно стать восполнение того идейного вакуума, который образовался на рубеже XX–XXIвв., а именно: разработка новой теории будущего, сам факт отсутствия которой уже является серьезной научной, да и не только научной, проблемой [17].

Очевидно, что обращение лишь к одной философской традиции, в данном случае – к феноменологии Э. Гуссерля, само по себе еще не обеспечивает вновь востребованную на сегодняшний день философскую составляющую сравнительно – политологических исследований. Феноменологический метод в политике является лишь одной философской традицией, основывающейся на одном из целого ряда основных направлений философии XX века.

* * *

На сегодняшний день к учебному курсу «Сравнительная политология» необходимо выдвинуть следующие основные требования.

Основной целью дисциплины предполагается ознакомление студентов с достижениями современной сравнительной политологии, понимание специфики политических традиций и особенностей устройства и функционирования политических институтов государств, привитие студентам навыков анализа мировой политики на субнациональном и национальном уровнях. В процессе прохождения курса должны быть решены следующие задачи: формирования у студентов представления о природе, предмете и методе сравнительного анализа, о генезисе, основных исторических этапах развития и современном состоянии сравнительной политологии, понимания возможностей политической компаративистики для осмысления важнейших тенденций политического развития на всех уровнях – от субнационального через национальный к мировому и, наоборот, от мирового через национальный к субнациональному, осмысления процессов формирования и развития современных политических систем и культур, особенностей функционирования политических институтов и осуществления политических процессов в различных регионах мира.

Отмеченные цели и задачи дисциплины необходимым образом предполагают наличие в программах курса следующих основных разделов: сущность сравнительного анализа и его методологический инструментарий, политические системы и политические культуры современности (лидеров развития, динамичного или наверстывающего развития, в зонах вызова развития), система правления и режимы, методологические и предметные аспекты крупных структур, долгих процессов, масштабных сравнений.

Полагаю, что усвоение данного курса студентами будет более результативным, если преподаватель при прохождении указанных разделов дисциплины учтет следующие моменты.

1. Сравнительный анализ как метод исследования политики генетически и исторически связан с изучением политики вообще, о чем свидетельствует история политических учений, начиная с формирования первых политических концепций (Древняя Греция) до начала институционализации современной политической науки (II половина XIXв.). В истории становления и развития сравнительной политологии (начиная со II половины XIXв. до наших дней) выделяются следующие этапы:

- Становление сравнительной политологии как самостоятельной отрасли знания (II половина XIXв.).
- Формирование «традиционной сравнительной политологии» (I половина XX в.).
- Институционализация «новой сравнительной политологии» (с начала 50-х по конец 70-х годов).
- Кризис субдисциплины и рождение «плюралистической сравнительной политологии» (с конца 70-х годов по настоящее время).

Выделение этих этапов и последовательное осмысление эволюции сравнительной политологии способствует выявлению основных тенденций и

логики развития сравнительной политологии в системе современной политической науки.

2. Этапы становления сравнительной политологии необходимо рассмотреть в контексте политических исследований, осуществляемых в США в рамках институционализирующейся политической науки. Хотя американская политическая наука и сравнительная политология в период своего формирования основывались на европейских исследованиях, однако в дальнейшем они стали оказывать сильное воздействие на европейские исследования.

3. При выявлении эволюции субдисциплины становится очевидным тот факт, что начало каждого этапа сопровождается оживлением дискуссий теоретико-методологического характера, в дальнейшем сменяемого нарушением теоретико-методологической «четкости» исследований, что главным образом объяснимо нарушением необходимой связи сравнительной политологии с философией и политической философией в частности. И это при том, что исследуемые в сравнительной политологии проблемы нуждаются, прежде всего, в философском осмыслении, т.е. выявлении или понимании природы, сущностных характеристик анализируемых в рамках этих проблем политических реалий.

Поэтому для изучения соответствующих разделов данного учебного курса студент должен обладать определенной философской культурой, что возможно обеспечить за счет параллельного прохождения учебного курса «Политической философии».

4. При преподавании учебного курса «Сравнительная политология», как, впрочем, и любого другого вузовского предмета, преподавателем должен учитываться тот факт, что студент обязан не ***учить*** предмет, а ***изучать*** его. Только в этом случае выпускник вуза может стать обладающим профессиональным мышлением специалистом в известной области научного знания, а не имеющим определенный объем соответствующей информации человеком.

---

1. *Алмонд Г.* и др. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 69.
2. См.: *Доган М., Пеласси Дж.* Сравнительная политическая социология. М., 1994. С. 40; *Петери З.* Задачи и методы сравнительного правоведения. Сравнительное правоведение. М., 1987. С. 87.
3. *Митрохина Т.Н.* Сравнение как средство развития политической теории. Полис, 2004, № 3. С. 170.
4. См.: *Дюркгейм Е.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1990. С. 512; *Ильин М.В.* Сравнительная политология: научная компаративистика в системе политического знания. Полис, 2001, № 4. С. 165.
5. *Мотрошилова Н.* Рождение и развитие философских идей. М., 1991. С. 65.
6. См.: *Мирумян Р.А.* Политическая философия: история и современность (методологические аспекты). Вестник РАУ, серия: гуманитарные и общественные науки. Ер., 2007, № 1 (11).
7. *Мотрошилова Н.* Рождение и развитие философских идей. С. 62.
8. *Миронов В.В.* Философия и Слово (или еще раз о специфике философии). Вопросы философии. М., 2012, № 1. С. 19.

9. *Schmitter Ph.* The Nature and Future of Comparative Politics. European Political Science Review. Vol. 1, № 1. P. 35.
10. *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. М., 2002. С. 13.
11. См.: *Сморгунов Л.В*. Современная сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значит ли что-то идея для объяснения политики? Полис, 2009, № 1. С. 128.
12. См.: *Green D.M.* Constructivism and Comparative Politics. N.Y. , 2002. P. 4.
13. *Фадеева Л.А.* Проблема идентичности в сравнительной политологии. Полис, 2011, № 1. С. 135. Обращение к проблеме идентичности неправомерно объясняется исследователями ее компенсаторной функцией в исследовании субъективной стороны политического процесса и который Г. Алмондом и С. Вербой был назван политической культурой.
14. См.: *Davis J.* Terms of Inquiry: On the Theory and Practice of Political Science, Baltimore, 2005. P. 2; *Holmes S.* New Approaces to Comparative Politics: Insights from political Theory, Lanhum, 2003. P. 8; *Zapato-Bazzeto R.* Political Innovation and the Management of Structural Change. European Political Science. Vol. 3, № 3. PP. 39–50.
15. См.: *Бадью А.* Можно ли мыслить концепцию? Краткий курс по метаполитике, М., 2005. С. 53; *Нанси Ж.Л.* Бытие единственное и множественное. Минск, 2004. С. 259; *Арендт Х.* Vita Activa или о деятельной жизни. СПб., 2000. СС. 292–293; *Фюре Ф.* Постижение Французской революции. СПб., 1998. С. 25.
16. *Сморгунов Л.В.* Событийное политическое знание и его значение для современной сравнительной политологии. Полис, 2011, № 1. С. 123.
17. См.: *Мирумян Р.А.* Политическая философия: история и современность (методологические аспекты). СС. 15–16.

ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ՔԱՂԱՔԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ՓԻԼԻՍՈՓԱՅԱԿԱՆ ԵՎ ՏԵՍԱՄԵԹՈԴԱԲԱՆԱԿԱՆ ՀԻՄՆԱՀԱՐՑԵՐ

(բուհում քաղաքագիտության դասավանդման առանձնահատկության հարցի շուրջ)

Ամփոփում

Հոդվածում ձևակերպվում և հիմնավորվում է այն գաղափարադրույթը, թե փիլիսոփայության և, ի մասնավորի, քաղաքական փիլիսոփայության հետ կապի բացակայությունը հանգեցնում է համեմատական քաղաքագիտության և անգամ ողջ քաղաքագիտության տեսական հիմքերի թուլացմանը, լուրջ մեթոդաբանական ճգնաժամին, որը, սակայն, անհաղթահարելի է անընդհատ հարստացող մեթոդաբանական գործիքակազմով: Արդի համեմատական քաղաքագիտության վիճակի նման վերլուծության հիման վրա տրվում են մի շարք հանձնարարականներ՝ բուհում այդ առարկայի դասավանդման և ուսումնասիրման համար:

Հիմնաբառեր՝ համեմատական քաղաքագիտություն, մեթոդաբանական «պլյուրալիզմ» (հոգնականություն), մեթոդաբանական ճգնաժամ, հետազոտողի փիլիսոփայական (իմացաբանական) մշակույթ, քաղաքականության երևութաբանություն, քաղաքական իրականություն, իրադարձային քաղաքական գիտելիք:

PHILOSOPHICAL AND THEORETICAL-METHODOLOGICAL PROBLEMS OF COMPARATIVE POLITICS
(On the Question of the Specificity of Teaching Politics at the University)

Summary

In the article it is formulated and substantiated the thesis that the lack of ties or weak ties with philosophy and in particular political philosophy inevitably lead to the weakening of theoretical foundations of comparative politics and the whole political science, to a serious methodological crisis, which can't be overcome by constantly enriching set of methodological tools. On the basis of this analysis of the contemporary comparative politics, there are given some recommendations for studying this subject at the university.

Keywords: comparative politics, methodological "pluralism", methodological crisis, researcher's philosophical (epistemological) culture, phenomenology of politics, political reality, event-driven political knowledge.

ՈՍՏԻԿԱՆԻ ԱՆՁՆԱՅԻՆ ՀԱՏԿԱՆԻՇՆԵՐԻ ՁԵՎԱՎՈՐՄԱՆ ՎՐԱ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՍՏԱԺԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ

Ն. Նազարյան

Աշխատանքի նպատակն է հետազոտել ոստիկանի անձը՝ բացահայտելու որոշակի անձնային որակներ, որոնք կարող են պայմանավորված լինել նրա մասնագիտական գործունեության բնույթով և նպաստել դրա հաջող կատարմանը: Ըստ CPI մեթոդիկայով անցկացված հետազոտության արդյունքների՝ ուսումնասիրված ոստիկաններն ունեն որոշակի անձնային բնութագրեր, որոնք ձևավորում են նրա անձը որպես հարաբերականորեն կայուն ամբողջություն:

Ոստիկանի մասնագիտական գործունեության և նրա անձի հիմնախնդիրների ուսումնասիրումն այսօր բավականին լուրջ գիտագործնական նշանակություն ունի, քանզի ակնհայտ է այդ մասնագիտության աճող դերը քաղաքակիրթ հասարակության կյանքում, որն օրեցօր ավելի է մեծացնում և հստակեցնում իր պահանջները ոստիկանության աշխատանքի և ոստիկանի անձի հանդեպ: Եվ չնայած վերոնշյալ հիմնահարցերի՝ գիտական հիմքերի վրա լուծման հրատապությանը, ոստիկանի մասնագիտական գործունեության ու նրա անձի խնդիրները դեռևս ուսուսումնասիրության կարիք ունեն: Այս աշխատանքի նպատակն է հետազոտել ոստիկանի անձը՝ բացահայտելու այն հիմնական անձնային առանձնահատկությունների առկայությունը, որոնք կարող են ոչ միայն պայմանավորված լինել ոստիկանի մասնագիտական գործունեության յուրահատկություններով, այլև նպաստել դրա հաջող իրականացմանը:

Բազմաթիվ հոգեբաններ են արծարծել անձի ձևավորման և դրսևորման վրա գործունեության ազդեցության հարցը: Այսպես, Ս.Լ. Ռուբինշտեյնը գտնում է, որ անձի հոգեկան կերպարը ձևավորվում է կոնկրետ գործունեության մեջ նյութական և հոգևոր մշակույթի պատմականորեն ձևավորված բովանդակությունները յուրացնելու արդյունքում: Նա գրում է, որ վարքի ներքին հոգեկան բովանդակությունը, ձևավորվելով անձի համար նշանակալի իրավիճակում, վերածվում է անձի հարաբերականորեն կայուն հատկությունների, որոնք իրենց հերթին անդրադառնում են նրա վարքի վրա [1]: Ա.Ա. Բոդալևը գտնում է, որ առարկայական գործունեության և շփման համատեղ ազդեցության ներքո ձևավորվում են անձի հոգեկան գործընթացների, վիճակների և հատկությունների մի շարք կայուն բնութագրեր [2]: Ս.Պ. Բեզնոսովը ցույց է տալիս, որ մասնագիտական գործունեությունը որպես զարգացած և վերարտադրող համակարգ սահռելի ձևավորող ազդեցություն է գործում անձի վրա՝ պայմանավորելով նրա մասնագիտական բնավորության և մասնագիտական տիպի ձևավորումը [3]: Փաստորեն, ոստիկանի մասնագիտական գործունեության յուրահատկությունները, հատուկ պահանջներ ներկայացնելով նրա անձնային

որակներին, ձևավորում են ոստիկանի անձը՝ որպես հարաբերականորեն կայուն ամբողջություն:

Գրականության մեջ ընդունված է ոստիկանի անձի հետազոտության համար, իբրև առավել համապատասխան մեթոդիկա, կիրառել Կալիֆորնիական հոգեբանական հարցարանը (CPI) [4]: CPI-ի միջոցով կարելի է որոշել անձի՝ միջանձնային փոխազդեցության իրական իրավիճակներում դրսևորած որոշակի առանձնահատկությունների ամբողջությունը, անձնային տիպը և այլն: 462 հարցից բաղկացած վերոնշյալ հարցարանով ախտորոշվող 20 գործոններն են՝ դոմինատություն (Do), ստատուսի ունակություն (Cs), շփվողականություն (Sy), սոցիալական ներկայություն (Sp), ինքնընդունում (Sa), անկախություն (In), ապրումակցում (Em), պատասխանատվություն (Re), սոցիալականացում (So), ինքնավերահսկողություն (Sc), տոլերանտություն (To), ձեռքբերում ենթարկման միջոցով(Ac), ձեռքբերում անկախության միջոցով (Ai), մտավոր արդյունավետություն (Ie), հոգեբանական մտածելակերպ (Py), ճկունություն (Fx), առնականություն/ կանացիություն(F/M), լավ տպավորություն (Gi), սովորականություն (Cm), բարեկեցության զգացում (Wb) [5]:

Տեստային պրոֆիլի գնահատումը կատարվում է սանդղակների տարբեր խմբերի վերելքները համեմատելու միջոցով՝ դրանց կլաստերային (դասային) կամ գործոնային գնահատման հիման վրա: Սանդղակների I դասը (Do, Cs, Sy, Sp, Sa, In, Em) արտացոլում է անձի ոճային բնութագրերը և միջանձնային փոխազդեցության կողմնորոշման յուրահատկությունները՝ չափելով ինքնավստահությունը, հավասարակշռվածությունը, ազդեցիկությունը, սոցիալական հմտությունների զարգացածությունը, միջանձնային փոխազդեցության արդյունավետությունը: Սանդղակների II դասը (Re, So, Sc, Gi, Cm, Wb, To) որոշում է անձի նորմատիվ արժեքները և կողմնորոշումները և չափում է անձի հասունությունը, անձնային արժեքները, պատասխանատվության զգացումը, ինքնավերահսկողությունը: Սանդղակների III դասը (Ac, Ai, Ie) որոշում է անձի ընդհանուր ինտելեկտուալ մակարդակը և ձեռքբերումների կողմնորոշումը: Սանդղակների IV դասը (Py, Fx, Fe/M) գնահատում է անձի հետաքրքրությունների ու կենսաոճի համապատասխանությունը տվյալ անձի սեռադերային բնութագրերին: Փորձարկվողների հիմնական բնորոշ առանձնահատկությունները որոշվում են CPI մեթոդիկայով ստացվող տվյալների վերլուծության արդյունքում՝ մեկնաբանելով առանձին սանդղակներն ըստ դրանց ստանդարտ միավորների [6]:

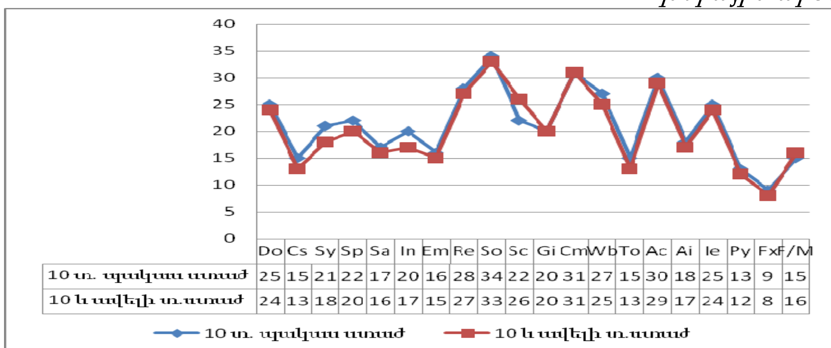
Ոստիկանի անձի վերաբերյալ տվյալների ստացման նպատակով փորձարարական հետազոտության մեջ ընդգրկվել են ՀՀ ոստիկանության տարբեր ստորաբաժանումների 159 աշխատակից, որոնցից վերլուծության ենթակա են եղել 136-ի անհատական պրոֆիլները, որոնք համապատասխանել են CPI մեթոդիկայի վալիդության սանդղակներին:

Հետազոտության մասնակիցների տվյալները ներկայացվում են 2 ընտրակազմով՝ 10 տարուց պակաս (1-ին խումբ) և 10 և ավելի տարվա ստաժ ունեցող (2-րդ խումբ) ոստիկանների խմբեր: Նման բաժանումն արվել է ըստ մասնագիտական ստաժի գործոնի՝ հիմք ընդունելով այն դրույթը, համաձայն որի տևական ժամանակ մասնագիտական դերի կատարումը որոշակի ազդեցություն է գործում կայուն անձնային գծերի ձևավորման վրա [7, էջ 72]:

Աղյուսակ 1-ում ներկայացվում են երկու ընտրակազմերի CPI պրոֆիլները՝ թեստային գնահատականների միջին խմբային արժեքներով:

Աղյուսակ 1.

Ոստիկանների խմբերի CPI պրոֆիլները՝ թեստային գնահատականների միջին խմբային արժեքներով

	Do	Cs	Sy	Sp	Sa	In	Em	Re	So	Sc	Gi	Cm	Wb	To	Ac	Ai	Ie	Py	Fx	F/M
10 տ. պակաս ստաժ	25	15	21	22	17	20	16	28	34	22	20	31	27	15	30	18	25	13	9	15
10 և ավելի տ.ստաժ	24	13	18	20	16	17	15	27	33	26	20	31	25	13	29	17	24	12	8	16

Աղյուսակը ցույց է տալիս, որ 1-ին խմբի մոտ CPI սանդղակների միջինացված գնահատականների մեծ մասը, հատկապես Cs (1-ին խըմբում 15, 2-րդ խմբում՝ 13), Sy (համապատասխանաբար 21 և 18), Sp (22 և 20), In (20 և 17), To (15 և 13) սանդղակների դեպքում, ավելի բարձր են 2-րդ խմբում ստացված գնահատականներից: Միայն Sc և F/M սանդղակներով են 1-ին խմբի տվյալներն ավելի ցածր 2-րդ խմբում ստացված տվյալներից (համապատասխանաբար 22 և 26, և 15 և 16): Մնացած սանդղակներով 1-ին և 2-րդ խմբերը իրարից կամ բոլորովին չեն տարբերվում (Gi, Cm) կամ քիչ են տարբերվում (Do, Sa, Em, Re, So, Wb,To, Ac, Ai, Ie, Py,Fx): Այսպիսով, մինչև 10 տարվա ստաժ ունեցող ոստիկանները տարբերվում են 10 և ավելի տարվա ստաժ ունեցող ոստիկաններից այնպիսի որակներով, ինչպիսիք են ավելի վառ արտահայտված ստատուսի ունակությամբ, շփվողականությամբ, սոցիալական ներկայությամբ, անկախությամբ և հանդուրժողականությամբ:

Ոստիկանների 1-ին խմբում CPI պրոֆիլի ընդհանուր բարձրությունը գնահատելիս երևում է, որ 50T-ից բարձր միավորների գոտու մեջ գտնվող սանդղակներից մեկնաբանելի են Do և In սանդղակները, իսկ Re, So, Sc, Gi, Ac սանդղակները ենթակա չեն մեկնաբանության, քանի որ գտնվում են 45-55 T միջակայքում: 50 T-ից ցածր միավորների գոտում գտնվող սանդղակներից՝ Cs, Sy, Sp, Sa, Em, Cm, Wb, To, Ie, Py, Fx, F/M 45-55 T միջակայքում են Cs, Sy, Sp, Ai, Sa, Py սանդղակները, ուստի դրանք մեկնաբանելի չեն: Այս խմբում գրանցված գագաթները երկուսն են՝ Do՝ 60 T և In՝ մոտ 60 Tմիավոր, իսկ վայրէջքներ դիտվում են Em, Cm, To, Fx, F/M սանդղակներում, որտեղ առավել արտահայտված է F/M սանդղակի անկումը՝ 35 T միավոր:

Դիտարկելով մեկնաբանության ենթակա առանձին սանդղակները՝ պարզ է դառնում, որ 10 տարուց պակաս ստաժ ունեցող ոստիկանները բավականին դոմինանտ և ուժեղ են, հարկ եղած դեպքում կարող են կատարել լիդերի գործառույթներ: Նրանք կողմնորոշված են դեպի նպատակը, կարգապահ և ինքնավստահ են, դրսևորում են մտքերի և արարքների ակնհայտ անկախություն, սովորաբար արդյունավետորեն փոխգործակցում են ուրիշների հետ, ունեն համոզելու ձիրք, այլոց հետ կապ

հաստատելու և իրենց ուզած ուղղությամբ նրանց հետ խաղալու զարգացած հմտություններ: Միաժամանակ մի փոքր առանձնացած են, դրսևորում են սոցիալական օտարվածության որոշ նշաններ, կասկածամիտ են և չվստահող, հակված են ավելի շուտ քննադատել, քան փորձել հասկանալ դիմացինին: Չեն դրսևորում հասկանալու պատրաստակամություն, ուստի երբեմն անհանդուրժող և անտարբեր են ուրիշների հանդեպ: Ստերեոտիպային չեն, իրենց մյուսներից տարբեր են համարում: Կարող են դրսևորել ընտրողական ռեակտիվություն: Լավատես չեն, հաճախ այնքան էլ բավարարված չեն իրենցով և այն սոցիալական աջակցությամբ, որ ստանում են: Այնքան էլ արդյունավետ չեն օգտագործում ժամանակը, կողմնորոշված են գործողությանը, նախընտրում են առնչվել շոշափելի կոնկրետ խնդիրների հետ: Զգուշավոր են, պրակտիկ, հաստատակամ իրենց ծրագրերի իրականացման հարցում, բայց հակված չեն նոր մոտեցումներ որոնել, փոփոխություններին դանդաղ են հարմարվում: Ընդհանուր առմամբ ավելի ռացիոնալ են, ինքնաբավ, հուզականորեն անկախ ուրիշներից, բայց հուզական կախվածության մեջ են իրենց վարքագծից: Բավականություն են ստանում հասարակական գործունեությունից, կարող են նախաձեռնող լինել:

Ինչ վերաբերում է 10 և ավելի տարվա ստաժ ունեցող ոստիկանների խմբին, ապա CPI պրոֆիլի ընդհանուր բարձրությունը գնահատելիս երևում է, որ 50T-ից բարձր միավորների գոտու մեջ գտնվող սանդղակներից մեկնաբանելի են Do և Sc, 50 T-ից ցածր միավորների գոտում գտնվող սանդղակներից՝ Cs, Sy, Sp, Em, Cm, Wb, To, Ie, Py, Fx, F/M սանդղակները: In, Re, So, Gi, Ac, Sa և Ai սանդղակների միավորները, տեղակայված լինելով 45-55 T միջակայքում, ենթակա չեն մեկնաբանության: Այս խմբում դիտվում են երկու գագաթ՝ Do և Sc, երկուսն էլ 60 T մոտ միավորներով, իսկ վայրէջքներից առավել արտահայտված են To և Fx սանդղակների անկումները՝ 35 T միավորին մոտ:

Անդրադառնանք այս խմբում բացահայտված տարբերություններին: Այսպես, 10 և ավելի տարվա ստաժ ունեցող ոստիկանները ավելի կարգապահ և կայուն են, ուշադրություն են դարձնում դետալներին, ամեն ինչ նախապես պլանավորում են, նախընտրում են կանխատեսելիությունը փոփոխություններից: Կարիք ունեն անընդհատ վերահսկողության և ցուցումների, հակված են խուսափել մրցակցությունից և պատասխանատվությունից: Չեն սիրում աչքի ընկնել, այլոց վրա ազդելու համար ավելի շուտ հենվում են իրենց պաշտոնի և ստատուսի, քան անձնական դիրքորոշումների ու դիրքի վրա: Զուսպ են սոցիալական կապերում և հազվադեպ են հունից դուրս գալիս, հաջողությամբ գործառնում են ոչ մեծ սոցիալական միջավայրում՝ ձգտելով առանձնանալ: Հիմնականում զգուշավոր են, ուրիշների վրա ուժեղ տպավորություն չեն գործում: Կոնֆորմիստ են, հոգում են իրենց վարվելակերպի մասին, նախընտրում են համագործակցությունը ուրիշներին մանիպուլյացիայի ենթարկելուց: Սովորաբար կողմնորոշված են դեպի խնդիրը, քիչ են հետաքրքրվում իրենց և ուրիշների վարքի դինամիկայով: Իսկ ահա դոմինանտության, էմպաթիկության, սովորականության, բարեկեցության զգացման, հանդուրժողականության, մտավոր արդյունավետության, ճկունության և կանացիության/առնականության սանդղակների՝ այս խմբում արձանագրված արդյունքներն էապես չեն տարբերվում 1-ին խմբի տվյալներից, որոնց մեկնաբանությունը բերված է վերևում:

Ոստիկանների երկու խմբերում անցկացված հետազոտության արդյունքները ենթարկվել են կոռելյացիոն վերլուծության Պիրսոնի գծային կոռելյացիոն բանաձևով N=70-ի համար [8]: Այս դեպքում կախվածությունները հավաստի են համարվում ($p \le 0.05$)՝ սկսած $r=0.23$ գործակցից. այդ ինդեքսի հետ համեմատվում են կոռելյացիայի բոլոր գործակիցները: Աղյուսակ 2-ում շտրիխներով նշանակված են հետազոտության արդյունքների վերլուծության համար առավել էական կոռելյացիաները, որտեղ $r<0.23$, $p<0.05$ և $r>0.23$, $p>0.05$: Առավել նշանակալի ինդեքսներն են r=0.4 Do, r=0.35 F/M, r=0.34 In և Re, r=0.32 Cs, r=0.31 Sy և Sc, r=0.26 Em և To, r=0.25 Ie սանդղակների համար:

Աղյուսակ 2.

Ոստիկանների խմբերում CPI սանդղակների կոռելյացիոն վերլուծության արդյունքները

№	սանդղակ	կոռելյացիայի գործակից	արժեքային մակարդակ	№	սանդղակ	կոռելյացիայի գործակից	արժեքային մակարդակ
1	Do	0.4”	$p \le 0.01$	11	Gi	0.01	
2	Cs	0.32”	$p \le 0.01$	12	Cm	0.24’	$p \le 0.05$
3	Sy	0.31”	$p \le 0.01$	13	Wb	0.02	
4	Sp	-0.1		14	To	0.26’	$p \le 0.05$
5	Sa	-0.001		15	Ac	0.04	
6	In	0.34”	$p \le 0.01$	16	Ai	0.01	
7	Em	0.26’	$p \le 0.05$	17	Ie	0.25’	$p \le 0.05$
8	Re	0.34”	$p \le 0.01$	18	Py	0.01	
9	So	0.15		19	Fx	-0.05	
10	Sc	0.31”	$p \le 0.01$	20	F/M	0.35”	$p \le 0.01$

Այսպիսով, կոռելյացիոն վերլուծության արդյունքում դրական կոռելյացիոն կապ հայտնաբերվեց ոստիկանների մասնագիտական ստաժի և CPI հիմնական սանդղակների միջև: Պարզվեց, որ մասնագիտական ստաժի աճին զուգընթաց դիտվում է CPI հիմնական սանդղակների միավորների անկում: Ընդ որում, ի տարբերություն 10 և ավելի տարվա ստաժ ունեցող ոստիկանների խմբի, մինչև 10 տարվա ստաժ ունեցող ոստիկանների խմբում գրեթե բոլոր սանդղակներում միավորներն ավելի բարձր են: Այս երևույթը թերևս կարելի է բացատրել այն հանգամանքով, որ մասնագիտական պարտականությունների տևական կատարումը և մասնագիտական միջավայրի ներգործությունը անդրադառնում են դրա սուբյեկտների անձնային որակների վրա՝ ձևավորելով որոշակի մասնագիտական տիպ, որը պետք է կարողանա տվյալ ոլորտում տարիներով հաջող գործառնել [9]: Չնայած տվյալ հետազոտությունը թույլ չի տալիս որոշել, թե կոնկրետ ոստիկանը մասնագիտական ստաժի աճին զուգընթաց ինչպիսի անձնային զարգացում է ապրում, այնուամենայնիվ կարելի է ենթադրել, որ հենց ստաժի գործոնն է վճռորոշ դեր խաղում նրա անձի ձևավորման մեջ մասնագիտական գործունեության յուրահատկությունների ազդեցությամբ պայմանավորված:

Այսպիսով, Կալիֆորնիական հոգեբանական հարցարանով անցկացված հետազոտության արդյունքները թույլ են տալիս եզրակացնել, որ իսկապես, ուսումնասիրված ոստիկաններն աչքի են ընկնում որոշակի անձնային առանձնահատկություններով: Նրանք ռիգիդ են, պահպանողական, կասկածամիտ և զգուշավոր, կարող են անհանդուրժող և անտարբեր լինել ուրիշների հանդեպ, հակված են վարքի կոնվենցիոնալ ձևերին, դրսևորում են սոցիալական մեկուսացածության և օտարվածության որոշ նշաններ, նրանց բնորոշ է դոմինանտությունը և ստատուսի հանդեպ հոգածությունը, համեմատաբար բարձր ինքնավերահսկողությունը,ինքնաբավությունը և ինքնավստահությունը, կարգապահ են և միտված են գործելուն, կողմնորոշված են դեպի նպատակը, ունեն համոզելու ձիրք և արդյունավետորեն փոխգործակցում են ուրիշների հետ, բավականություն են ստանում հասարակական գործունեությունից, կարող են աշխատել իրենց հանդեպ նվազագույն ուշադրության և ճանաչման պայմաններում և այլն: Անձնային այս հատկությունները ամենայն հավանականությամբ ձևավորվել և ամրապնդվել են մասնագիտական գործունեության ազդեցության ներքո: Ստացված արդյունքները հիմնականում համընկնում են գրականության տվյալների հետ [10]:

Անցկացված հետազոտության արդյունքները կարող են օգտագործվել ոչ միայն ոստիկանի մասնագիտական գործունեության արդյունավետությունը բարձրացնելու նպատակով, այլև ավելի բազմակողմանիորեն դիտարկել ոստիկանի կերպարի ձևավորման առանձնահատկությունները:

---

1. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 2000. СС. 513–517.
2. *Бодалев А.А.* Психология о личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988.
3. *Безносов С.П.* Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004.
4. *Hargrave G.E., Berner J.G.* Post Psychological Screening Manual. California Commision on Peace Officer Standards and Training. December, 1984; *Mills C.J., & Bohannon W.E.* (1980). Personality Characteristics of Effective State Police Officers. Journal of Applied Psychology, 65(6), 680–684; *Twersky-Glasner A.* (2005) Police Personality: What Is It and Why Are They Like That? Journal of Police and Criminal Psychology, 20(1), 56–67.
5. Практическое руководство по интерпретации CPI. Loring W. McAllister, 1988 / Пер. Н.А. Графининой, общ. ред. Н.В. Тарабриной, Инс. психол. РАН.
6. California Psychological Inventory // http://cmhs.utoledo.edu/npiazza/Adv%20Personality/CPI.htm
7. *Кон И.С.* Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999.
8. *Гудвин Дж.* Исследование в психологии: методы и планирование. 3-е изд. СПб.: Питер, 2004.
9. *Безносов С.П.* Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004.
10. *Lefkowitz J.* (1975). Psychological Attributes of Policemen: A Review of research and Opinion. Journal of Social Issues, 31 (1), 3–26. Cincinnati, OH: Anderson Publishing Company; *Twersky-Glasner A.* (2005) Police Personality: What Is It and Why Are They Like That? Journal of Police and Criminal Psychology, 20(1), 56–67.

ВЛИЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАЖА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Резюме

Работа направлена на исследование личности сотрудника полиции для выявления определенных личностных качеств, которые могут быть обусловлены особенностями профессиональной деятельности полицейского. Данные, полученные с помощью методики CPI, показывают, что исследованные полицейские имеют определенные личностные особенности, которые формируют личность полицейского как относительно стабильное единство.

THE IMPACT OF PROFESSIONAL EXPERIENCE ON THE FORMATION OF POLICE PERSONALITY

Summary

The aim of the paper is to study police personality to find out certain personal qualities related to the peculiarities of policeman occupation and which promote the effective fulfillment of the work. The results of CPI research indicate that the examined police officers have certain personal characteristics which form the police personality as a relatively stable integrated whole.

ԱԶԳԱՅԻՆ ՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԳԼՈԲԱԼԱՑՄԱՆ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Լ. Շաքունց

Գլոբալացումը միջազգային ինտեգրման անխուսափելի գործընթաց է, որն էական նշանակություն ունի պետությունների և հասարակությունների զարգացման հարցում: Այն առնչվում է տնտեսության, քաղաքականության, իրավունքի, միջազգային հարաբերությունների, սոցիալական ոլորտների, մշակույթի, շրջակա միջավայրի, անվտանգության և այլ ոլորտների հետ և ստեղծում նոր հեռանկարներ՝ միջազգային հանրության հետագա առաջընթացի համար: Այդ իսկ պատճառով գլոբալացման թեման դարձել է առավել քննարկվող ու արժանացել տարբեր բնագավառներում ուսումնասիրություն կատարող գիտնականների ուշադրությանը:

Առաջին անգամ «գլոբալացում» եզրը կիրառվել է Պիտսբուրգի համալսարանի պրոֆեսոր Ռ. Ռոբերսոնի կողմից XX դարի 80-ական թվականներին, և այն անմիջականորեն կապ է ունեցել շուկայական տնտեսության զարգացման և ազգային տնտեսությունների միջև կապերի հարաճող ընդլայնման հետ [1]:

Ժամանակակից ընկալմամբ «գլոբալացման» տակ հասկանում ենք մարդկության մեծամասնության ներգրավումն ընդհանուր ֆինանսատնտեսական, հասարակական-քաղաքական և մշակութային միասնական համակարգի մեջ՝ ժամանակակից տեղեկատվական և հաղորդակցական տեխնոլոգիաների հիման վրա, որոնց շնորհիվ արագանում են հասարակական կյանքի տարբեր ոլորտներում ընթացող գործընթացները: Համացանցի շնորհիվ ավելի սերտ են դարձել միջանձնային շփումները տարբեր երկրների, մշակույթների ներկայացուցիչների միջև: Գլոբալ ցանցի շնորհիվ ստեղծվում է աշխարհի հաղորդակցական միասնություն, որտեղ տեղեկատվության փոխանակման արագությունը զգալիորեն գերազանցում է մարդկանց և անշունչ առարկաների տեղափոխման արագությանը, այսինքն մարդկանց, ժողովուրդների, տարբեր երկրների ներկայացուցիչների հաղորդակցումը կախված է ոչ թե բնակության վայրից կամ տարածքից, այլ տեղեկատվական համակարգերի որակից:

Գլոբալացումը, ըստ Ա. Բլինովի, ունի մի քանի չափումներ՝ տնտեսական, քաղաքական, իրավական, հասարակական և մշակութային: Տնտեսական գլոբալացումը հիմնական շեշտը դնում է գլոբալ տնտեսական շուկայի զարգացման և տնտեսությունների փոխկապակցվածության վրա, սոցիալական չափման նպատակն է ձևավորել գլոբալ քաղաքացիական հասարակություն: Իրավական գլոբալացումն արտահայտվում է գլոբալ իրավաբանական ինստիտուտների և նորմերի ձևավորման մեջ: Սոցիալական գլոբալացման գերնպատակն է՝ գլոբալ քաղաքացիական հասարակության կառուցումը, որն արդեն ընթացքի մեջ է, քանի որ մարդկանց մոտ նկատվում է

գլոբալ հասարարակական գիտակցության ձևավորում: Մշակութային գլոբալացումն ենթադրում է երկու հակառակ գործընթացների զարգացում. մի կողմից՝ տարբեր մշակույթների փոխկապակցվածություն, որը չի ենթադրում նոր մշակույթի ստեղծում, իսկ մյուսը՝ ազգային մշակույթների վերադարձ իրենց սկզբնաղբյուրներին: Քաղաքական չափումը շատ ավելի բարդ է, քան տնտեսական և մշակութային չափումները, քանի որ այն միտում ունի տարածել ժողովրդավարությունն ամբողջ աշխարհում և հաստատել մարդու իրավունքները որպես XXI դարի գաղափարական համակարգի հիմնական ուղենիշ [2]:

Գլոբալացման անխուսափելիությունն անհրաժեշտություն է առաջացնում ավելի խորն ուսումնասիրել այն հիմնահարցերը, ռիսկերը, վտանգները և մարտահրավերները, որոնք առնչվում են քաղաքական գլոբալացման գործընթացի հետ, որն էլ համարվում է սույն հոդվածի հիմնական նպատակը:

Արդի փուլում ազգային պետություններն ունեն զարգացման երկու ուղի. Առաջինը՝ պահպանել առավելագույն ինքնիշխանություն, երկրորդ՝ մասնակցել համաշխարհային ինտեգրման և գլոբալացման գործընթացներին: Պետությունների մեծ մասը գիտակցում է, որ ինքնուրույն ի վիճակի չէ հաղթահարել այն հիմնախնդիրները և վտանգները, որոնք առկախված են աշխարհի վրա: Ավելի քիչ պետություն է այսօր մնացել աշխարհում «դասական» իմաստով: Դրանք են Կուբան, Հյուսիսային Կորեան և Սաուդյան Արաբիան, Պարսկաստանը, որոնք հնարավորինս չեն ընդգրկվում աշխարհում տեղի ունեցող գլոբալ գործընթացների մեջ: Չինաստանն իր նախկին անհաջողությունների հիմնական պատճառներից մեկը համարում է պետության մեկուսացումն այլ պետություններից, որի պատճառով երկրի տնտեսությունը չի կարողացել զարգանալ այն տեմպերով, որոնք առկա են արդի փուլում [3]:

Տարատեսակ արձագանք են ստանում պետությունների ռեգիոնալ միավորման բազմաթիվ նախագծեր. ամերիկյան, եվրոպական, եվրասիական, աֆրիկյան, հարավամերիկյան:

Ըստ հայտնի ռուս քաղաքական գործիչ Վիկտոր Աքսյուցիչի, գլոբալացման արդյունքում տեղի է ունենում աշխարհի առաջադեմ «փոքրամասնության» ազդեցության ընդլայնում: Հեղինակը գլոբալ ընդլայնման հիմնական սուբյեկտ է համարում Միացյալ Նահանգները և դրա Դաշնային պահուստային համակարգը, որի մեջ են մտնում Ուոլ-Սթրիթի տաս ներդրումային բանկեր, որոնք միավորված են ընդհանուր գլոբալացման նախագծով: Անդրազգային օլիգարխիան դարձրել է ԱՄՆ գլոբալ կայսրության գլխավոր գրասենյակ, որը փորձում է աշխարհի պետություններին պարտադրել աշխարհակարգի նոր ձևաչափ: Միացյալ Նահանգների գլոբալացման ռազմավարության հիմնական նպատակն այն է, որ պետությունների ցանկացած ինքնուրույնություն կամ անկախություն վտանգ է ներկայացնում աշխարհի կառավարման գործընթացում: Նոր աշխարհակարգի ընդունումը պետությունների կողմից ստեղծում է բարենպաստ պայմաններ լիաժեք վերահսկողության համար [4]:

Եվրոպական երկրների գլոբալացման հետ կապված գործընթացները ևս միանշանակ չեն մեկնաբանվում քաղաքագետների կողմից:

Այժմ արդեն վերպետական կամ անդրազգային ինտեգրման կառույցները դարձել են իրականություն, և, օրինակ, Եվրամիությունն իր միասնական տարածքով, սահմանադրությամբ, որը ստորագրվել է 2004 թվականի հոկտեմբերի 29-ին, քաղա-

քական ինստիտուտներով (Եվրոպական հանձնաժողով, Եվրոպայի Խորհուրդ) և միասնական տարարժույթով, որը ներկա փուլում շրջանառվում է եվրոպական 17 երկրում, համարվում է գլոբալացման յուրօրինակ արդյունք:

Ըստ քաղաքագետ Ա.Գ. Դուգինի, որը քննադատում է այդ կառույցը, նշում է, որ ներկայումս Եվրոպայում անտեսվում են էթնիկական, կրոնական, մշակութային, ռասսային և այլ ինքնությունները, և «քաղաքացին» դառնում է հիմնական հասկացություն, որի տակ հասկանում են անհատ, որը ստանում է մի շարք փաստաթղթեր և վկայականներ, որոնք հնարավորություն են ստեղծում նրա համար ապրել այս կամ այն երկրում կամ այս կամ այն հասարակության մեջ [5]:

Տարատեսակ համագործակցությունները պետությունների միջև ստեղծում են մի գլոբալ տարածք, որտեղ իր տեղն ու մեծ դերն ունի նաև տնտեսությունը: Գլոբալացումը նպաստում է մրցունակության զարգացմանը, սակայն ստեղծում է անհավասար զարգացման պայմաններ զարգացած և զարգացող պետությունների համար, քանի որ վերջիններս էլ ավել մեծ կախվածություն են ձեռք բերում հզոր գերտերություններից:

Գլոբալացման համատեքստում առաջանում են միջազգային պարտավորություններ, որոնք պետություններից պահանջում են կատարել որոշակի դրական գործողություններ կամ ընդհակառակը՝ զերծ մնալ որոշակի գործողությունների կատարումից: Ներկայումս պետությունների կողմից օգտագործվում են տարաբնույթ միջազգային-իրավական միջոցներ միջազգային պարտավորությունների ապահովման համար՝ միջազգային-իրավական երաշխիքներ, միջազգային-իրավական հսկողություն, հատուկ միջազգային մարմինների գործունեություն, որը նպաստում է պայմանագրերից բխող պարտավորությունների որդեգրման քաղաքականության իրագործմանը և այլն:

Միջազգային անվտանգության ժամանակակից հայեցակարգը կանխատեսում է միջազգային իրավունքի այնպիսի զարգացում, որը համատեղում է ազգային անվտանգությունը գլոբալ և տարածաշրջանային անվտանգության հետ՝ հաշվի առնելով դրանց փոխկապակցվածությունը: Այս հայեցակարգի գլխավոր բաղկացուցիչ նախադրյալներն են՝ սպառազինության մրցավազքի վերացումը, սովորական և միջուկային զենքի նվազեցումը և կրճատումը, զինված հակամարտությունների չեզոքացումը, ռազմական դիմակայման նշանակալի կրճատումը և միջազգային ահաբեկչության վերացումը:

Դարեր շարունակ միջազգային ասպարեզում միակ ազդեցիկ քաղաքական դերակատար հանդես են եկել պետությունները: Պետությունների իշխանություններն են որոշել երկրների զարգացման հայեցակերպը և ուղղվածությունը՝ հիմնվելով պետության շահերի և հետաքրքրությունների վրա: Ինչպես արդեն նշվեց, գլոբալացման արդյունքում ի հայտ եկան ավելի ազդեցիկ միջազգային կազմակերպություններ, որոնք կարգավորում են պետությունների միջև միջազգային հարաբերությունները, օրինակ, այնպիսի դերակատարներ, ինչպիսիք են ՄԱԿ-ը, ԵՄ, Գ20, վերցրել են պետություններից այն լիազորությունները, որոնք նախկինում իրենք են կատարել: Եվրոպական միության երկրներին արգելվում է տպել իրենց սեփական տարարժույթը, պետությունները սահմանափակ իրավունքներ ունեն հարկեր և դրանց չափեր սահմանելու հարցում: Մեծ քսանյակը (G20) ներառում է համախառն ներքին արտա-

դրանքի 90 տոկոսը, համաշխարհային առևտրի 80 տոկոսը և աշխարհի բնակչության 2/3 մասը [6]:

Մեկ այլ գլոբալացման քաղաքական հետևանք կարելի է համարել այն հանգամանքը, որ չնայած այն, որ «գլոբալ պետություն» և «գլոբալ կառավարություն» հասկացությունները գոյություն չունեն, այժմ միջազգային ասպարեզում առկա են մի շարք խնդիրներ, որոնք հնարավոր չէ լուծել մեկ պետության մակարդակում, քանի որ անտեսանելի ձևով առաջացել է քաղաքական կառավարման ցանցային մոդել, որը նաև անվանում են «գլոբալ կառավարում»: Գլոբալ կառավարման մոդելը բացառում է ցանկացած տեսակի հիերարխիկ կառուցվածք, որտեղ «ղեկավարները» գտնվում են բուրգի վերևում, իսկ դիրքով ավելի ցածր սուբյեկտները՝ ներքևում: Գլոբալ կառավարումը դա մի ցանցային կառավարում է, որին բնորոշ են ավելի ճկուն կառուցվածք, ներգործության և համագործակցության բազմաշերտ և բազմամակարդակ ձևաչափ:

Սակայն միշտ չէ, որ գլոբալ կառավարումը դրական ազդեցություն է ունենում տարբեր գործընթացների վրա, մասնավորապես հակամարտության գոտիներում, բացի ներքին մասնակիցներից, էական է դառնում արտաքին դերակատարների մասնակցությունը, որոնք կարող են բացասական ներգործություն ունենալ հակամարտության ընդհանուր իրադրության վրա, մասնավորապես, բարեգործական կազմակերպությունները, որոնք հումանիտար օգնություն են ցուցաբերում այս կամ այն երկրին, կարող են միջամտել՝ ունենալով բացասական ներգործություն ընդհանուր գործընթացի վրա: Օրինակ, միջազգային կազմակերպությունները, որոնք զբաղված են գերությունից երեխաներ կամ կանանց ետ գնելով, անուղղակիորեն նպաստում են այդ երևույթի ավելի լայն տարածմանը, քանի որ խթան է առաջանում ավելի շատ երեխաներ և կանանց վերցնել գերության մեջ՝ հետագայում նրանց՝ միջազգային կազմակերպություններին վաճառելու նպատակով [7]:

Գլոբալացման հետ կապված հիմնախնդիրները ներառում են որոշակի վտանգներ, մարտահրավերներ ու ռիսկեր:

«Վտանգներ». միջազգային ահաբեկչությունը, թմրաբիզնեսը, կազմակերպված հանցագործությունն այն լուրջ երևույթներն են, որոնցով անհազստացած են աշխարհի բոլոր երկրները:

«Մարտահրավերներ». մասսայական արտագաղթը, փախստականների խնդիրը շատ լուրջ է դրված աշխարհի տարբեր երկրներում, քանի որ ի հայտ են բերում քաղաքական, տնտեսական, կրոնական, մշակութային և սոցիալական հարցեր, որոնց լուծման համար անհրաժեշտ են լրացուցիչ ֆինանսական միջոցներ:

Տնտեսական արտագաղթի դրդապատճառներն այսօր գերիշխում են աշխարհում, քանի որ այս երևույթն առավելագույնս նպաստում է տնտեսական գլոբալացմանը. այն ստեղծում է բարենպաստ պայմաններ հզոր արդյունաբերություն և տնտեսություն ունեցող երկրներին օգտագործել արտաքին աշխատուժ և ավելացնել շահույթի ծավալները:

«Ռիսկեր». կողմնակի բացասական հետևանքներ, որոնք ի հայտ են գալիս տնտեսության զարգացման և շրջակա միջավայրի աղտոտման հետ կապված, հետևանք, ինֆեկցիոն հիվանդությունների մասսայական տարածում և այլն:

Այսպիսով, կարելի է եզրահանգել, որ ազգային պետությունների գլոբալացման հետ կապված խնդիրները բազմաթիվ են և պարունակում են տարաբնույթ երևույթներ, որոնք բացասական ներգործություն են ունենում ազգային պետությունների անկախության և ինքնիշխանության վրա, քանի որ «գլոբալ կառավարման» ձևաչափը և հզոր պետությունների և միջազգային կազմակերպությունների ազդեցությունը էական դեր է խաղում երկների ներքին քաղաքականության ռազմավարությունների իրականացման հարցում: Մեծ գերտերությունների հետաքրքրությունները երբեմն պաշտպանվում են փոքր երկրների ազգային շահերի և հետաքրքրությունների հաշվին, որը և հարցականի տակ է դնում գլոբալացման գործընթացի օգտավետությունն առհասարակ:

Սակայն հարկ է նշել, որ բոլոր ազգային պետությունները քաջ գիտակցում են, որ գլոբալացման գործընթացն անխուսափելի իրականություն է մեր օրերում, և հարկավոր է ջանքեր գործադրել, որպեսզի միջազգային գործընթացներում բարձրանա բոլոր մասնակիցների կարևորությունը և ապահովվի քաղաքական բոլոր սուբյեկտների իրավահավասարությունը, որը և բարենպաստ նախադրյալներ կստեղծի հետագայում պետությունների միջև ավելի կայուն դրական հարաբերությունների ձևավորմանը՝ հիմնված հավասար փոխշահավետության վրա:

1. *Посконина О.В.* Интерпретация понятия «государство» в контексте исторического развития // Вестник Удмуртского университета / Экономика и право. Вып. 2, 2011. СС. 75–81.
2. *Блинов А.С.* Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка. М.: МАКС Пресс, 2003.
3. Форум о Китае. Поговорим о Китае и китайцах // http://polusharie.com/index.php?topic=15150.15;wap2
4. *Аксютич В.* Не глобальность глобализации. Ч. 1 // http://www.pravoslavie.ru/jurnal/402.htm
5. *Дугин А.Г.* Пришел конец Европы // www.apn.kz
6. Большая двадцатка (Википедия) // http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B2%D0%B0%D0%B4%D1%86%D0%B0%D1%82%D0%BA%D0%B0
7. *Глухова А.В.* Глобальные риски и фактор // http://www.confstud.ru/content/view/18/2/

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Резюме

Глобализация – неизбежный процесс международной интеграции, который имеет важное значение для развития государства и общества. Современная глобализация воспринимается как вовлечение большинства человечества в единую экономическую, социальную, культурную и политическую систему на основе современных информационных и коммуникационных технологий, которые ускорили процессы, происходящие в различных сферах общественной жизни.

На современном этапе национальные государства имеют два пути для развития: первый – сохранение максимального суверенитета, второй – активное вовлечение в интеграционные и глобализационные процессы, происходящие в мире.

Есть много проблем, связанных с глобализацией национальных государств, которые оказывают негативное влияние на национальную независимость и суверенитет государств, поскольку формат «глобального управления» и влияния развитых государств и международных организаций играет важную роль во внутренней политике стран, поскольку во многих случаях реализуются интересы сверхдержав за счет интересов развивающихся государств.

Тем не менее, следует отметить, что все страны хорошо осознают неизбежность глобализации, и мы должны приложить усилия для расширения участия всех государств в этом процессе и обеспечить равенство всех субъектов, что создаст благоприятные условия для взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: глобализация, национальные интересы, суверенитет, равенство, кооперация.

THE PROBLEMS OF NATIONAL STATES WITHIN THE CONTEXT OF POLITICAL GLOBALIZATION

Summary

Globalization is an inevitable process of international integration, which is essential for the development of the states and societies. Contemporary globalization is perceived as the involvement of the majority of humanity in a common economic, social, cultural and political system based on modern information and communication technologies, which have accelerated the processes taking place in various spheres of public life.

At the present stage the national states have two ways for their further development – either to keep a maximum of sovereignty or to be actively involved in the integration and globalization processes which are taking place in the world.

There are many problems associated with the globalization of national states and contain a variety of events that have a negative impact on the issue of national sovereignty, because the format of "the global governance" and the influence of powerful states and international organizations play an important role in the domestic policy of countries, and in many cases the interests of developing countries are not taking into a consideration, and the "rules of the game" are imposed by the superpower states.

However, it should be noted that all the countries are well aware of the inevitability of globalization. We must make efforts to increase the participation and the inclusiveness of all states in the process and ensure the equality of the opportunities and the rights for all the actor, which will create favorable conditions for mutually beneficial cooperation.

Keywords: globalization, integration, sovereignty, national interests, equality, cooperation.

РОЛЬ МЫСЛЕННОЙ СЕТКИ В УСТАНОВЛЕНИИ ТОЛЕРАНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.Г. Оганесян, И.А. Аполлонов

Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013гг.», проект № 14В37.21.1999 «Проблема толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности студентами в условиях полиэтнического региона»

В статье рассматривается вопрос об условиях, которые необходимы для успешного формирования толерантных отношений между представителями разных национальностей, придерживающихся различных (но не контрарных) традиций, привычек, религиозных, моральных и эстетических взглядов. Обосновывается положение, что принятию (или непринятию) представителями одних народов культурных ценностей других народов, способствуют (или препятствуют) не только общность (или различие) их мировоззрения, миросозерцания, картины мира, парадигмы, но и более общая система представлений и идей, которая лежит в основе всей нашей мысленной и духовной деятельности, которую мы называем «мысленной сеткой». Мысленная сетка состоит из двух слоев: мысленного поля и фона. В отличие от мысленного поля, фон не поддается познанию рациональными средствами и сугубо индивидуален. Толерантные отношения могут сложиться, если стороны толерантных отношений признают допустимость и права другой стороны на существование не только своих, но и иных (но не контрарных) идей и представлений.

Ключевые слова: толерантные отношения, мысленная сетка, мысленное поле, фон, духовное, ценность.

Толерантность, как и терпимость, имеет границы применения. Как человек не может относиться терпимо к любым действиям и взглядам других людей, также он не может относиться толерантно к любым действиям и взглядам иных людей и устанавливать с ними толерантные отношения. Данного положения придерживаются практически все авторы публикаций о толерантности. «Толерантность должна быть ограничена по отношению к движениям явно агрессивного или деструктивного характера (деструктивного для перспектив установления мира, справедливости и мира для всех). Такая дискриминация должна также касаться движений, противящихся распространению социального законодательства на бедных, слабых и индивидов» [1].

П. Никольсон предлагает два основных ограничения для толерантности: «Во-первых, нам следует отвергать то, что противоречит моральному основанию, на котором зиждется идеал толерантности, а именно, уважению ко всем людям как полноправным моральным субъектам. Второе основное ограничение, являющееся частным случаем первого, состоит в том, чтобы отвергать все, противоречащее самому идеалу толерантности. Положение о том, что необходимо толе-

рантно относиться к разрушению толерантности, попросту внутренне *противоречиво*» [2]. Однако все перечисленные эти и многие другие ограничивают возможности применения толерантности. Предлагаемый другими авторами подход имеет один недостаток. Они определяют их путем эмпирического перечисления тех конкретных случаев, когда, по их убеждению, установления толерантных отношений между людьми практически невозможно. Принципиальных несогласий с приведенными этими авторами конкретными случаями, при наличии которых невозможно установление толерантных отношений, у нас нет, но невозможность установления толерантных отношений в этих работах не выводится теоретическими средствами из исследования природы изучаемого объекта – из реально складывающих в действительности толерантных отношения между людьми, а сводится к изложению и обоснованию этих конкретных случаев. Мы считаем необходимым рассмотреть вопрос и в другом, теоретическом аспекте для выявления необходимых факторов, только при наличии которых такие отношения между желающими установить толерантные отношения[1], в принципе, могут или не могут быть установлены. В результате исследования этой проблемы мы пришли к выводу, что одним из факторов, во многом обуславливающих возможность (или невозможность) установления толерантных отношений между субъектами, вступающих или желающих вступить в такие отношения, являются совпадение (или несовпадение) мысленных сеток их мышления. Содержание вводимого нами понятия «мысленная сетка мышления» будем раскрывать по мере изложения материала нашего исследования.

Для понимания последующего мы должны сначала кратко остановиться на различии между понятиями «терпимость» и «толерантность». Многие авторы публикаций о толерантности, по существу, рассматривают толерантность как вид терпимости, что, на наш взгляд, недопустимо. Терпимость предполагает сосуществование с тем, что неприятно для тебя и ущемляет тебя в духовном или материальном отношении, но с чем, по ряду причин, отдельные люди смиряются. Толерантность же предполагает допустимость иных идей, представлений и ценностей, которые отличны, но не контрарны по отношению к твоим и не ущемляют тебя в духовном или материальном отношении. Терпимое отношение, особенно, если эти отношения происходят в сфере повседневной обыденной деятельности человека, каждый человек устанавливает сам для себя, исходя каждый раз из конкретной ситуации. Толерантные же отношения охватывают в основном сферу общественных отношений, складываются объективно по своим законам и охватывают не столько обыденные житейские отношения между людьми, сколько массы людей, объединенных общими для них идеями, взглядами, представлениями, имеющими общественную природу. Это дает нам возможность, учитывая эмпирические факты об имеющихся толерантных отношениях в разных странах

[1] Для обозначения сторон (субъектов) общения мы для обозначения субъекта общения, который осуществляет действия по убеждению другой стороны в приемлемости выдвигаемых им идей и утверждений будем употреблять понятие «ведущая сторона общения», а субъекта общения, который выступает в качестве слушателя, обозначим понятием «реципиент общения». При рассмотрения общение для установления толерантных отношений, мы будем употреблять понятия «ведущая сторона толерантного общения» и «реципиент толерантного общения».

и в различных регионах одной страны, посредством теоретических средств и методов научного исследования выявить, при каких условиях возможны, а при каких невозможны установления толерантных отношений, и тем самым установить, при каких обстоятельствах возникают благоприятные, а при каких – неблагоприятные условия для установления толерантных отношений между субъектами общения.

Следует учесть, что передаваемые субъектом общения, как системы чувственно наглядных объектов, создаваемых нашим воображением и обозначающие не данные нам в опыте объекты (например, объекты искусства), так и системы мысленных объектов, отражающие не свойства класса объектов, данных нам в опыте (как это имеет место в науке), а создаваемые с помощью наших чисто мысленных абстракций посредством воображения (например, мысленные объекты философии), принимаются реципиентом общения только в случае, если эти идеи и представления, наряду с рядом других ценных с точки зрения реципиента познания качествами, способны вписаться в имеющуюся у субъекта общения более общую систему философских, религиозных, моральных и т.п. идей, представлений и ценностей. Сказанное относится не только к вышеуказанным системам наглядных чувственно созерцаемых представлений и общим абстрактным мысленным конструкциям, но и к единичным, чувственным представлениям, понятиям, независимо от того, имеем ли мы дело с данными опыта или воображения. И они могут быть приняты и стать частью, элементом сознания и мышления адресата, обязательно при одном условии: они должны быть таковыми, чтобы реципиент мог их «уложить» в имеющуюся в сознании каждого человека устоявшуюся и иную по своей природе более общую систему идей, представлений и ценностей, соответствовать, быть совместимыми с ними. Как единичные слова вне предложения не имеют смысла, так и отдельные данные опыта и сложные мысленные конструкции вне более общей, иной по своей природе, системе представлений и идей и не имеют смысла и не могут стать фактом нашего сознания, не могут быть «уложены» в ней. Иначе говоря, это является всеобщим и сущностным свойством человеческого сознания.

К общим мысленным системам, куда вписываются отдельные повседневные или моральные идеи, утверждения, частные научные теории, философские системы, религиозные учения, произведения искусства, мифы и т.п. относятся мировоззрение, миросозерцание, научная картина мира, парадигма (дисциплинарная матрица). Имеется обширная литература, в которой показана, с какими трудностями встречаются новые идеи и представления, когда они оказываются несовместимыми с ними, не вписываются, не «укладываются» в устоявшуюся систему мировоззренческих убеждений адресата, его научную картину мира, парадигму или, наоборот, способствуют принятию философских, моральных, религиозных утверждений, а также научных открытий отдельными учеными или научным сообществом.

Особенно много пишет Т. Кун о факторах, далеких от научных, но влияющих на принятие новой научной теории: «Что-то должно заставить, по крайней мере, нескольких ученых почувствовать, что новый путь избран правильно и иногда это могут сделать только личные и не четкие эстетические соображе-

ния… Ни астрономическая теория Коперника, ни теория материи де-Бройла не имели других сколько-нибудь значительных факторов привлекательности, когда впервые появились. Даже сегодня общая теория относительности Эйнштейна действует притягательно главным образом благодаря своим эстетическим данным» [3].

В другом месте Кун в той же работе вновь возвращается к вопросу о влиянии далеких от научных факторов на принятие ученым новой парадигмы: «Отдельные ученые принимают парадигму по самим разным соображениям и обычно сразу по нескольким мотивам. Некоторые из этих мотивов – например, культ солнца, который помогал Кеплеру стать коперниканцем, – лежит полностью вне сферы науки» [3, с. 20].

Однако в человеческом сознании имеется еще одна, гораздо более общая система представлений и идей, которая лежит в основании всей нашей мысленной и духовной деятельности и охватывает все сферы человеческой деятельности, а не только одну, пусть даже весьма обширную, как научная картина мира или мировоззрение. Обозначим эту наиболее общую мысленную систему понятием «мысленная сетка». Понятие «мысленная сетка» мы не встречали у других авторов. Правда, есть другое понятие «категориальная сетка мышления ученых», близкое к понятию «мысленная сетка», которое ввели и использовали С.Р. Микулинский и М.Г. Ярошевский. «Непонимание возникает не из-за большей или меньшей формальной отточенности умов, их логической силы, а из-за различной направленности. Так, например, невосприимчивость Сеченова к идеям и открытиям его ученика Введенского и, в свою очередь, неприятие последним некоторых важнейших сеченевских идей были обусловлены различием в категориальных сетках мышления двух физиологов» [4]. Отличие между этими понятиями состоит в основном в том, что понятие категориальная сетка мышления «работает» в научных исследованиях по методологии научного познания и вводится для объяснения ситуации, которая возникает при неприятии научного знания реципиентом, а понятие «мысленная сетка» обозначает свойство, присущее сознанию всех людей и которое вводится для объяснения ситуации, которая возникает при неприятии любого сообщения реципиентом, присуще и характерно всем субъектам процесса общения, проявляется и при принятия реципиентом общения утверждений субъекта обоснования, к какой бы сфере человеческой деятельности оно бы не относилось, в том числе и к сфере формирования толерантных отношений.

Понятие «мысленная сетка» отражает нечто строго индивидуальное, это есть характеристика сознания отдельного индивида, своеобразно складывающееся у каждого из них. Это «личностное» состояние данного человека. Объективизированной, какой-либо группы людей над индивидуальной мысленной сеткой нет, ибо любое общее, совпадающее у ряда лиц, не отражает своеобразия, присущего созданию каждого отдельного индивида, что и составляет суть понятия «мысленная сетка». Мысленная сетка есть способность сознания слить, «состыковать» в едином мысленном образовании общие принципы и представления, взятые из самых различных, порой отдаленных друг от друга областей знания в некую новую «автономную» мысленную целостность, способную влиять на при-

нятие или отторжение любых поступающих извне чувственно-наглядных или мысленных образований. Имея в своем основании вышеназванные менее общие системы, мысленная сетка, тем не менее, как некая целостность, представляет из себя нечто иное, относительно самостоятельное, единое, обладающее иным, новым, особым качеством, которым не обладает ни одна из этих менее общих систем, ни все вместе взятые, ни их механическая совокупность[2].

Это новое, присущее только мысленной сетке, качество проявляется и тогда[3], когда реципиент общения отторгает такие идеи, взгляды, представления, непринятие которых невозможно объяснить ни их несоответствием его мировоззрению, научной картине мира, парадигме или иным общим представлениям реципиента, ни их несоответствием другим идеям и представлениям того же порядка, ни несоответствием новым эмпирическим данным, опыту или новым частным теоретическим утверждениям[4].

В истории непринятия научных, философских и иных идей и утверждений известны случаи, когда ученые, философы в тех случаях, когда неприятие реципиентом их идей и утверждений было обусловлено различием их и реципиента мысленных сеток, пытались осуществлять действия по направлению к изменению мысленной сетки реципиента с целью сделать их способными принять их утверждения. Однако не во всех случаях им это удавалось. Во всех ли случаях это, в принципе, возможно или нет? Ответить на этот вопрос можно, если различать два слоя в структуре мысленной сетки.

Обозначим первый слой заимствованным из теории аргументации понятием «мысленное поле» [5]. Мысленное поле – совокупность общих представлений человека, куда входят чувственные представления, теоретические конструкции, мировоззренческие взгляды, общая картина мира, научные идеи, этические и эстетические принципы, религиозные (или атеистические) представления, взятые в своей совокупности как нечто целостное, и формируемые у человека в течение всей его жизнедеятельности под влиянием окружающей его материальной и духовной среды, социального положения.

Мысленное поле есть нечто, что поддается рациональному познанию, объяснению – так же, как мировоззрение и научная картина мира. Оно представляет из себя некое целостное конкретное, обобщенное чувственно-наглядное созерцание (или мысленное «видение мира», состыкованное из компонентов разных сфер духовной культуры, принимаемых данным субъектом общих идей, представлений, взятых из его миросозерцания, мировоззрения, научной, религиозной (атеистической), мифологической картины мира, обыденных представлений и т.п.

Так, в науке часто мысленное поле формируется под влиянием ряда вненаучных факторов или научных факторов, характерных в основном для опреде-

---

[2] Здесь мы имеем дело с той закономерностью, которая имеется между целым и его частями: целое обладает свойствами, которыми не обладают все его части вместе взятые.

[3] Мы пишем «и тогда», ибо мысленная сетка выполняет идентичную роль и в процессе аргументации способствуя или отвергая принятию реципиентом утверждений аргументатора.

[4] Мысленная сетка не осознается человеком, но не следует его отождествлять ни с фрейдовским бессознательным, хотя, между ними есть и определенная общность.

ленной отрасли наук (например, только для естественных или для гуманитарных наук). В качестве иллюстрации приведем объяснение Е.А. Мамчур причин, способствующих созданию благоприятных условий, приведших к открытию теории относительности именно А. Эйнштейном, а не другими учеными. «Способ видения реальности и самого научного знания тем или иным исследователем зависит от той традиции, в которой он воспитан, от тех авторитетов, которым он следует, от исповедуемых им философских доктрин, социальных и политических концепций» [6]. Переведя сказанное на язык понятий методологии науки, мы можем сказать, что способ видения мира Эйнштейном является его мысленным полем.

Примером непринятия крупным ученым нового открытия из-за различия мысленных полей данного ученого, сделавшего это открытие и не менее крупного другого ученого, может служить непринятие Галилеем научного открытия Кеплера о движении планет Солнечной системы по эллипсу, а не, согласно принятому тогда научным сообществом коперниковской теории, по кругу, хотя кеплеровская теория объясняла ряд особенностей движения планет, которые коперниковская теория не разъясняла. Однако Галилей не принимал не из-за ее логического несовершенства или несоответствия фактам или из-за ее несоответствия другой более общей и престижной научной теории, а по соображениям ее несоответствия другим, общим и далеким от научной теории представлениям, говоря нашей терминологией, из-за «невписываемости» в его с мысленным полем, хотя из его мысленного поля логическими шагами не вытекала неприемлемость кеплеровской теории. Она не соответствовала господствующим в то время и далеким от физики представлениям об идеальном божественном движении, как движении по кругу, каковым, по негласным законам совершенного мира, должно было бы быть движение небесных тел, в том числе и движение планет Солнечной системы. Э. Панофский объясняет это также и тем, что открытые Кеплером законы, которые Галилей «все время игнорировал…, хотя он заведомо знал два закона не позже 1612г., оказались несовместимыми со всей системой эстетических, математических, естественно-научных взглядов Г. Галилея» [7].

Единство разнообразных, иногда разрозненных, компонентов мысленного поля, их логическую связанность трудно проследить и выявить путем строгого логического научного анализа или для наглядности описать, проиллюстрировать в качестве примера чье-либо мысленное поле, хотя оно и существует на уровне сознания, а не подсознания. Но не следует забывать, что подобные трудности возникают и при попытке описать или показать научную картину мира, мировоззрение, парадигму конкретных людей, что, кстати, является одной из причин существования различных точек зрения и пониманий названных явлений.

Но мысленная сетка имеет и второй слой, который не поддается, в принципе, познанию с помощью рациональных средств, и его невозможно подвергнуть процедуре строго рационального объяснения и которое мы будем употреблять в том же значении, в каком, насколько нам известно, впервые употребил его Пойа. Под ним, согласно автору перевода на русский язык работ Пойа, он имел в виду совокупность неосознанных идей и представлений человека, его опыт и знания, быть может в неокончательно оформленном виде, складывающиеся под влия-

нием окружающей его среды и мировоззрения. Мы можем с большей долей уверенности утверждать, что фон складывается под влиянием тех представлений и идей, которые играют доминирующую роль именно для данного человека и в данных условиях, являясь престижными для него и ведущим компонентом его сознания. Не трудно заметить, что понятие «фон» по своему значению близко к понятию «мысленное поле». Как и понятие мысленное поле, оно охватывает систему идей и представлений из различных сфер духовной жизни и представляет из себя нечто единое и взаимосвязанное. Отличается фон от мысленного поля тем, что существует в подсознании, во втором скрытом слое сознания. Фон субъекта проявляет себя тем, что отторгает поступающую новую информацию, не принимая ее без видимых на то оснований (или же принимает, хотя для этого достаточно видимых оснований), т.е. фон – это нечто в сознании человека, которое препятствует адресату в принятии им новой идеи, утверждения ведущей стороны общения, хотя сам он не может или затрудняется даже самому себе объяснить причину рациональными средствами такого отторжения. Он, как правило, в таких ситуациях ссылается на то, что принятие новой данной идеи создает для него определенный интеллектуальный дискомфорт (или, наоборот, притягивает, представляется ему приемлемым), причины которого ему самому до конца не ясны.

В фоне оседают те идеи и представления, которые имеют основополагающее, фундаментальное значение для данного индивида и которые являются для него наиболее ценными и близкими, приемлемыми. Человеческое сознание как бы фильтрует массу информации, которую он получает извне, оставляя в своем «втором эшелоне» – в подсознании – только те идеи и представления, которые больше всего соответствуют его природе.

О фоне пишут и другие исследователи «…процесс дедуктивного умозаключения тоже испытывает на себе влияние “фона” и не сводится в реальном исследовании к чисто рассудочной “машиноподобной” деятельности субъекта. Сами операции “чистой логики” претерпевают различные изменения в реальном процессе познания, и операции эти в значительной мере возникают под влиянием “фона” исследователя» [8]. О фоне пишет и Г.А. Геворкян: «Наличие “фона” нашего знания отмечалось естествоиспытателями и философами в связи с вопросами научного открытия условием и критерием выбора и признания гипотез и теорий» [9].

Понятие «фон» мы заимствовали у Пойя и ввели в понятийный состав теории аргументации с незначительными изменениями, продиктованные внутренними потребностями теории аргументации. В теории аргументации мы употребляем это понятие, понимая под ним общие представления и идеи, существующие в неосознанном виде, как бы на заднем плане, «во втором слое сознания», и не включаем мировоззрение, прошлый опыт и знания, которые включены в понятие «мысленное поле» и представляют из себя мысленные феномены, существующие в осознанном виде. Считаем, что в данном виде это понятие может «работать» и в теории толерантности.

Поскольку фон нам дан в подсознании, то трудно дать его строгое и точное «описание» с помощью систем понятий, т.е. рациональным путем, отвечающим

строгим научным критериям описания или «показа» такого рода феномена. Можно констатировать, что фон играет определенную роль не только в процессе общения, при осуществлении аргументации и толерантности, пропуская или не пропуская, затрудняя или способствуя принятию (или признанию допустимым) реципиентом утверждений ведущей стороны общения, но и в процессе познания, при осуществлении познавательной деятельности, пропуская через свое «сито» информацию, полученную субъектом о предмете познания.

В истории науки и философии можно встретить многочисленные случаи, когда выдающиеся ученые не скрывали, что они не могут привести логические аргументы, обосновывающие их утверждения и опровергающие противоположные, но это не заставляет их отказываться от своей точки зрения.

Так, Эйнштейн в знаменитом споре с Н. Бором подобным образом объясняет «причины», которые делают невозможным для него принятие статистической точки зрения. «В обосновании этого своего убеждения я могу привести не логические основания, а мой мизинец, как свидетеля, т.е. авторитет, который не внушает доверия за пределами моей кожи» [10].

П.С. Александров приводит примеры подобного рода непризнания и из другой сферы человеческой деятельности – искусства. «Общеизвестен факт взаимного непонимания Брамса и Чайковского. Брамс не признавал и других великих композиторов-современников: Вагнера, Брукнера. Чайковский не признавал Мусоргского, Л. Толстой Шекспира» [11]. Объяснить это странное неприятие крупными специалистами, непониманием ими искусства, мягко говоря, нельзя.

Мысленный фон есть нечто сугубо индивидуальное: каждый индивид имеет свой, отличный от других, мысленный фон. В этом важное отличие содержания этого понятия от содержания таких понятий, как мировоззрение, картина мира, парадигма и мысленное поле, которые, правда, своеобразно проявляются у каждого человека, но существуют и как нечто объективизированное, надындивидуальное, совпадающее в основных своих характеристиках у определенной совокупности людей, объединенных в некое сообщество под влиянием ряда от них не зависящих объективных и им присущих субъективных факторов. Понятие же «мысленный фон» отражает нечто строго личностное, индивидуальное, есть характеристика сознания отдельного индивида, своеобразно складывающаяся у каждого из них, возможно также под влиянием объективных и субъективных факторов, но своеобразно преломляющихся в каждом субъекте и составляющее то, что принято называть «индивидуальностью данной личности». Объективизированного, надындивидуального мысленного фона какой-либо группы людей нет, ибо любое общее, совпадающее у ряда лиц, не отражает своеобразия, присущего сознанию каждого отдельного индивида, что составляет сущностную особенность понятия «мысленный фон» и которое является доминирующим в сознании каждого отдельного человека, и это индивидуальное определяет природу фона любого человека. Правда, фоны у ряда людей могут совпадать в каких-то отношениях, но отторгнуть это общее от носителей фона и рациональным, мысленными средствами их описать невозможно, ибо это общее – не свойство само-

го сознания, а совпадение результатов воздействия фона. Ибо оно индивидуализированно и невозможно его воссоздать в сознании других людей.

Мысленный фон, складывающийся у большинства людей к совершеннолетию, как правило, не поддается уже существенным изменениям под воздействием внешнего воздействия. Он составляет нечто неотъемлемое от данного человека и пытаться его существенно изменить – равносильно тому, чтобы стремиться создать из него другого человека. Вся имеющаяся у данного человека система форм духовной культуры, его религиозные (атеистические), философские, эстетические представления, ценности, его видение мира и т.п. им принимается, если помещается, состыкуется, совместимо с присущему данному индивиду мысленному фону, ставшему, по существу, неотъемлемой составной его духовного «я». Поэтому все попытки посредством средств аргументации или иными логическими или внелогическими средствами попытаться их изменить или выбить из сознания человека или заменить его другими, практически обречены на неудачу. Это подобно вере ортодоксального верующего, у которого никакими средствами невозможно выбить его веру в Бога. Если это в отдельных редких случаях имеет место, мы имеем дело с исключением, которое обусловлено какими-то чрезвычайными ситуациями или обстоятельствами. Такую ситуацию описывает Войнич в своем романе «Овод», когда отец главного героя Артура священник, безоговорочно верующий в существовании Бога, потрясенный жестоким, бессердечным решением суда, приговорившего его невиновного сына к смерти, восклицает: «Бог, где ты!?», и сам отвечает: «Нет Бога!».

Мысленное поле каждого человека, поскольку оно поддается рациональной обработке и осмыслению, хотя и с трудом, но может, в принципе, подвергнуться научному исследованию и выявлению и тем самим может быть усилиями ведущей стороны общения подвергнуться некоторым изменениям с целью сделать передаваемые им идеи и утверждения приемлемыми для реципиента общения. Что касается фона, поскольку он лежит в глубине сознания, и практически, особенно, за короткий отрезок времени, не может быть изменен, поэтому фон ведущей стороны общения не может подвергнуться некоторым изменениям с целью сделать передаваемые им идеи и утверждения приемлемым для реципиента общения.

Как видим, мысленная сетка имеет два слоя: один слой в виде мысленного поля, который возможно адекватно воссоздать в сознании других людей, и второй слой в виде фона, который изменить невозможно. При изучении процесса осуществления толерантных отношений следует учесть, что ведущей стороне толерантного общения, если он попытается изменить мысленную сетку реципиента толерантных отношений, он при благоприятных обстоятельствах сумеет изменить только первый его слой – мысленное поле реципиента, но не может изменить его второй слой – фон.

Однако здесь следует учесть одну особенность воздействия ведущей стороны толерантного общения на реципиента толерантного общения, которая имеет место при осуществлении толерантности. Ведущие же стороны общения всех других форм общения, в частности, ведущие стороны общения в процессе научного общения, стремятся убедить реципиента научного общения принять их идеи

и утверждения. Во всех этих случаях ведущие стороны общения стремятся к таким изменениям мысленного поля реципиента общения, чтобы в него вписывались идеи и утверждения ведущей стороны общения. Если же субъект вступает в общение с реципиентом с целью установления толерантных отношений, то ведущая сторона толерантного общения не ставит таких целей. Если он поставит перед собой такую цель, а тем более, если ему удастся достичь своей цели, мы будем иметь не случай установления толерантных отношений, а случай удачных действий ведущей стороны общения, по убеждению реципиента, общения в принятии его идей и утверждений. Поэтому процедура установления толерантных отношений относится к таким ситуациям, когда ведущая сторона толерантного общения убеждена в невозможности или ненужности убедить реципиента толерантного общения принять свои идеи и представления и ввести их в структуру сознания реципиента, и поэтому он ставит перед собой другую цель: сделать для реципиента толерантного общения допустимым существование иных идей и взглядов рядом и совместно с его идеями и представлениями. Поэтому когда мы рассматриваем процесс осуществления толерантных отношений, то здесь ведущая сторона толерантного общения не стремится так изменить мысленное поле толерантного реципиента общения, чтобы сделать свои утверждения вписываемыми в него, а стремится изменить их в таком отношении, чтобы оно, будучи не способным принимать эти идеи и утверждения, в то же время допускало их существование рядом со своими идеями, утверждениями и представлениями.

---

1. *Маркузе Г.* Критическая теория общества. М., 2011. С. 132.
2. *Николсон П.П.* Толерантность как моральный идеал. В сб.: Толерантность. Вестник Уральского межрегионального института общественных наук, Екатеринбург, 2002, № 1. С. 15 // Уральского межрегионального института общественных наук. Екатеринбург, 2002, № 1. С. 15.
3. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977. С. 208.
4. *Микулинский С.Р., Ярошевский М.Г.* Восприятие открытия как мировоззренческая проблема // Научное открытие и его восприятие. М., 1971. СС. 17–18.
5. *Оганесян С.* Предметное поле аргументации и основные понятия теории аргументации // Философские проблемы аргументации. Ер., 1986. СС. 15–16.
6. *Мамчур Е.* Ценностные факторы и объективная логика развития научного знания // Ценностные аспекты науки и проблемы экологии // М., 1961. С. 29.
7. *Панофский Э.* Галилей, наука и искусство // У истоков классической науки. М., 1968. С. 13.
8. *Микешина Л.* О роли ценностных факторов в познании // Ученые записки кафедры общественных наук Ленинграда: Философский вып. № 14. Л., 1973. С. 19.
9. *Геворкян Г.* К вопросу о признании в науке утверждений и теорий // Философские вопросы логического анализа научного знания. Вып. 2. Ер., 1971. С. 25.
10. *Эйнштейн А.* Творческая автобиография // Успехи физических наук. Вып. 1. М., 1956. С. 131.
11. *Александров А.* Математические открытия и его восприятие // Научное открытие и его восприятие. М., 1971. СС. 72–73.

THE ROLE OF MENTAL NETWORK IN ESTABLISHING OF TOLERANT RELATIONS

Summary

The article examines the conditions that are necessary for the successful formation of tolerant relations between people of different nationalities sharing various (but not contrary) traditions, habits, religious, moral, and aesthetic views. It substantiates the position that acceptance (or rejection) by representatives of some people the cultural values of other peoples, are being assisted or hindered not only by the community of their world view, outlook, paradigms but also a more general system of concepts and ideas which is the foundation of all our mental and spiritual manifestations and activities – the mental network in authors definition. Mental network consists of two layers – the mental field and background. Unlike the field, background cannot be examined by rational means and is highly individual. Tolerant relations can arise if the parties recognize the admissibility and the right to exist not only for the values of their own but also those of their opponents.

Keywords: tolerant relations, mental network, mental and spiritual manifestations, cultural values.

ՄՏԱՅԻՆ ՑԱՆՑԻ ԴԵՐԸ ՀԱՆԴՈՒՐԺՈՂԱԿԱՆ (ՏՈԼԵՐԱՆՏ) ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՍՏԱՏՄԱՆ ՄԵՋ

Ամփոփում

Հոդվածում դիտարկվում են տարբեր (բայց ոչ հակադիր) ավանդույթներ, սովորույթներ, կրոնական, բարոյական և գեղագիտական հայացքներ ունեցող տարբեր ազգերի ներկայացուցիչների միջև հանդուրժողական (տոլերանտ) հարաբերությունների ձևավորման համար անհրաժեշտ պայմանների մասին հարցը: Հիմնավորվում է դրույթը, որ մի ազգի մշակութային արժեքները մյուս ազգի ներկայացուցիչների կողմից ընդունելուն (կամ չընդունելուն) նպաստում (կամ խանգարում) է ոչ միայն նրանց աշխարհայացքի, աշխարհընկալման, աշխարհի պատկերի, պարադիգմայի ընդհանրությունը (կամ տարբերությունը), այլ պատկերացումների և գաղափարների ավելի ընդհանուր համակարգ, որը մենք անվանում ենք մտային ցանց: Մտային ցանցը բաղկացած է երկու շերտից՝ մտային դաշտից ու ֆոնից: Ի տարբերություն մտային դաշտի, ֆոնը ռացիոնալ միջոցներով ճանաչելի չէ և խիստ անհատական է: Հանդուրժողական հարաբերություններ կարող են ձևակերպվել, եթե հանդուրժողական հարաբերությունների կողմերը հնարավոր են համարում մյուսի՝ իրավունքը իրենցից տարբեր (բայց ոչ հակադիր) գաղափարների ու պատկերացումների գոյությունը:

Հիմնաբառեր՝ հանդուրժողական հարաբերություններ, մտային ցանց, մտային դաշտ, ֆոն, հոգևոր, արժեք:

ՏՈՒԺՈՂԻ ՀԵՏ ՀԱՇՏՎԵԼՈՒ ՀԻՄՔՈՎ ՔՐԵԱԿԱՆ ՊԱՏԱՍԽԱՆԱՏՎՈՒԹՅՈՒՆԻՑ ԱԶԱՏԵԼՈՒ ՔՐԵԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԿՈՂՄԵՐԻ ՀԱՇՏՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՔՈՎ ՔՐԵԱԿԱՆ ԳՈՐԾԻ ՎԱՐՈՒՅԹԸ ԿԱՐՃԵԼՈՒ ԵՎ ՔՐԵԱԿԱՆ ՀԵՏԱՊՆԴՈՒՄԸ ԴԱԴԱՐԵՑՆԵԼՈՒ ՔՐԵԱԴԱՏԱՎԱՐԱԿԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ ՀԵՏ (օրենսդրական և դատական պրակտիկայի որոշ հիմնախնդիրներ)

Հ.Ա. Հարությունյան

Այս աշխատությունը նվիրված է տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու քրեաիրավական և քրեադատավարական ինստիտուտների տարբերակման առանձնահատկություններին: Աշխատությունում ուսումնասիրվել են մի շարք դատական ակտեր, ինչպես նաև համեմատական ուսումնասիրություն է անցկացվել ՀՀ քրեական դատավարության նոր օրենսգրքի նախագծի հետ:

Հիմնաբառեր՝ տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատել, կողմերի հաշտության հիմքով քրեական գործի կարճում, քրեադատավարական ինստիտուտ, մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտ:

Հաշտության հիմքով քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտը կարգավորված է ինչպես քրեական, այպես էլ քրեական դատավարության իրավունքով:

Օրենսդիր մարմինը, նման իրավական ինստիտուտ սահմանելով, հաշվի է առել այն հանգամանքը, որ տուժողը ոչ բոլոր դեպքերում է ցանկանում, որ հանցագործություն կատարած անձը ենթարկվի պատժի և որ վերջինս իր կատարած քրեորեն հետապնդելի արարքի համար համարվի դատապարտված, ընդհակառակը, տուժողը ավելի շատ շահագրգռված է, որ փոխհատուցվի նրան պատճառված վնասը [1, 23]:

Իրավակիրառ գործունեությունում բարդություններ են առաջանում հաշտության ձևերի տարբերակման առումով՝ տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու քրեաիրավական և մասնավոր մեղադրանքի գործերով տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական գործի վարույթը կարճելու

(քրեական հետապնդումը դադարեցնելու) քրեադատավարական ինստիտուտների միջև:

Չնայած այդ երկու ինստիտուտների կիրառելիության հիմքերը նույնանուն են (տուժողի հետ հաշտվելը), բայց նրանք ունեն էական տարբերություններ [2, 18, 19] և յուրաքանչյուրն օժտված է իրեն ***առանձնահատուկ հատկանիշներով:***

Առաջացած հիմնախնդիրների լուծումն հրատապ է ՀՀ դատական պրակտիկայում դրանց կիրառման հակասությունների և սխալների առկայությամբ պայմանավորված: Դրանք վեր հանելու նպատակով ներկայացնենք մի քանի դատական ակտեր:

Այսպես, Արմավիրի մարզի ընդհանուր իրավասության առաջին ատյանի դատարանը, վկայակոչելով *ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի, ՀՀ քրական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 5-րդ կետի և 183-րդ հոդվածի բովանդակությունները, քրեական գործը կարճել է՝ հաշտության հիմքով [3]:* Այս որոշման մեջ ակնհայտ է այն փաստը, որ իրավակիրառող մարմինը մի դատական ակտի շրջանակներում համադրել է երկու տարբեր ինստիտուտներ, որոնք իրենց էությամբ, մեր կարծիքով, համադրելի չեն: ՀՀ դատական պրակտիկայում նման ձևով կայացված դատական ակտերը բազմաթիվ են [4]:

Մեկ այլ դատական ակտում վկայակոչված են միայն մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտին վերաբերող հոդվածները, մասնավորապես *«գործով տուժող Միշա Ֆայզոյի Օզմանյանը միջնորդության դեմ չի առարկել ու դատարանին հայտնել է, որ ամբաստանյալ Աղասի Ժորայի Մովսիսյանի հետ հաշտվել են, քաղ. հայցի կամ որևէ այլ պահանջ չունի, ինքն ամբողջությամբ ապաքինվել է և խնդրել Աղասի Մովսիսյանի վերաբերյալ քրեական գործի վարույթը կարճել ու նրան ազատել կալանքից...:*

Վերոգրյալի հիման վրա և ղեկավարվելով ՀՀ քր. դատ. օր-ի 35 հոդվածի 1-ին կետի 5-րդ ենթակետով, 183 և 313 հոդվածներով, դատարանը որոշեց…»:

Վերոհիշյալից պարզ է, որ այս որոշման մեջ իրավակիրառող մարմինը չի կիրառել ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը: Հարց է առաջանում, թե ինչու մի դատական ակտում կիրառելի է վկայակոչած նյութական նորմը, իսկ մյուս դատական ակտում՝ ոչ: Ավելին, քննարկվող որոշման մեջ առկա է հետևյալ ձևակերպումը «հաշտվել են, ***քաղ. հայցի կամ որևէ այլ պահանջ չունի»*** [5]: Անհասկանալի է դատարանի այն մոտեցումը, որ որոշման մեջ անդրադարձել է քաղաքացիական կամ այլ պահանջի մասին, որն ընդհանրապես չի կարող մասնավոր մեղադրանքի գործերով որպես պահանջ հանդիսանալ, վերջինիս պահանջը միայն կողմերի հաշտությունն է: Ստացվում է, որ եթե մասնավոր մեղադրանքի գործերով տուժողը հաշտվել է հանցագործություն կատարած անձի հետ, բայց վերջինս չի փոխհատուցել պատճառված վնասը, իրավակիրառող մարմինը կարող է քրեական գործը չկարճել և չդադարեցնել քրեական հետապնդումը: Դատական ակտից պարզ չէ նաև այն հանգամանքը, թե ինչպիսի կարգով է հարուցվել քրեական գործը՝ ընդհանուր կարգով, թե տուժողի բողոքի հիման վրա, քանի որ վերջինս հանդիսանում է միակ և բացարձակ հիմք՝ մասնավոր մեղադրանքի գործերով քրեական գործի հարուցման համար:

Ներկայացնենք հաջորդ դատական ակտը: Այսպես, Արմավիրի մարզի ընդհանուր իրավասության առաջին ատյանի դատարանի որոշման մեջ մասնավորպես նշվում է, որ *«քննության առնելով կողմերի միջնորդությունը դատարանը գտնում է,*

որ այն հիմնավոր է, բխում է ՀՀ քր. դատ. օր-ի 183 հոդվածի և ՀՀ քր. օր-ի 73 հոդվածի պահանջներից, ուստի ենթակա է բավարարման՝ նկատի ունենալով, որ կողմերը հաշտվել են միմյանց հետ, չեն բողոքում և որևէ նյութական պահանջ չունեն միմյանցից…:

…ՀՀ քրեական օրենսգրքի 113 հոդվածի 1-ին մասով քրեական գործի վարույթը կարճել և նրա նկատմամբ քրեական հետապնդումը դադարեցնել՝ միմյանց հետ հաշտվելու և բողոք չներկայացնելու հիմքով» [6]: Ուսումնասիրելով դատական ակտի հիմնավորումները՝ չենք կարող համաձայնել դրանց հետ: Քրեական գործը կարճվում է այն անձի հանդեպ, որը կատարել է միջին ծանրության հանցագործություն, միաժամանակ քննարկվող դատական ակտի շրջանակներում իրավակիրառող մարմինը վկայակոչել է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը, որը կիրառելի է միայն ոչ մեծ ծանրության հանցագործությունների նկատմամբ: Նման հանգամանքների դեպքում կիրառելի չէ՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը:

Այսպիսով, վերոհիշյալ դատական ակտերից վերհանված բոլոր հակասությունները և սխալները ավելի խորացված կուսումնասիրվեն և փորձ կարվի համապատասխան լուծումներ առաջարկել այս աշխատության շրջանակներում:

Տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու քրեաիրավական ինստիտուտը նախատեսված է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածով, որի համաձայն՝ **ոչ մեծ ծանրության հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե նա հաշտվել է տուժողի հետ և հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է նրան պատճառած վնասը**:

Այժմ անդրադառնանք նշված հոդվածի կիրառման քրեադատավարական հիմքին: Այս առումով հարկ է անդրադառնալ ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 12-րդ կետի և 37-րդ հոդվածի 1-ին մասի կիրառելիության հարցին:

Այսպես, ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 12-րդ կետի համաձայն. «Քրեական գործ չի կարող հարուցվել և քրեական հետապնդում չի կարող իրականացվել, իսկ հարուցված քրեական գործի վարույթը ենթակա է կարճման, եթե անձը Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի ընդհանուր մասի դրույթների ուժով ենթակա է ազատման քրեական պատասխանատվությունից»: Նույն օրենսգրքի 37-րդ հոդվածի 1-ին մասի համաձայն. «Դատարանը, դատախազը, ինչպես նաև դատախազի համաձայնությամբ՝ քննիչը կարող են հարուցված քրեական **գործի վարույթը կարճել և քրեական հետապնդումը դադարեցնել** Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի 72-րդ, 73-րդ և 74-րդ հոդվածներով նախատեսված դեպքերում»:

Հարկ է պարզել՝ վերոնշյալ հոդվածներից որն է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի դատավարական հիմք հանդիսանում: Այդ հոդվածները փոխհարաբերակցվում են միմյանց հետ, այդ պատճառով փորձենք մեկնաբանել վերոնշյալ նորմերը:

ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 12-րդ կետը սահմանում է, որ անձը ՀՀ քրեական օրենսգրքի ընդհանուր մասի դրույթների ուժով ենթակա է ազատման քրեական պատասխանատվությունից: Քննարկվող նորմում օրենսդրի կողմից հստակեցված չէ, թե այս դատավարական հիմքը ՀՀ քրեական օրենսգրքի 11-րդ գլխում սահմանված՝ քրեական պատասխանատվությունից

ազատվելու որ հիմքին է վերաբերելի կամ արդյոք վերաբերելի է բոլորին: Միաժամանակ նորմում առկա հետևյալ ձևակերպումը՝ ***«ենթակա է ազատման»:*** Նորմում նման իմպերատիվ ձևակերպման առկայությունը չի կարող փոխհարաբերակցվել ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի հետ, ավելին վերջինիս դատավարական հիմքը հանդիսանալ, քանի որ հիշատակված նորմը ձևակերպված է որպես ֆակուլտատիվ՝ հետևյալ տեսքով՝ ***«կարող է ազատվել»:*** Այս անհամապատասխանությունը հիմք է հանդիսանում պնդել, որ ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 12-րդ կետը ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի դատավարական հիմքը չէ:

ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 37-րդ հոդվածը սահմանում է, որ դատարանը, դատախազը, ինչպես նաև դատախազի համաձայնությամբ՝ քննիչը կարող են հարուցված քրեական գործի վարույթը կարճել և քրեական հետապնդումը դադարեցնել Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի 72-րդ, 73-րդ և 74-րդ հոդվածներով նախատեսված դեպքերում:

Նույն հոդվածի 2-րդ մասում սահմանված է, որ սույն հոդվածի առաջին մասով նախատեսված դեպքերում դատախազը, ինչպես նաև դատախազի համաձայնությամբ՝ քննիչը կարող են քրեական գործ չհարուցել և քրեական հետապնդում չիրականացնել:

Քննարկվող նորմում շատ հստակ սահմանված են այն բոլոր իրավակիրառ մարմինները, որոնք իրավասու են հարուցված քրեական գործի վարույթը կարճել և քրեական հետապնդումը դադարեցնել՝ դատարանը, դատախազը, ինչպես նաև դատախազի համաձայնությամբ՝ քննիչը: Շատ կարևոր է նորմում հետևյալ ձևակերպումը ***«կարող են»,*** որը մեր կարծիքով համապատասխանում է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի տրամաբանությանը: Միաժամանակ կարևոր է նաև այն, որ քննարկվող դատավարական նորմում հղում է կատարվում ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածին, որը մեր կարծիքով անվիճելի փաստ է այն մասին, որ այն նորմը քննարկվող հոդվածի կիրառման դեպքում քրեական գործը կարճելու և հետապնդումը դադարեցնելու դատավարական հիմք է հանդիսանում:

Ուշագրավ է քննարկվող նորմի 2-րդ մասը, որտեղ քրեական գործի չհարուցման և քրեական հետապնդման չիրականացման ողջ լիազորությունն իրականացնում է դատախազը, ինչպես նաև դատախազի համաձայնությամբ՝ քննիչը, որն էապես տարբերվում է մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտից, որի մասին կխոսենք ստորև:

Հաշվի առնելով մեր կողմից իրականացված մեկնաբանությունները, կարող ենք հստակ պնդել, որ ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 37-րդ հոդվածը հանդիսանում է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի կիրառման միակ դատավարական հիմքը:

Վերջին եզրահանգման համար հիմք է հանդիսանում նաև այն, որ ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի վկայակոչված հոդվածները (35-րդ և 37-րդ) արտացոլում են քրեական հետապնդման տարբեր տեսակները՝ պարտադիր և հայցողական: ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածն արտացոլում է պարտադիր քրեական հետապնդման գործերով դրանց կարճման իմպերատիվ հիմքերը, իսկ 37-րդ հոդվածը՝ հանդիսանում է հայցողական քրեական հետապնդման արտացո-

լում և նախատեսում է այդպիսի քրեական գործերը չհարուցելու, կարճելու հիմքերը և կարգը: Նշված 2 հոդվածները չեն կարող համատեղ կիրառվել որպես քրեական գործի կարճման հիմքերը կամ փոխարինել միմյանց:

Վերոնշյալ երկու նորմերն առնչվում են նյութական իրավունքում սահմանված տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիուտին: Ի տարբերություն վերջինի, տուժողի հետ հաշտվելու հիմքով քրեական գործի կարճման և քրեական հետապնդման դադարեցման քրեադատավարական ինստիտուտը վերաբերում է մասնավոր մեղադրանքի ինտիտուտին: Վերջինս ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքում սահմանված է երկուսից ավելի հոդվածներով, նեկայացնենք ստորև:

ՀՀ քրեական դատավարության օրեննեսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 5-րդ կետի համաձայն՝ քրեական գործ չի կարող հարուցվել և քրեական հետապնդում չի կարող իրականացվել, իսկ հարուցված քրեական գործի վարույթը ենթակա է կարճման, եթե սույն օրենսգրքով նախատեսված դեպքերում տուժողը հաշտվել է կասկածյալի կամ մեղադրյալի հետ:

ՀՀ քրեական դատավարության օրեննեսգրքի 36-րդ հոդվածը (քրեական հետապնդում իրականացնելուց հրաժարվելն այն դեպքերում, երբ տուժողը հաշտվում է կասկածյալի հետ կամ մեղադրյալի հետ) նախատեսում է, որ սույն օրենսգրքի 33-րդ հոդվածի երկրորդ մասում նշված հանցագործությունների վերաբերյալ գործերով վարույթը կարճվում է և փաստվում է քրեական հետապնդում իրականացնելուց հրաժարում, երբ տուժողը հաշտվում է մեղադրյալի հետ:

ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 33-րդ հոդվածի 2-րդ մասը սահմանում է, որ «մասնավոր հետապնդման գործեր են համարվում սույն օրենսգրքի 183 հոդվածով նախատեսված հանցագործությունների վերաբերյալ գրծերը»:

ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածում սահմանված են տուժողի բողոքի հիման վրա հարուցվող քրեական գործերը, որի համաձայն՝ Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքի 113-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 114-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 115-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 116-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 117-րդ հոդվածով, 118-րդ հոդվածով, 119-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 120-րդ հոդվածի 1-ին և 2-րդ մասերով, 121-րդ հոդվածի 1-ին և 2-րդ մասերով, 124-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 128-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 137-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 158-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 174-րդ հոդվածով, 177-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 178-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 179-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 181-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 183-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 184-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 185-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 186-րդ հոդվածի 1-ին և 2-րդ մասերով, 197-րդ հոդվածով, 213-րդ հոդվածի 1-ին մասով, 242-րդ հոդվածի 1-ին մասով նախատեսված հանցագործությունների վերաբերյալ գործերը հարուցվում են ոչ այլ կերպ, քան տուժողի բողոքի հիման վրա, և կասկածյալի կամ մեղադրյալի կամ ամբաստանյալի հետ նրա հաշտվելու դեպքում ենթակա են կարճման: Հաշտությունը թույլատրվում է մինչև դատավճիռ կայացնելու համար դատարանի՝ խորհրդակցական սենյակ հեռանալը:

Այսպիսով, մեր կողմից վկայակոչված վերոնշյալ հոդվածներով, օրենսդրական մակարդակով ներկայացվեց մասնավոր մեղադրանքի գործերով դատավարական և տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու

նյութական ինստիտուտները: Նպատակահարմար ենք գտնում պարզել, թե արդյո՞ք նյութական իրավունքում՝ տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտը և դատավարական իրավունքում՝ քրեական գործը կարճելու հիմքով մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտը փոխհարաբերակցվում են միմյանց հետ, այսինքն տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելը իրականացվում է քրեական գործը կարճելու մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտի միջոցով, թե՞ նրանք նյութական և դատավարական իրավունքներում հանդես են գալիս որպես առանձին, ինքնուրույն ինստիտուտներ:

Չենք կարող համաձայնել այն մոտեցմանը, որ քրեական պատասխանատվությունից ազատելու նյութական ինստիտուտը և մասնավոր մեղադրանքի գործերով քրեական գործը կարճելու ինստիտուտը հանդիսանում են մեկ ամբողջություն: Մի կողմից պետք է պարզել՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի և ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 37-րդ հոդվածի, և մյուս կողմից՝ ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 5-րդ կետի և 183-րդ հոդվածի 1-ին մասի փոխհարաբերակցությունները:

Իրավաբանական գրականությունում շատ հաճախ նշվում է, որ տուժողի հետ հաշտվելու ինստիտուտը (ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը) մասնավոր մեղադրանքի նյութական ձևակերպումն է: Տուժողի հետ հաշտվելու ինստիտուտը գենետիկորեն օժտված է դատավարական արմատներով, հետևաբար օրենսդրին պահանջվում էր սահմանել նրա համար նյութական իրավունքի հիմք [7, 452–454]: Վերոնշյալ կարծիքը իր տարածումը գտավ դոկտրինայում [8, 98]:

Այս հարցը պարզելու համար նպատակահարմար է ուսումնասիրել մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտը: Մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտը քրեական դատավարությանը հայտնի է շատ վաղուց: Մասնավոր մեղադրանքն իր ծագմամբ գերմանական ինստիտուտ է: Գերմանիայի Դաշնային Հանրապետության քրեական օրենսգքի §77-րդ հոդվածում սահմանված է, որ մասնավոր մեղադրանքի դեպքում քրեական գործը հարուցվում է տուժողի բողոքի հիման վրա, և հնարավոր է բողոքը հետ վերցնել մինչև դատավճռի օրինական ուժի մեջ մտնելը: Գերմանիայի մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտի առանձնահատկությունը կայանում է նրանում, որ որոշակի հանցագրծություններով քրեական գործը հարուցվում է տուժողի բողոքի հիման վրա, բայց մեղադրանքը պաշտպանվում է պետական մեղադրողի կողմից:

Մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտի գաղափարը կայանում է նրանում, որ որոշակի տեսակի հանցագրծություններով հարկադրանքի կիրառման հնարավորությունը ամբողջովին ենթարկվում է տուժողի կամայականությանը:

Այն հանցագործությունները, որոնք համարվում են մասնավոր մեղադրանքի գործեր, օժտված են որոշակի քրեաիրավական առանձնահատկություններով, նրանք բոլորը ոտնձգում են քաղաքացիների սուբյեկտիվ իրավունքների և անձի պատվին և արժանապատվության դեմ: Հաճախ դժվար է որոշել կատարած արարքում հանցագործության հատկանիշների առկայությունը և հանրային վտանգավորության աստիճանը, եթե հաշվի չառնել տուժվածի սուբյեկտիվ վերաբերմունքը արարքի կապակցությամբ, քանի որ տուժողը մյուսների համեմատ ավելի լավ է տեղեկացված իր հանդեպ կատարված հանցագործության պատճառի մասին [9, 94]:

Մասնավոր մեղադրանքի գործերը օժտված են «հատուկ կենցաղային բնույթով», դա պայմանավորված է նրանով, որ նման հակամարտությունները առաջանում և անրադառնում են, որոշակի խումբ մարդկանց շահերին՝ ընտանիքի անդամներին, հարազատներին, ընկերներին, ծանոթներին, գործընկերներին և այլն [10, 32, 34]:

Ի տարբերություն մասնավոր մեղադրանքի գործերի, կողմերի հաշտության դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատվելը և քրեական գործի կարճումը հանդիսանում են բացառապես առաջացած հակամարտությունների հարթման նոր գաղափարներ: Տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու քրեաիրավական ինստիտուտն իր բնույթով համադրելի չէ գերմանական մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտի հետ, մեր կարծիքով այն որոշ առումով նման է անգլիական մեդիացիայի ինստիտուտի հետ՝ նեղ իմաստով (հաշտություն միջնորդի միջոցով): Նման հաշտությունը առաջանում է ոչ այն պատճառով, որ օրենսդիրը քրեական պատասխանատվության առաջացումը կապում է տուժողի կամայականության հետ, այլ այն պատճառով, որ հաշտվելը դիտվում է որպես հակամարտության լուծման արդյունավետ միջոց: Այլ կերպ ասած, եթե մասնավոր մեղադրանքի գործերով հակամարտության հարթումն ինքնին էական նշանակություն չունի օրենսդրի համար, ապա տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելը նրա համար հանդիսանում է առաջնային խնդիր: Նման մոտեցումն արդարացվում է նաև նրանով, որ արտասահմանյան մի շարք երկրներում, մասնավորապես Գերմանիայի, Շվեցարիայի քրեական դատավարության օրենսդրություններում օգտագործված է ոչ թե «հաշտություն», այլ «բողոքը հետ վերցնել» հասկացությունը:

Քննարկվող հարցի կապակցությամբ իրավաբանական գրականությունում առկա են այլ մոտեցումներ ևս: Մասնվորպես, Ե.Ա. Ռուբինշտեյնը նշում է, որ մասնավոր մեղադրանքի և տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատվելու միջև առկա է գենետիկ կապ: Զարգացնելով նշված մոտեցումը, հեղինակը նշում է, որ տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատվելը առաջացել է որպես մասնավոր մեղադրանքի գործերի ինստիտուտի համար քրեաիրավական ամրագրում (քրեաիրավական հիմք) [11, 75]:

Ե.Ա. Ռուբինշտեյնը նաև նշում է, որ մասնավոր մեղադրանքի դեպքում քրեական գործի կարճման ինստիտուտը և կողմերի հաշտության դեպքում քրեական գործի կարճման ինստիտուտը միասնական են: Վերոնշյալ երկու ինստիտուտների քրեաիրավական հիմքը հանդիսանում է տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտը [11, 77]:

Այսպիսով, չհամաձայնվելով Ե.Ա. Ռուբինշտեյնի հետ, կարծում ենք, որ այս երկու ինստիտուտները միասնական չեն: Դրանց միջև առկա են էական տարբերություններ, որոնցից հիմնականն այն է, որ մասնավոր մեղադրանքի գործերով քրեական գործը հնարավոր չէ հարուցել, եթե առկա չէ տուժողի ցանկությունը, որն արտահայտվում է նրա դիմումով և հետագայում քրեական գործը պարտադիր ենթակա է կարճման, այն դեպքում, եթե նա հաշտվել է կասկածյալի կամ մեղադրյալի կամ ամբաստանյալի հետ (ինչպես նշվեց, մասնավոր մեղադրանքի դասական ինստի-

տուտը որպես քրեական գործի կարճման և քրեական հետապնդման դադարեցման հիմք դիտում է տուժողի կողմից բողոքը հետ վերցնելը և չի օգտագործում «տուժողի հետ հաշտվել» եզրույթը: Հաշվի առնելով նաև այն, որ ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքում բացակայում են մասնավոր մեղադրանքի գործերով տուժողի հետ հաշտվելու բովանդակությունը, հիմքերն ու պայմանները, կարելի է եզրահանգել, որ ՀՀ օրենսդիրը ևս օգտագործելով քննարկվող եզրույթը ի նկատի է ունեցել հենց տուժողի կողմից բողոքը հետ վերցնելը): ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 37-րդ հոդվածում նշված չէ այն մասին, որ ամբողջ ընթացակարգը կարգավորվում է տուժողի ցանկությամբ, վերջինիս կարծիքը հաշվի է առնվում միայն այնքանով, որքանով նա հանդիսանում է հանցագործությունից տուժված: Քրեական գործը հարուցվում է ընդհանուր հիմքերով, իսկ նրա կարճումը հաշտության դեպքում պարտադիր պահանջ չէ, այլ ֆակուլտատիվ է, քանի որ իրավակիրառող մարմինների համար դա իրավունք է [12, 50]:

Օրենսդիր մարմինը ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը, շատ ճկուն հնարքներով ինկորպորացրեց ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքում՝ նախատեսելով դատավարական հիմքը, որը հանդիսանում է ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 37-րդ հոդվածը: Խոսքը գնում է երկու ինքնուրույն դատավարական երևույթների մասին, որոնք նախատեսված են. 1) ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 4-րդ և 5-րդ կետերում, 2) ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 37-րդ հոդվածի 1-ին մասում: Այսպիսով, չենք կարող համաձայնվել այն իրավաբան-գիտնականների հետ, որոնք պնդում են, որ այդ երկու ինստիտուտները միասնական են կամ առաջարկում են օրենսդիր մարմնին միացնել մասնավոր մեղադրանքի և տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտները [13, 60]՝ փորձելով նույնացնել այդ երկու ինքնուրույն ինստիտուտները:

Ե.Ա. Ռուբինշտեյնը նշում է, որ քրեական պատասխանատվությունից ազատելու իրավական բնույթի միասնական լինելը մինչ օրս մնում է արդիական և չի ենթարկվում քննադատությունների [14, 79]: Իր մոտեցումը արդարացնելու նպատակով հեղինակը վկայակոչում է Ս.Գ. Կելինայի կարծիքը, համաձայն որի, քրեական պատասխանատվությունից ազատելու յուրաքանչյուր տեսակի իրավական բնույթը բնութագրում է երկու հատկանիշ. 1) նման ազատման յուրաքանչյուր տեսակ կիրառվում է միայն այն անձանց նկատմամբ, որոնց արարքի մեջ առկա են հանցագործության հատկանիշներ, 2) քրական պատասխանատվության ազատելու յուրաքանչյուր տեսակ «կիրառվում է իրավակիրառող մարմինների հայեցողությամբ» [15, 87]: Հեղինակի երկրորդ կանոնից բացառություն է հանդիսանում ՀՀ քրեական օրենսգրքի 75-րդ հոդվածը, որտեղ իրավակիրառող մարմինը ենթակա է ազատել քրեական պատասխանատվությունից, եթե պահպանված են բոլոր պահանջները:

Ինչպես արդեն նշեցինք, մասնավոր մեղադրանքի գործերով քրեական գործը ենթակա է կարճման, եթե տուժողը և կասկածյալը կամ մեղադրյալը և ամբաստանյալը հաշտվել են (ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածի 1-ն մաս): Սույն նորմում սահմանված «ենթակա է կարճման» ձևակերպումը հնարավորություն է ընձեռում մեզ պնդել, որ քրեական գործի կարճման ընթացակարգը կախ-

ված չէ իրավակիրառող մարմինների հայեցողությունից, քանի որ օրենսդիրը նոր-մում այդ ձևակերպումը սահմանել է որպես իմպերատիվ պահանջ:

Բայց ուշագրավ է նաև ՀՀ քրեական օրենսգրքի 7-րդ հոդվածի 2-րդ մասը, որով սահմանված է, որ «քրեական պատասխանատվությունից և պատժից ազատելը հնարավոր է միայն Հայաստանի Հանրապետության քրեական օրենսգրքով նախատեսված պայմանների և հիմքերի առկայության դեպքում»: Այսպիսով, օրենսդիրը հստակ սահմանում է, որ քրեական պատասխանատվությունից ազատել հնարավոր է միայն ՀՀ քրեական օրենսգրքով: Մինչդեռ մասնավոր մեղադրանքի գործերով հանցագործություն կատարած անձը ենթակա է, ըստ էության, ազատման քրեական պատասխանատվությունից, եթե հաշտվել է տուժողի հետ միայն ՀՀ քրեական դատավարության օրնեսգրքի հիմքերի (որպիսիք հանդիսանում են ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածով սահմանված հանցագործությունները) առկայության դեպքում:

ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը, որը նախատեսում է տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելը, իրավական տեսանկյունից կապված չէ մասնավոր մեղադրանքի գործերի հետ, որտեղ նույնպես առկա է հաշտությունը: Տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելը և մասնավոր մեղադրանքը՝ իրավական ինքնուրույն ինստիտուտներ են, որոնք ունեն օրենսդրական ճիշտ տարբերակման հիմնախնդիրներ:

ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածում նախատեսաված են ինչպես ոչ մեծ, այնպես էլ միջին ծանրության հանցագործություններ, որոնք հնարավորություն են ընձեռում անձին ազատվել քրեական պատասխանատվությունից (օրինակ՝ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 113-րդ հոդվածի 1-ին մաս՝ դիտավորությամբ առողջությանը միջին ծանրության վնաս պատճառելը, որի սանկցիան նախատեսում է կալանք՝ մեկից երեք ամիս, կամ ազատազրկում առավելագույնը երեք տարի ժամկետով): ՀՀ քրեական օրենսգրքի 19-րդ հոդվածի 2-րդ մասում սահմանված է, որ ոչ մեծ ծանրության հանցագործություններ են համարվում դիտավորությամբ կատարված այն արարքները, որոնց համար նույն օրենսգրքով նախատեսված առավելագույն պատիժը չի գերազանցում երկու տարի ժամկետով ազատազրկումը, կամ որոնց համար նախատեսված է ազատազրկման հետ կապ չունեցող պատիժ, ինչպես նաև անզգուշությամբ կատարված այն արարքները, որոնց համար սույն օրենսգրքով նախատեսված առավելագույն պատիժը չի գերազանցում երեք տարի ժամկետով ազատազրկումը: Հետևաբար քրեական դատավարության իրավունքում նախատեսված մասնավոր մեղադրանքի գործերը հանդիսանում են «հատուկ կարգավորումներ» ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի համեմատ, քանի որ վերջինս կիրառելի է միայն ոչ մեծ ծանրության հանցագործությունների նկատմամբ: Ավելին, ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածում սահմանված են ոչ մեծ ծանրության թվով 32 հանցակացմ և միջին ծանրության թվով 1 հանցակազմ: Բայց ՀՀ քրեական օրենսգրքի Հատուկ մասում սահմանված են ոչ մեծ ծանրության թվով 100-ից ավելի հանցակազմ, իսկ միջին ծանրության թվով 200-ից ավելի հանցակազմ, որը կրկին անգամ ապացուցում է 183-րդ հոդվածում սահմանված հատուկ կարգավորումների առկայությունը:

ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի համաձայն՝ ոչ մեծ ծանրության հանցանք կատարած անձը կարող է ազատվել քրեական պատասխանատվությունից, եթե նա հաշտվել է տուժողի հետ և հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է նրան պատճառած վնասը: ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածում սահմանված մասնավոր մեղադրանքի գործերը հարուցվում են են ***ոչ այլ կերպ, քան տուժողի բողոքի հիման վրա:*** Այսպիսով, այդ երկու նորմերի համեմատությունից ակնհայտ է այն տարբերությունը, որ մասնավոր մեղադրանքի գործերով քրեական գործի հարուցումը հնարավոր է միայն, եթե առկա է օրենքով սահմանված կարգով տուժողի բողոքը, հակառակ դեպքում քրեական գործի հարուցումը անհնարին է դառնում: Միևնույն ժամանակ նման պայման սահմանված չէ ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի դատավարական հիմք հանդիսացող ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 37-րդ հոդվածում, որի բովանդակությունից ակնհայտ է, որ այդ դեպքերում քրեական գործը հարուցվում է ընդհանուր կարգով, առանց այն պայմանավորելու տուժողի բողոքի առկայության հետ:

Հաջորդ տարբերկման հիմքը հանդիսանում է իրավակիրառ մարմինների գործողությունների մի դեպքում ֆակուլտատիվությունը, մյուս դեպքում՝ իմպերատիվությունը: Այսպես, ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածը սահմանում է, որ տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում անձը ***կարող է*** ազատվել քրեական պատասխանատվությունից: ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածում սահմանված է, որ կասկածյալի կամ մեղադրյալի կամ ամբաստանյալի հետ նրա հաշտվելու դեպքում քրեական գործը ***ենթակա է կարճման:*** Օրենսդիրը հստակ սահմանել է, որ մասնավոր մեղադրանքի գործերով կողմերի հաշտության հիմքի առկայության դեպքում իրավակիրառ մարմինը ***պարտավոր է*** կարճել քրեական գործը: Նյութական իրավունքում, եթե առկա են բոլոր հիմքերը և պայմանները, ապա իրավակիրառ մարմինը ***կարող է*** ազատել քրեական պատասխանատվությունից, և պարտավոր չէ, ինչպես մասնավոր մեղադրանքի գործերով:

Մասնավոր մեղադրանքի գործերով իրավակիրառ մարմնի պարտականությունը արդարացվում է ոչ բոլոր հեղինակների կողմից: Ինչպես նշում են մի շարք իրավաբան-գիտնականներ իրավակիառ մարմինը մասնավոր մեղադրանքի գործերով ոչ բոլոր դեպքերում պետք է հասնի կողմերի հաշտությանը և միաժամանակ իրավունք չունի խոչընդոտել կողմերին իրենց իրավունքները և ազատությունները իրականացնելու ժամանակ: Խ.Դ. Ալիքպերովը նշում է, որ սխալվում են այն հեղինակները որոնք արտահայտում են հետևյալ դիքորոշումը, որ մասնավոր մեղադրանքի գործերով դատավարական օրենսգրքում կողմերի հաշտությունը սահմանված է որպես իրավակիրառող մարմնի պարտականություն [16, 12]:

Տուժողին քրեական գործի հարուցման և կարճման առումով նման լայն իրավունքների վերապահելը, մտահոգում է որոշ դատավարագետների [17, 52]: Նրանք նշում են, որ քիչ չեն այն դեպքերը, երբ մասնավոր մեղադրանքով գործի հարուցումը շանտաժի նպատակ է հետապնդում, երբ տուժողը քրեական գործով հաշտությունը կախվածության մեջ է դնում մեղադրյալի կողմից որոշակի գործողություններ կատարելուն ի շահ տուժողին [18, 130]:

Միաժամանակ պետք է նշել, որ այդ եկու ինստիտուտները օժտված են տարբերակման այլ հիմքով ևս: Այսպես, ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-

րդ հոդվածի կիրառման համար հանցագործություն կատարած անձից և տուժողից պահանջվում է, որ նրանք հաշտվեն միմյանց հետ: Մասնավոր մեղադրանքի գործերով քրեական գործի կարճման համար անհրաժեշտ է միայն կողմերի հաշտության պայմանը, որը հանդիսանում է միակ և բացարձակ հիմքը: Իսկ ինչ վերաբերվում է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածի կրառելիությանը, անհրաժեշտ են հետևյալ պահանջները (հիմքը և պայմանները).

1. ոչ մեծ ծանրության հանցագործություն,

2. կողմերի հաշտություն,

3. պատճառված վնասի հատուցումը կամ հարթումը:

Մեր կարծիքով, նյութական և դատավարական իրավունքներում օգտագործվող «հաշտություն» հասկացությունները տարբեր են: Մասնավոր մեղադրաքի ինստիտուտում առկա հաշտությունը կրում է ավելի շատ ֆորմալ բնույթ, որի իրականացումը ձևական է, քան նյութական իրավունքում: Դրա մասին է վկայում այն որ, ինչպես արդեն վերևում նշել ենք, արտասահմանյան տարբեր երկրներում մասավոր մեղադրանքի գործերով քրեական վարույթը կարճվում է ոչ թե հաշտության դեպքում, այլ այն ժամանակ, երբ տուժողը հետ է վերցնում իր դիմումը:

Հաշտության և դիմումը հետ վերցնելու հասկացությունների միջև, մեր կարծիքով, կան էական տարբերություններ: Հաշտությունը հնարավոր է միայն բացառապես երկու կողմերի միջև, և դա հանդիսանում է երկկողմանի ակտ: Դիմումը հետ վերցնելը հնարավոր է միայն տուժողի կողմից, քանի որ դիմում ներկայացնողը հանդիսացել է վերջինս, և դա միակողմանի ակտ է: Այսպիսով, քննարկվող կարճման հիմքերը տարբերվում են իրենց բնույթով և էությամբ: Նման հիմքերի էական տարբերությունները հնարավորություն են ընձեռում պնդել այն մասին, որ դատավարական իրավունքում հաշտության հասկացությունը ընդամենը կրում է ֆորմալ բնույթ:

Խոսելիս երկու ինստիտուտների տարբերակման մասին անհրաժեշտ է նաև ուշադրություն դարձնել ՀՀ քրեական օրնսգրքի 73-րդ հոդվածում «եթե նա հաշտվել է տուժողի հետ», և մասնավոր մեղադրանքի ինստիտուտի հոդվածներում՝ ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 35-րդ հոդվածի 1-ին մասի 5-րդ կետի, ՀՀ քրեական դատավարության օրենսսգրքի 36-րդ հոդվածի, ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածի «տուժողը հաշտվել է կասկածյալի կամ մեղադրյալի հետ, տուժողը հաշտվում է մեղադրյալի հետ և կասկածյալի կամ մեղադրյալի կամ ամբաստանյալի հետ նրա հաշտվելու դեպքում» ձևակերպումներին: Օրենսդիր մարմինը պատահական չէ, որ սահմանել է նման տարբեր ձևակերպումներ: Տրամաբանության տեսանկյունից մասնավոր մեղադրանքի ինսիտուտում նման ձևակերպումը արդարացվում է նրանով, որ այդ ինստիտուտում տուժողի ինքնակամ դիմումը վճռորոշ դեր է կատարում քրեական գործի ճակատագրի համար՝ տուժողի հաշտությունը «կասկածյալի, մեղադրյալի կամ ամբաստանյալի» հետ բացառում է գործի հետագա ընթացքը: Իսկ ինչ վերաբերվում է ՀՀ քրեական օրենսգրքի 73-րդ հոդվածում սահմանված ձևակերպման մեկնաբանությանը, այն հնարավորություն է ընձեռում եզրակացնել, որ դա որոշիչ չէ, թեև տուժողի կամաարտահայտությունը կարևոր է, բայց այդ նորմի կիրառումը հանդիսանում է իրավունք, այլ ոչ թէ իրավակիրառող մարմնի պարտականություն [19, 105]:

Աղյուսակ 1.

Տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտի և մասնավոր մեղադրանքի գործերով ինստիտուտի տարբերակման հատկանիշները

№	Տարբերակման հատկանիշները	Տուժողի հետ հաշտվելու դեպքում քրեական պատասխանատվությունից ազատելու ինստիտուտ	Մասնավոր մեղադրանքի գործերով ինստիտուտ
1	քրեական գործը կարճելու համար հատուկ նախատեսված հիմքերի և պայմանների առկայությունը	1. ոչ մեծ ծանրության հանցագործություն կատարելը 2. հանցագործություն կատարած անձը հաշտվել է տուժողի հետ 3. հանցագործություն կատարած անձը հատուցել կամ այլ կերպ հարթել է տուժողին պատճառված վնասը	1. 183-րդ հոդվածի 1-ին մասով սահմանվաց հանցակազմեր 2. տուժողը հաշտվել է կասկածյալի կամ մեղադրյալի կամ ամբաստանյալի հետ
2	հանցագործության տեսակը	ոչ մեծ ծանրության բոլոր հանցագործությունները	միայն ՀՀ քրեական դատաավարության օրենսգրքի 183-րդ հոդվածի 1-ին մասի հանցակազմերը
3	տուժողի որոշումը հաշտության մասին	միայն պարտադիր պայմաններից մեկը	քրեական գործը կարճելու համար միակ և բացարձակ պայմանը
4	տուժողին պատճառված վնասի հատուցումը կամ այլ կերպ հարթումը	պարտադիր պայմաններից մեկը	չի պահանջում
5	քրեական գործը կաճելու իրավասություն ունեցող մարմիններ՝	դատարանը, դատախազը և դատախազի համաձայնությամբ՝ քննիչը	դատարանը, դատախազը, քննիչը
6	քրեական գործը կարճելու մասին որոշումը ընդունելը	իրավունք	պարտականություն
7	կիրառման հնարավորությունն ըստ դատավարական փուլերի	ինչպես մինչդատական այնպես էլ դատական	ինչպես մինչդատական այնպես էլ դատական

1. *Виноградова О.Б.* К вопросу о конкретизации процессуального статуса участников уголовного судопроизводства при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон // Рос. следователь, 2003, № 1, էջ 23:
2. *Аликперов Х.Д.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Законность, 1999, № 6, էջ 12; *Савченко А.Н.* Основания прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон. Южно-уральский юрид. вестник, 2000, № 1 (8), էջ 18–19:
3. 2011թ. փետրվարի 15-ին Արավիրի մարզի ընդհանուր իրավասության առաջին ատյանի դատարանի կայացված որոշում, ըստ մեղադրանքի՝ Աղասի Մովսիսյանի, թիվ ԱՐԴ/0177/01/11 քրեական գործը, թիվ ԱՐԴ/0177/01/11 քրեական գործը, 2011թ. հոկտեմբերի 14-ին կայացված թիվ ԱՐԴ/0137/01/11 քրեական գործը, 2010թ. փետրվարի 16-ին կայացված թիվ ՍԴ/0021/01/10 քրեական գործը, 2010թ. հոկտեմբերի 20-ին կայացված թիվ ԳԴ3/0059/01/10 քրեական գործը:
4. 2011թ. սեպտեմբերի 28-ին Արմավիրի մարզի ընդհանուր իրավասության առաջին ատյանի դատարանի կայացված որոշում, ըստ մեղադրանքի՝ Հուտո Ալոյանի և Վազիր Շամոյանի, թիվ ԱՐԴ/0134/01/11 քրեական գործը, 2010թ. նոյեմբերի 5-ին կայացված թիվ ԳԴ3/0051/01/10 քրեական գործը:
5. Տե՛ս 2012թ. ապրիլի 16-ին Արմավիրի մարզի ընդհանուր իրավասության առաջին ատյանի դատարանի կայացված որոշում, ըստ մեղադրանքի՝ Վահան Մնացականյանի, թիվ ԱՐԴ/0030/01/12 քրեական գործը:
6. Տե՛ս օրինակ՝ 2012թ. հունվարի 18-ին կայացված թիվ ԱՐԴ/0196/01/11 քրեական գործը, 2011թ. սեպտեմբերի 28-ին կայացված թիվ ԱՐԴ/0134/01/11 քրեական գործը, 2010թ. փետրվարի 16-ին կայացված թիվ ՍԴ/0021/01/10 քրեական գործը, 2010թ. հոկտեմբերի 20-ին կայացված թիվ ԳԴ3/0059/01/10 քրեական գործը և այլն:
7. Տե՛ս *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М., 1996, էջ 452–454:
8. Տե՛ս օրինակ՝ *Лобанова Л.В., Лянго Л.Н.* К вопросу о природе освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Право, Вып. 2, 1997, էջ 98:
9. Տե՛ս *Прокудин А.Ф.* Примирение сторон в уголовном процессе России. Дисс. канд. юрид. наук. Воронеж, 2006, էջ 94:
10. Ուշագրավ է այն փաստը, որ բոլոր հեղինակների կողմից, որոնք որ ուսումնասիրել են մասնավոր մեղադրանքի գործերը, մատնանշվում է «հատուկ ներքին բնույթով» օժտված լինելը (Տե՛ս *Савицкий В.М., Потеружа И.И.* Потерпевший в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1963, էջ 95; *Катькало С.И., Лукашевич В.З.* Судопроизводство по делам частного обвинения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972, էջ 37–38; *Дорошков В.В.*

Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. М., 2001, էջ 32–34; և այլն): Մասնավոր մեղադրանքի գործերով քրեական գործերի հարուցման, քննության և կարճման հատուկ կարգը պայմանավորված է նրանով, որ շատ դեպքերում այդ հակամարտությունների մասնակիցները պետք է պահպանեն հարաբերություններ և կողմնակի անձանց միջամտություններ, որոնք ներկա են դատավարությանը, բայց դա շատ դեպքերում ոչ միայն կարող է բարելավել ստեղծված հարաբերությունները, այլ ընդհակառակը՝ վատթարացնել:

11. Տե՛ս *Рубинштейн Е.А.* Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон. Дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004, էջ 75:
12. Տե՛ս *Гриненко А.* Псевдомотивированный отказ в удовлетворении ходатайств на предварительном следствии // Уголовное право, 2000, № 4, էջ 45; *Савицкий В.М.* Последние новеллы УПК: прекращение уголовного дела, состав суда, подсудность, подследственность // Российская юстиция, 1997, № 4, էջ 19; *Степанов В.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевпшм // Российская юстиция, 2000, № 9, էջ 50:
13. Տե՛ս օրինակ՝ *Шамардин А.* Примирение сторон и отказ от поддержания обвинения должны утверждаться судом // Российская юстиция, 2001, № 2, էջ 60:
14. Տե՛ս *Рубинштейн Е.А.* Нормативное регулирование института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон. Дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004, էջ 79:
15. Տե՛ս *Келина С.Г.* Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974, էջ 87:
16. Տե՛ս *Аликперов Х.Д.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Законность, 1999, № 6, էջ 12:
17. Տե՛ս *Шейфер С.А., Петрова Н.Е.* Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частных начал в уголовном процессе РФ // Государство и право, 1999, № 6, էջ 52:
18. Տե՛ս Российское законодательство X–XX веков. Т. 8, էջ 130:
19. *Прокудин А.Ф.* Примирение сторон в уголовном процессе России. Дисс. канд. юрид. наук. Воронеж, 2006, էջ 105:

СООТНОШЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ С ПОТЕРПЕВШИМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В СВЯЗИ С ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН

(некоторые проблемы законодательства и судебной практики)

Резюме

Данная работа посвящена соотношению уголовно-правового института освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим и уголовно-процессуального института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон. Автор исследовал судебную практику РА и представил несколько уголовных дел, и еще провел сравнительно-правовой анализ с Проектом УПК РА.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон, уголовно-процессуальный институт, институт частного обвинения.

THE RATIO OF INSTITUTION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CASE OF RECONCILIATION WITH THE AGGRIEVED WITH THE CRIMINAL-PROCEDURAL INSTITUTION OF SUSPENSION OF THE CRIMINAL CASE PROCEEDINGS AND THE TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION IN CASE OF RECONCILIATION OF PARTIES

(Problems of Legislation and Judicial Practice)

Summary

The article is devoted to distinctive features of criminal and criminal-procedural institutions of exemption from criminal liability in case of reconciliation with the aggrieved. There are examined a number of judicial acts in the paper as well as is conducted a comparative study with the draft of new criminal procedure code of RA.

Keywords: exemption from criminal liability in case of reconciliation with the aggrieved, suspension of the criminal case proceedings in case of reconciliation of parties, criminal-procedural institution, institution of the private charge.

ՀՀ ՔԱՂԱՔԱՑԻԱԿԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅԱՆ ԿԱԶՄԱԿԵՐՊՄԱՆ ՍԿԶԲՈՒՆՔՆԵՐԸ

Վ. Հախվերդյան

Քաղաքացիական ծառայության համակարգի կատարելագործման ժամանակակից տեսական հարցերից է քաղաքացիական ծառայության սկզբունքների ամրագրման և համակարգման հիմնախնդիրները: Քաղաքացիական ծառայության կոնցեպցիայի զարգացումը պետք է իրականացվի պետական իշխանության մարմինների գործունեության ռացիոնալ և արդյունավետ ապահովման նպատակներին համապատասխան, որին համահունչ էլ պետք է մշակվեն նաև քաղաքացիական ծառայության սկզբունքները: Քաղաքացիական ծառայության այնպիսի սկզբունքների ձևավորումը, որոնք աղեկվատ կերպով արտահայտում են ընտրված կոնցեպցիան, հանդիսանում են նաև ուսումնասիրության կարիք ունեցող բարդ տեսական և գործնական հիմնախնդիր:

Նպատակահարմար չգտնելով մեկնաբանել սկզբունքների վերաբերյալ տարբեր տեսաբանների արտահայտած դիրքորոշումները, պետք է նշենք, որ ինչպես ցանկացած համակարգ, այնպես էլ քաղաքացիական ծառայությունը հիմնվում և գործում է որոշակի սկզբունքների վրա, որոնք արտացոլում են այս համակարգի օբյեկտիվ բնույթը, նրա կազմակերպման, զարգացման և գործադրման օրինաչափությունները:

Թեպետ ՀՀ Քաղաքացիական ծառայության մասին օրենքը չի տալիս քաղաքացիական ծառայության սկզբունքների հասկացության բնորոշումը, սակայն դրա տակ անհրաժեշտ է հասկանալ քաղաքացիական ծառայության կազմակերպման և գործադրման այն հիմնական ելակետային դրույթների ամբողջությունը, որոնք արտահայտում են քաղաքացիական ծառայության էությունը, հիմնական բովանդակությունը, բնութագրական յուրահատկությունները, նրա տեղը և դերը պետական իշխանության, պետական կառավարման համակարգի և հասարակական կյանքում: Այդ սկզբունքները առաջ են քաշվել քաղաքացիական ծառայության զարգացման տենդենցների կանխատեսման և պրակտիկայի ընդհանրացման արդյունքում, և բխում են ՀՀ Սահմանադրության և Հայաստանի կողմից վավերացրած միջազգային պայմանագրերի դրույթներից:

Այժմ ՀՀ քաղաքացիական ծառայության օրենսդրությամբ ամրագրված հիմնական սկզբունքներն ունեն հետևյալ համակարգային պատկերը՝

1. Սկզբունք, որը յուրաքանչյուր քաղաքացիական ծառայողի կողմից իր գործունեության իրականացման ընթացքում պարտադիր է անվերապահ պահպանման, և որը որևէ կերպ հանուն որևէ նպատակի ոչ կողմերի և ոչ էլ դատարանի նախաձեռնությամբ ենթակա չէ սահմանափակման.

ա) ՀՀ Սահմանադրության, օրենքների գերակայությունը, մարդու և քաղաքացու իրավունքների ու ազատությունների առաջնահերթությունը.

2. Սկզբունքներ, որոնք բնութագրում են քաղաքացիական ծառայության կազմակերպման առանձնահատկությունները.

ա) քաղաքացիական ծառայության կայունությունը,

բ) քաղաքացիական ծառայության հրապարակայնությունը,

գ) քաղաքացիական ծառայության հավասար մատչելիությունը,

դ) քաղաքացիական ծառայողներին ներկայացվող հիմնական պահանջների միասնականությունը և օրենքի առջև քաղաքացիական ծառայողների իրավահավասարությունը:

3. Սկզբունքներ, որոնք կանխորոշում են քաղաքացիական ծառայողների կարգավիճակը և պատասխանատվությունը.

ա) քաղաքացիական ծառայողների քաղաքական զսպվածությունը,

բ) քաղաքացիական ծառայողների պրոֆեսիոնալիզմը,

գ) քաղաքացիական ծառայողների իրավական և սոցիալական պաշտպանվածությունը,

դ) քաղաքացիական ծառայողների պատասխանատվությունն իրենց ծառայողական պարտականությունները չկատարելու կամ ոչ պատշաճ կատարելու համար,

ե) քաղաքացիական ծառայողների գործունեության վերահսկելիությունը և հաշվետու լինելը:

ՀՀ Սահմանադրության, օրենքների գերակայությունը, մարդու և քաղաքացու իրավունքների ու ազատությունների առաջնահերթությունը, որպես քաղաքացիական ծառայության սկզբունք սահմանելը բխում է ՀՀ Սահմանադրության 3-րդ հոդվածի կանոնակարգումից, համաձայն որի՝ պետությունն ապահովում է մարդու և քաղաքացու հիմնական իրավունքների ու ազատությունների պաշտպանությունը միջազգային իրավունքի սկզբունքներին ու նորմերին համապատասխան, միաժամանակ սահմանելով, որ մարդու հիմնական իրավունքներն ու ազատությունները բարձրագույն արժեքներ են: Վարչական մարմինները սահմանափակված են օրենքներով երկու իմաստով՝ նրանք պետք է կիրառեն օրենքները և չխախտեն դրանց պահանջները [1]: Մինչդեռ անձն ազատ է անելու այն ամենը ինչն արգելված չէ օրենքով, ի տարբերություն պետական մարմինների և պաշտոնատար անձանց, որոնք իրավասու են կատարել միայն այնպիսի գործողություններ, որոնց համար լիազորված են օրենսդրությամբ:

Միևնույն ժամանակ նշված սկզբունքն ըստ էության քաղաքացիական ծառայողների համար պարտականություն է սահմանում այն առումով, որ վերջիններս իրենց գործունեությունը իրականացնելիս առաջնորդվեն ՀՀ Սահմանադրության դրույթներով, հաշվի առնեն քաղաքացիների շահերը, բավարարել նրանց օրինական պահանջները, ճանաչել, պահպանել և պաշտպանել նրանց իրավունքները և ազատությունները, պայմաններ ստեղծել պետական կառավարմանը քաղաքացիների մասնակցության համար, ինչը բխում է նաև սահմանադրությանը և օրենքներին համապատասխան պետական իշխանության իրականացման և սահմանադրության անմիջական գործողության երաշխիքից [2]:

Այստեղ, հատկանշական է այն հանգամանքը, որ չնայած օրենքը որևէ սկզբունքին գերակայություն չի տալիս, այնուամենայնիվ մեր կարծիքով այս սկզբունքն առաջնային ու գերակա դիրք է զբաղեցնում բոլոր սկզբունքների շարքում, քանի որ սա միակ սկզբունքն է, որի խախտման արդյունքում կարող են խախտվել մնացած բոլոր սկզբունքներն առանձին-առանձին, և որ ցանկացած սկզբունքի խախտման դեպքում խախտվում է նաև այս սկզբունքը: Այդ իսկ պատճառով յուրաքանչյուր քաղաքացիական ծառայողի կողմից իր գործունեության իրականացման ընթացքում այս սկզբունքի պարտադիր և անվերապահ պահպանումը որևէ կերպ հանուն որևէ նպատակի ոչ կողմերի և ոչ էլ դատարանի նախաձեռնությամբ ենթակա չէ սահմանափակման:

Քաղաքացիական ծառայության կազմակերպման առանձնահատկությունները կանոնակարգող ելակետային դրույթներն ըստ էության երաշխավորում են համակարգի կայունությունը, հրապարակայնությունը, ապահովում են քաղաքացիական ծառայության հավասար մատչելիությունը և քաղաքացիական ծառայողներին ներկայացվող հիմնական պահանջների միասնականությունը:

Քաղաքացիական ծառայության կայունությունը դրսևորվում է քաղաքական ուժերի հարաբերակցության ամեն տեսակ փոփոխության նկատմամբ քաղաքացիական ծառայողների ծառայողական հարաբերությունների երաշխավորված անկախությամբ և ծառայողների անփոփոխելիությամբ: Այն անհրաժեշտ նախադրյալներ է ստեղծում պետական ապարատի բնականոն գործունեության և դրա անընդհատության համար:

Միևնույն ժամանակ պետական ապարատի անընդհատ իրականացվող բնականոն գործունեությունը ժողովրդավարական հասարակությունում պետք է դրսևորվի քաղաքացիական ծառայության մասին իրավական ակտերի, հանրային իշխանության մարմինների ընթացիկ գործունեության, ընդունած որոշումների հասանելիության (իրազեկվածության), այդ մարմինների կողմից հասարակական կարծիքը մշտապես հաշվի առնելու գործընթացներում, որն էլ ապահովվում է քաղաքացիական ծառայության հրապարակայնության սկզբունքի և դրա կիրառումն ապահովող համապատասխան նորմերի միջոցով:

Այս առումով հրապարակայնության սկզբունքի ամրագրումը ստեղծում է նպաստավոր պայմաններ պետական կառավարմանը մասնակցելու և պետաիշխանական լիազորություններով օժտված մարմնի որոշումները բողոքարկելու համար, իսկ այս սկզբունքի կենսագործումը ապահովող նորմերը վերաբերում են թափուր պաշտոնների համար անցկացվող մրցույթների պարտադիր հրապարակմանը [3], մրցույթի և ատեստավորման մասնակիցներին հարցաշարերի տրամադրմանը, մրցութային և ատեստավորման հանձնաժողովների աշխատանքներին հասարակական կազմակերպությունների ներկայացուցիչներին մասնակից դարձնելուն (դիտորդի կարգավիճակով), քաղաքացիական ծառայության կազմակերպման հետ կապված գործողությունները և որոշումները արտադատական և դատական կարգով բողոքարկելուն, հայցվող տեղեկատվության տրամադրմանը, ՀՀ քաղաքացիական ծառայության խորհրդի կողմից իր գործունեության վերաբերյալ ՀՀ Ազգային ժողովին ամենամյա հաղորդումների ներկայացմանը և այլն:

Քաղաքացիների համար քաղաքացիական ծառայության հավասար մատչելիությունը ենթադրում է, որ քաղաքացիական ծառայության պաշտոն կարող են զբաղեցնել այն քաղաքացիները, որոնք ունեն տվյալ պաշտոնի անձնագրով նախատեսված մասնագիտական համապատասխան գիտելիքներ (մասնագիտություն, մասնագիտական պատրաստվածություն), ինչպես նաև աշխատանքային որոշակի հմտություններ, ունակություններ (ֆիզիկական, մտավոր, ինչպես նաև փորձառություն և այլն): Հետևաբար, բացառությամբ տարիքային, առողջական և նմանատիպ այլ սահմանափակումների, որևիցե խտրական մոտեցում անթույլատրելի է, ինչը բխում է ՀՀ Սահմանադրության 30-րդ և 30.2-րդ հոդվածների տրամաբանությունից [4]: Չնայած այն հանգամանքին, որ սահմանադրական որևէ դրույթ չի ամրա•րում պետության կառավարմանը քաղաքացիների մասնակցության հավասար մատչելիության իրավունքը, այնուամենայնիվ ՀՀ Քաղաքացիական ծառայության մասին օրենքը հավասար մատչելիությունը սահմանել է որպես սկզբունք և այդ առնչությամբ առանձին հոդվածներով ամրագրել այս սկզբունքի կիրարկումն ապահովող պայմաններ:

Այս առումով կարևոր է նաև, քաղաքացիական ծառայողներին ներկայացվող հիմնական պահանջների միասնականությունը և օրենքի առջև քաղաքացիական ծառայողների իրավահավասարության սկզբունքը, որն իր արտացոլումն է գտել քաղաքացիական ծառայության ոլորտը կարգավորող իրավական ակտերում՝ համապատասխան պաշտոններ ստանձնելու, ծառայություն կատարելու և այն դադարեցնելու, իրավական, սոցիալական միասնական երաշխիքներ, ինչպես նաև ծառայության նկատմամբ հսկողության (վերահսկողության) և պաշտոնատար անձանց պատասխանատվության միասնական միջոցներ նախատեսելու միջոցով [5]:

Այս սկզբունքը շատ ընդգրկուն բնույթ ունի, այն իր մեջ ներառում է քաղաքացիական ծառայության կազմակերպումը, պաշտոնների դասակարգումը, դասային աստիճանների շնորհումը, կադրերի ռեզերվը, պաշտոն զբաղեցնելը, ատեստավորումը, վերապատրաստումը, իրավական վիճակը, խրախուսումը և կարգապահական տույժերի ենթարկելը, ծառայողական քննությունների անցկացումը, պաշտոնից ազատելը և այլ հարցեր, որոնց համար օրենքը սահմանում է իրավահավասար պայմաններ: Այսինքն, այս սկզբունքը միտված է քաղաքացիական ծառայողների իրավունքների, օրինական շահերի և իրավահավասարության երաշխավորմանը:

Այնուամենայնիվ, այս սկզբունքից ակնհայտորեն շեղում է նկատվում օրենքի 34-րդ հոդվածի 3-րդ կետի կանոնակարգման դեպքում, համաձայն որի՝ քաղաքացիական ծառայող համարվող աշխատակազմի ղեկավարը նշանակվում է չորս տարի ժամկետով: Այս հոդվածով նախատեսված իրավունքի սահմանափակում ամրագրող նորմով խախտվում է ոչ միայն օրենքի առջև քաղաքացիական ծառայողների իրավահավասարության սկզբունքը այլև քաղաքացիների համար քաղաքացիական ծառայության հավասար մատչելիությունը, քաղաքացիական ծառայության կայունությունը և քաղաքացիական ծառայության պրոֆեսիոնալիզմը սահմանող ելակետային նորմերը:

Քաղաքացիական ծառայության կազմակերպման, որոշ սկզբունքներ պետական ապարատի կարգապահության ապահովման նպատակով, քաղաքացիական ծառայողների համար պատասխանատվություն են նախատեսում իրենց ծառայողական պարտականությունները չկատարելու կամ ոչ պատշաճ կատարելու համար,

նախատեսում են քաղաքական զսպվածություն, վերահսկելի և հաշվետու լինելու վերաբերյալ էլակետային դրույթներ, իսկ որոշ սկզբունքներ էլ կոչված են երաշխավորելու քաղաքացիական ծառայողների պրոֆեսիոնալիզմը, իրավական և սոցիալական պաշտպանվածությունը:

Քաղաքացիական ծառայությունը կարգավորող նորմերով պաշտոնատար անձանց նկատմամբ նախատեսված է կարգապահական պատասխանատվության միջոցների կիրառում՝ ծառայողական պարտականությունները չկատարելու, ոչ պատշաճ կատարելու դեպքերում, իսկ զանցանքի կամ հանցագործության հատկանիշների առկայության դեպքերում քաղաքացիական ծառայողները ենթակա են վարչական կամ քրեական պատասխանատվության, սակայն, ի տարբերություն վարչական և քրեական պատասխանատվության, կարգապահական պատասխանատվության պարագայում օրենքի չի նախատեսում ընթացակարգի սկզբունքները, չի տրվում կարգապահական՝ ըստ ծանրության աստիճանի տարբերակված խախտումների հստակ սահմանում, ինչն արված է շատ այլ համակարգերում:

Վարչական աստիճանակարգության մեջ յուրաքանչյուր ծառայող պատասխանատու է ավելի բարձր աստիճան ունեցող անձի առաջ ոչ միայն իր որոշումների և գործողությունների համար, այլն իր ենթակա անձանց [6], որը նպատակ ունի խթանել ծառայողական պարտականությունների բարեխիղճ կատարումը:

Այս սկզբունքը կարևոր նշանակություն ունի քաղաքացիական ծառայողների անձնական պատասխանատվության ձևավորման ու բարձրացման, իրավունքի նորմերի պահպանման, ծառայողական և առհասարակ պետական կարգապահության ամրապնդման ու պետական իշխանության համակարգի կատարելագործման տեսանկյունից [7], որի ապահովմանն է ուղղված նաև քաղաքացիական ծառայողների էթիկայի նորմերի սահմանումը:

Նշված սկզբունքն ուղղակիորեն փոխկապակցված է քաղաքացիական ծառայողների գործունեության վերահսկելի և հաշվետու լինելու սկզբունքի հետ, որը հանդիսանում է քաղաքացիական ծառայության ամուր և կայուն համակարգի անկյունաքարը, և առանց որի ժամանակակից պետությունում անհնարին է ապահովել միասնական քաղաքականություն և հասարակության առջև դրված որևէ խնդրի արդյունավետ լուծումը: Այդ համակարգը կառուցված է «ուղղահայաց» և «հորիզոնական» սկզբունքներով, որի նորմատիվ ամրագրումը նպատակաուղղված է վերահսկողության իրականացմանը՝ քաղաքացիական ծառայողների վարքագծի, ծառայողական պարտականությունների ճիշտ, ժամանակին և անշեղորեն կատարման նկատմամբ: Այդ նպատակով օրենքը սահմանել է այն դրույթը, համաձայն որի քաղաքացիական ծառայողը պարտավոր է իր կատարած աշխատանքների վերաբերյալ վեցամսյա հաշվետվություն ներկայացնել իր անմիջական ղեկավարին, ինչպես նաև օրենքով սահմանված կարգով ներկայացնել եկամուտների հայտարարագիր, որի չներկայացնելը պաշտոնից ազատման հիմք է հանդիսանում:

Բացի այդ, վերահսկելիությունը և հաշվետու լինելը օրենսդիրը տարածել է նաև ՀՀ Քաղաքացիական ծառայության խորհրդի գործունեության վրա, որն իր գործունեության մասին ամենամյա հաղորդումներ է ներկայացնում ՀՀ Ազգային ժողովին:

Մեկ այլ՝ Քաղաքացիական ծառայողների քաղաքական զսպվածության սկզբունքի ամրագրումն, ըստ էության նպատակաուղղված է քաղաքական անկողմ-

նակալության (անաչառություն), Սահմանադրությանը և օրենսդրությանը համապատասխան գործունեության իրականացման ապահովմանը: Ռացիոնալ բյուրոկրատիայի հիմնադիր Վեբերը քաղաքացիական ծառայողի զսպվածության տակ նկատի ուներ այն անդիմության ոգին, որով պետք է ղեկավարի և ղեկավարվի իդեալական ղեկավարը, ցուցաբերելով հույզերի ու զգացմունքների չեզոքություն ծառայողական պարտականություններն իրականացնելիս [8], իսկ Մալցևի բնութագրմամբ անդիմությունն իրավաբանական ֆորմալիզմ է, որի հիմքում ընկած է բացառապես օրենքների և ցուցումների կատարումը չինովնիկի կողմից [9]: Մեր իրականության մեջ լոյալությունն ընկալվում է որպես չեզոքություն, մինչդեռ այն նշանակում է հավատարմություն հայրենիքին, ազգին, օրենքին, հասարակությանը [10]:

Մասնագիտական անկախությունը քաղաքականությունից ի թիվս այլ տարրերի, մի կողմից արգելում է քաղաքացիական ծառայողին ծառայողական դիրքն օգտագործել կուսակցությունների շահերի համար, նրանց նկատմամբ վերաբերմունք քարոզել, ծառայողական պարտականությունները կատարելիս որևէ քաղաքական գործունեություն իրականացնել, իսկ մյուս կողմից քաղաքացիական ծառայողին տալիս է քաղաքական հետապնդումների դեպքում իրավական պաշտպանություն ստանալու (պետությունից) իրավունք:

Այս սկզբունքն արտացոլված է նաև էթիկայի կանոններում, իսկ դրա խախտումը կարող է հանգեցնել տույժի՝ պաշտոնից ազատման ձևով: Այնուամենայնիվ, քաղաքացիական ծառայողին չի արգելվում իրագործել իր քաղաքական իրավունքներն աշխատանքային ժամերից դուրս, ինչը թեպետ համահունչ է զսպվածության սկզբունքին սակայն դիտարկելով պաշտոն զբաղեցնելու և քաղաքացիական ծառայողի իրավական վիճակի (կարիերային առաջխաղացում, վարձատրություն և որոշումների կայացման կարողություն) միջև առկա կապը կարելի է եզրակացնել, որ քաղաքացիական ծառայողի՝ քաղաքական ազդեցությունից զերծ մնալու իրական հնարավորությունները սահմանափակ են, իսկ նշված սկզբունքի նման ձևակերպումը քաղաքացիական ծառայողի համար չի երաշխավորում չեզոքություն և մասնագիտական անկախություն:

Քաղաքացիական ծառայության համակարգի կազմակերպման արդյունավետության տեսանկյունից անչափ կարևոր է քաղաքացիական ծառայության պրոֆեսիոնալիզմի սկզբունքը, ինչը ենթադրում է մասնագիտական բարձր գիտելիքների և աշխատանքային բարձր ունակությունների ու հմտությունների ամբողջություն: Քաղաքացիական ծառայության համակարգը պրոֆեսիոնալ կադրերով համալրելը և նրանց հետևողական ուսուցումն ապահովելն այս սկզբունքի հիմնական առանցքն են կազմում: Լայն առումով պրոֆեսիոնալիզմը կարևոր նշանակություն ունի քաղաքացիական ծառայողների ընտրության, տեղաբաշխման և առաջխաղացման համար [11], որն իր մեջ ընդգրկում է կրթությունը, աշխատանքային փորձը (մասնագիտական, հայեցողական կամ քաղաքական պաշտոնների) և դասային աստիճանը[1]: Այսինքն պրոֆեսիոնալիզմը գործընթաց է, որն իր մեջ ընդգրկում է մի շարք սոցիալական ինստիտուտներ, պրոֆեսիոնալ կողմնորոշումը, պրոֆեսիոնալ կադրերի

[1] Քաղաքացիական ծառայության պրոֆեսիոնալիզմի ապահովման համար 1994թ.-ին ՀՀ կառավարության որոշմամբ եվրոպական TACIS ծրագրի աջակցությամբ եվրոպական մոդելի հիման վրա հիմնադրվեց ՀՀ Պետական կառավարման դպրոցը, որն իր տեսակի մեջ առաջինն էր ԱՊՀ երկրների շարքում:

ընտրությունը, անձնակազմի կառավարման պրոֆեսիոնալ կրթական համակարգը, պրոֆեսիոնալ էթիկան և այլն:

Քաղաքացիական ծառայողների իրավական և սոցիալական պաշտպանվածությունը ենթադրում է քաղաքացիական ծառայող հանդիսացող պաշտոնատար անձանց համար օրենքով նախատեսված իրավական և սոցիալական մի շարք երաշխիքների նախատեսում՝ ապահովելու համար նրանց անբասիր գործունեությունն ամեն տեսակ անօրինական միջամտությունից, ազդեցությունից, երաշխավորելով նաև կատարված աշխատանքի դիմաց համապատասխան վարձատրություն (փոխհատուցում), հանգստի կազմակերպում, բժշկական և այլ սպասարկում, ինչպես նաև արտոնություններ՝ պայմանավորված կատարվող աշխատանքի առանձնահատկությամբ պատասխանատվությամբ, աշխատաժամանակի տևողությամբ և նորմավորմամբ, ֆիզիկական և մտավոր ծանրաբեռնվածությամբ և այլն: Գրեթե բոլոր ժողովրդավարական երկրներում պետական ծառայողների ֆինանսական դրությունը, նրանց անձնական եկամուտներն ու դրանց աղբյուրների հրապարակայնությունը որոշվում է կառավարության թափանցիկ գործունեության սկզբունքին համապատասխան [12]:

Այս սկզբունքի ամրագրումն ուղղված է քաղաքացիական ծառայողների սոցիալական և իրավական երաշխիքների ապահովմանը, քաղաքացիական ծառայողների հիմնական իրավունքների ու պարտականությունների, նրանց հանձնարարականներ տալու սահմանափակումների և սոցիալական պաշտպանության կառուցակարգերի ստեղծմանը:

Հարկ է նշել նաև, որ առանձին հեղինակներ առանձնացնում են նաև կազմակերպչա-տեխնիկական սկզբունքներ՝ նրանց շարքին դասելով համակարգության, սուբորդինացիայի և կոորդինացիայի, միանձնյա ղեկավարման, կարգապահության և այլ սկզբունքներ [13]: Տարբերում են նաև պրոֆեսիոնալ բնույթի սկզբունքներ, որոնք կարգավորում են քաղաքացիական ծառայության անցկացման կարգը, վարձատրությունը, արտոնությունները սոցիալ-տնտեսական և իրավական պաշտպանվածությունը, պատասխանատվությունը և մոտիվացիան և այլն:

Հանրային ծառայության մասին ՀՀ օրենքը բացի վերը թվարկվածներից, որպես ելակետային դրույթ սահմանում է նաև անկողմնակալությունը, ազնվությունը, հարգանքը անձի և նրա իրավունքների հանդեպ, պատասխանատվության զգացումը [14]:

Քաղաքացիական ծառայողները գործադիր իշխանության համակարգում իրականացնելով վարչարարություն և այդ պատճառով առավել հաճախ շփվելով քաղաքացիների հետ ձևավորում են կարծիք իշխանության հանդեպ: Պրոֆեսիոնալ և արդյունավետ պետական կառավարումը ենթադրում է հասարակության շահերին ծառայելու նվիրված համակարգում աշխատող իրազեկ, փորձառու և անկողմնակալ պետական ծառայողների առկայություն [15]: Հետևաբար հանրային ծառայությունների բարեփոխումները պետք է հանգցնեն միջազգային լավագույն փորձին համապատասխանող համակարգի ձևավորմանը, որի արդյունքում պետական մարմինները պետք է կարողանան ներդնել քաղաքացիներին ծառայություններ մատուցելու մշակույթը: Դա նշանակում է անցում հսկողական գործառույթներ իրականացնողից դեպի քաղաքացիներին որակյալ մրցունակ պետական ծառայություններ մատուցողի և նրա շահերին ծառայողի կարգավիճակին [16]: Բելգիայի համապատասխան օրեն-

քում 2007–2011թթ. կատարված բարեփոխումների հիմնական դրույթներից մեկը քաղաքացուն իբրև հաճախորդ դիտարկելն է [17]:

Քաղաքացիական ծառայության համակարգի բարեփոխումները, որոնք ցանկացած երկրում այդ թվում Հայաստանում կրում են շարունակական և անընդհատ բնույթ, և ուղղված են պետական և վարչական կառավարման զարգացմանը, առաջնահերթորեն քաղաքացիների իրավունքների իրացման և արդյունավետ պաշտպանության պայմանների ու մեխանիզմների ստեղծմանը, որակյալ հանրային ծառայության մատուցմանը, վերջնարդյունքում՝ քաղաքացիների կյանքի որակի բարելավմանը [18]:

Կառավարության և նրա պետական հաստատությունների հիմնական խնդիրը հանրային շահերին ծառայելն է: Պետական մարմինները պետք է ձգտեն քաղաքացիների հետ հարաբերվելիս կատարյալ վարչարարություն ապահովել: Այս նպատակին հասնելու համար նրանք պետք է ապահովեն ճիշտ, արդար և անկողմնակալ վերաբերմունք քաղաքացիների նկատմամբ [19]: Քաղաքացիներն իրավունք ունեն առանձին պաշտոնատար անձանցից ակնկալել իրենց պարտականությունների ազնիվ, արդար և անկողմնակալ կատարում: Պաշտոնավարման ժամանակաշրջանում մասնավոր շահը պաշտպանող պետական պաշտոնյաները կարող են ինքնին սպառնալիք ներկայացնել այդ հիմնական իրավունքին: Շահերի նման բախումներն իրենց մեջ պարունակում են պետական հաստատությունների նկատմամբ քաղաքացիների վստահության խախտման հավանական հնարավորություն [20]:

Քաղաքացիական ծառայողը որպես հանրային ծառայություն և ՀՀ Սահմանադրության 2-րդ հոդվածի իմաստով ժողովրդին պատկանող իշխանությունն իրականացնող և միաժամանակ որպես պետական գործառույթ իրականացնող սահմանափակված լինելով մարդու բնական իրավունքներով ու ազատություններով, գործադիր իշխանության քաղաքականությունը կենսագործելիս առաջին հերթին ծառայում է ոչ թե իր գործատուին՝ պետությանը, առանձին պետական մարմնին, ղեկավար պաշտոն զբաղեցնող անհատին, կորպորատիվ խմբին կամ քաղաքական իշխանության կրողին այլ պետության գլխավոր սուվերենին՝ ժողովրդին և նրա գիտակցված պահանջմունքների բավարարմանը առաջնորդվելով սահմանադրությամբ, օրենքներով և իրավունքի գերակա սկզբունքներով: Այսինքն՝ հասարակությանը, պետությանը՝ որպես հանրային իշխանության իրավական, ինքնիշխան կազմակերպություն, ծառայելը հանդես է գալիս որպես քաղաքացիական ծառայողի մասնագիտական գործունեության վերջնական և բարձրագույն նպատակ, որի իրականացման ընթացքում քաղաքացիական ծառայողի բարոյական, քաղաքացիական և մասնագիտական պարտքն է առաջնորդվել հանրային շահերով և պաշտպանել դրանք պրակտիկ որոշումների ընդունման և իրականացման ժամանակ: Միևնույն ժամանակ քաղաքացիական ծառայողի գործունեությունը պետք է լինի հրապարակային, թափանցիկ, իրավական և բաց լինի քաղաքացիական հասարակության համար: Հետևաբար, անհրաժեշտ է հանրային ոլորտի իրավական բարեփոխումների հիմքում դնել հանրային ծառայողի այդ թվում քաղաքացիական ծառայողի հանրային շահին ծառայելը որպես սկզբունք, ստեղծելով վերջինիս պրակտիկ կենսագործումն ապահովող համապատասխան իրավական կառուցակարգեր:

Այսպիսով, ընդհանրացնելով կարելի է փաստել, որ քաղաքացիական ծառայության կազմակերպման՝ վերոհիշյալ սկզբունքները, պետական իշխանության

մարմինների գործառույթների երաշխավորված իրագործումն ապահովելուն զուգահեռ, նպատակաուղղված են, առաջին հերթին՝ ծառայելու հասարակության և պետության առջև դրված հիմնախնդիրների անկողմնակալ լուծմանը, միաժամանակ ապահովելով քաղաքացիների անմիջական մասնակցությունը պետության կառավարման գործընթացներին վերոնշյալ հիմնական սկզբունքների հիման վրա:

---

1. Տե՛ս *Peter-Mishael Huber,* Algemeines Verwaltungsrecht, 2. Auflage, Heidelberg 1997. P. 23.
2. Տե՛ս ՀՀ Սահմանադրություն, հոդված 5, 6:
3. Տե՛ս Քաղաքացիական ծառայության մասին ՀՀ օրենք, ընդունված 2001թ., հոդված 14:
4. Տե՛ս ՀՀ Սահմանադրություն, հոդված 30 և 30.2:
5. Տե՛ս ՀՀ Սահմանադրության մեկնաբանություններ / ընդհանուր խմբագրությամբ՝ Գ. Հարությունյանի, Ա. Վաղարշյանի, Եր., «Իրավունք», 2010, էջ 353:
6. *Игнатова В.Г.* Государственная служба. М., Ростов-н/Д, 2004. С. 427.
7. *Մկրտչյան Ա., Եղիգարյան Ս., Գյուրջյան Ա.,* Քաղաքացիական ծառայության ուղեցույց, Եր., 2008, էջ 64:
8. *Игнатова В.Г.* Государственная служба. М., Ростов-н/Д, 2004. С. 427.
9. *Мальцев Г.В.* Бюрократия как правовая и моральная проблема. М.: Изд-во РАГС, 2009. С. 18.
10. Տե՛ս «Քաղաքացիական ծառայություն» շաբաթաթերթ, 02.05.2012թ. № 17 (406), էջ 5:
11. Տե՛ս *Եղյան Ռ.Հ.,* Քաղաքացիական ծառայությունը ՀՀ-ում, Եր., 2002, էջ 25:
12. Տե՛ս *Лобанов В.В.* Государственное управление и общественная политика: Уч. пособие. СПБ.: Питер, 2004. С. 80.
13. Տե՛ս Государственная служба: теория и организация. Ростов-н/Д, 1998. С. 206.
14. Տե՛ս Հանրային ծառայության մասին ՀՀ օրենք, հոդված 6:
15. http://www.oecd.org/site/sigma/publicationsdocuments/39366561.pdf, p. 7
16. http://www.oecd.org/site/sigma/publicationsdocuments/44120253.pdf
17. Տե՛ս «Քաղաքացիական ծառայություն» շաբաթաթերթ, 02.05.2012թ. № 17 (406), էջ 4:
18. Տե՛ս «Քաղաքացիական ծառայություն» շաբաթաթերթ, 14.09.2011թ. № 30 (375), էջ 5:
19. Ֆրանկ Օրտոն, Գենյա, Պետրոսյան, Թերեզա Խորոզյան, «Մարդու իրավունքներ, լավ կառավարում, իրավունքի գերակայություն, Մարդու իրավունքների պաշտպանի դերն ու կարևորությունը» (Հիմնված է բնօրինակի վրա, որը կազմվել է Իռլանդիայի Հանրապետության Ազգային օմբուդսմանի կողմից), Եր., 2005, էջ 53:
20. http://www.tbs-sct.gc.ca/pubs_ pol/hrpubs/TB_851/vec-cve1_e.asp#_Toc46202807

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В РА

Резюме

Формирование принципов гражданской службы, адекватно выражающих выбранную концепцию гражданской службы, является сложной теоретической и практической проблемой, требующей тщательного изучения.

В научной статье детальному системному анализу подвергаются основные принципы гражданской службы, установленные законодательством в РА, а также автором предлагается законодательно закрепить принцип служению общественному интересу как новый принцип гражданской службы.

THE PRINCIPLES OF ORGANIZATION OF CIVIL SERVICE IN RA

Summary

The drafting of principles, adequately expressing the chosenconcept of civil service, now represents itself a complex theoretical and practical problem, which needs a thorough research.

In the scientific article the author has made a systematic and detailed analysis of the principles of civil service, set by legislation in RA, also has suggested set legislatively the principle of serving the public interest as a new principle of civil service in RA.

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РА

А.В. Курдова

Проблема защиты прав детей разрывно связана с проблемами жестокого отношения к ним. Несмотря на общемировой гуманитарный прогресс, защита прав детей в Армении по-прежнему относится к числу актуальных проблем. Эта проблема всего общества в целом, не только отдельно взятой семьи. Данное обстоятельство обязывает нас перейти к конкретным действиям по обеспечению предписаний норм международного права, провозглашающих приоритет прав детей.

1. Введение

Идея защиты детей посредством установления особого порядка уголовного судопроизводства со временем стала более популярной в Армении, в первую очередь, среди юристов, социальных работников, психологов, а во-вторых, среди людей различных профессий, представителей различных слоев общества. Такой интерес общества в последнее время является неслучайным. И это, к сожалению, связано с чередой нашумевших дел о жестоком обращении с детьми, и осознанием необходимости пересмотра системы правосудия, участниками которого могут быть несовершеннолетние. В этом общественном процессе есть одна особенность, а именно: обязательность сотрудничества ряда специалистов, которые, с одной стороны, способны расширять теоретические и практические аспекты ювенальной юстиции, с другой стороны, – смогут выйти за ее рамки, отдавая предпочтение психологическим, социальным службам помощи.

2. Основное содержание работы

Защита прав детей через формирование особого порядка судопроизводства в отношении несовершеннолетних преступников не нова. Еще в Средневековье, в Римском праве и в ряде европейских стран в XVIII, XIX веках придавалась особая важность выделению правосудия в отношении к несовершеннолетних, совершивших запретные деяние [1].

Римское право оставило нам концепцию защиты детей государством, как Высшим Опекуном Ребенка.

Игнорирование детства более всего характерно для средневековых правовых актов. Италия была первой европейской страной, где церковь инициировала создание специального пенитенциарного учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. Папа Клемент XI создал в Риме исправительный дом для подростков-правонарушителей.

Интересно, что дореволюционная Россия имела свое представление о защите интересов несовершеннолетних, и в 1910г. стартовали специализированные суды для несовершеннолетних, где рассматривались дела несовершеннолетних,

совершивших преступления «без разумения». Для исправления юных правонарушителей направляли в монастыри православной церкви [2].

Однако до середины XIX века в целом отсутствовала специальная правовая защита несовершеннолетних. Лишь к середине XIX века в ряде государств мира стали появляться законы, создаваться специальные учреждения, задачей которых стала защита детей на разных стадиях осуществления правосудия.

В 1824г. в Нью-Йорке был создан первый реформаторий для детей с целью оградить их от совместного содержания в тюрьмах со взрослыми преступниками. В 1831г. закон штата Иллинойс предусмотрел, что наказание несовершеннолетних должны отличаться от наказания взрослых. А в 1869г. в штате Массачусетс впервые примененили к несовершеннолетним режим пробации (воспитательного надзора).

Первый специализированный суд по делам несовершеннолетних был создан в Австралии в 1890г., затем указанные суды были образованы в Канаде и в 1899г. – в США. Примеру этих стран последовали Ирландия, Египет, Англия, Нидерланды, Германия, Франция, Бельгия, Австрия, Испания, Италия, Португалия, Лиссабон, Венгрия, Швейцария, Япония, Греция. На сегодняшний день ювенальные суды функционируют более чем в 60 странах мира.

Одним из положительных моментов ювенальной юстиции является максимальная индивидуализация процесса в суде для несовершеннолетних, что влияет также на повышение роли судебной власти в обществе в целом.

Вторым важным моментом является тот факт, что именно ювенальная юстиция дала старт несудебным процедурам, осуществляемым вспомогательными органами, службами, которые призваны заменить суд как орган правосудия, стать альтернативой суда для несовершеннолетних.

Надо заметить, что ювенальная юстиция в различных странах развивалась по-разному. Самыми распространенными являются два направления:

1-ое – это отдельный суд по делам несовершеннолетних, не связанный с общим судом,

2-ое – это состав общего суда, получивший полномочия по рассмотрению дел с участием несовершеннолетних.

В 1992 году, подписав конвенцию «О защите прав ребенка», а затем в 2005 году, ратифицировав ее два протокола, Республика Армения сделала первые шаги по переосмыслению значения прав детей, их защиты со стороны государства и методов достижения этой цели.

Особенность защиты прав ребенка состоит в том, что, рассматривая дела с участием несовершеннолетних, суд должен применять различные по своей отраслевой принадлежности правовые нормы. Ювенальное право имеет комплексный характер и нуждается в употреблении норм международного права, семейного права, уголовного права, гражданского права, административно-правовых, гражданско-процессуальных, уголовно-процессуальных и иных норм. Данное не является исключением и для уголовного судопроизводства.

Комплексный характер ювенального права и достаточно широкий спектр законодательства, регулирующий правоотношения в данной сфере, привел к признанию международным сообществом данного права в качестве отдельной

ветви права. Это не столько теоретическое положение, сколько практическое, представляет собой большое достижение в деле обеспечения защиты прав детей. Такой подход, в первую очередь, провозгласил приоритет защиты прав детей, во-вторых, признал необходимость в особой специализации лиц, занимающихся делами несовершеннолетних, в-третьих, создал особый порядок рассмотрения дел несовершеннолетних, в том числе уголовных дел и, в-четвертых, предусмотрел систему альтернативных методов воздействия на несовершеннолетних правонарушителей (например, впервые совершивших преступления).

Вышесказанное отражено во многих международных актах. Так, например, Организация Объединенных Наций во Всеобщей декларации прав человека провозгласила, что дети имеют право на особую защиту, заботу и помощь: «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения».

Комплексный характер ювенального права ставит требование в подготовке соответствующих специалистов, чьи познания в праве, педагогике, психологии, социальной сфере, позволят эффективнее работать с несовершеннолетними. Для этого следует пересмотреть свои взгляды в системе образования, создать на базе юридического образования ювенальную специализацию с учетом многовекового опыта западных стран.

Нам бы не хотелось, говоря об особенностях защиты прав детей, ограничиваться лишь защитой прав несовершеннолетних правонарушителей, так как несовершеннилетние могут быть вовлечены в систему уголовного преследования не только в качестве обвинямых, подозреваемых, но и потерпевших, свидетелей, гражданских истцов и, в редких случаях, гражданских ответчиков. И в каждом случае закон должен содержать особый порядок участия данных лиц с учетом их возрастных, психических и физических особенностей.

Одним из существующих направлений усиления защиты прав и интересов ребенка, по нашему мнению, является законодательная реформа. Отметим лишь наиболее важные вопросы, которые она должна обхватить.

Как показывает практика, в сферу уголовного преследования чаще попадают несовершеннолетние либо из неблагоприятных семей, либо дети, оставшиеся без родительской опеки, одним из ключевых вопросов является вопрос об органах, в обязанность которых будет входить обеспечение защиты прав и интересов ребенка на протяжении всего уголовного процесса. Здесь речь идет не о защите процессуальных прав и интересов, которые обеспечиваются участием защитника в уголовном деле, а в ряде социальных прав, праве на получение образования и т.д. По нашему мнению, УПК РА должен установить требование обязательного участия в качестве законного представителя в уголовном деле и представителя органов опеки и попечительства по делам несовершеннолетних, оставшихся без родительской опеки. Это относится не только к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, но и к несовершеннолетним потерпевшим, гражданским истцам и, в редких случаях, гражданским ответчикам, свидетелям.

С учетом вышесказанного, следующее предложение касается обязанности органов, осуществляющих производство по делам несовершеннолетних, обеспе-

чить участие органов опеки и попечительства по делам несовершеннолетних, оставшихся без родительской опеки.

Нам представляется, что орган опеки и попечительства по делам несовершеннолетних – это не пассивный наблюдатель за уголовным процессом, а активный участник, имеющий конкретные права и обязанности при участии в уголовном деле. Так, например, в обязанности данного органа должно входить исследование условий жизни несовершеннолетнего по требованию суда и представление, соответственно, акта об условиях жизни несовершеннолетнего, либо предоставление помощи суду в установлении обстоятельств, предусмотренных ч. 1-ой ст. 440 УПК РА, либо право пригласить адвоката для защиты интересов несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, оставшихся без родительской опеки.

В реформе нуждаются также нормы УПК РА, ограничивающие конституционные права несовершеннолетних граждан, например, право на свободу передвижения. Следует предусмотреть обязанность органов, осуществляющих производство по делам несовершеннолетних, незамедлительно ставить в известность родителей, опекунов, попечителей о задержании, заключении под стражу и приводе несовершеннолетнего, а по делам несовершеннолетних, оставшихся без родительской опеки – органы опеки и попечительства. Такой же подход должен быть и при предъявлении обвинения несовершеннолетнему.

Безусловно, надо пересмотреть крайние сроки задержания и заключения под стражу несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в сторону их сокращения, сроки и условия допроса несовершеннолетних. УПК РА должен разрешить вопрос, связанный с участием педагога либо психолога при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля. Нам представляется, что участие данных лиц в допросе несовершеннолетних от 14 до 16 лет должно быть обязательным, а от 16 до 18 лет – по усмотрению органа, осуществляющего производство по делу.

Действующий УПК РА не разрешает вопросов, связанных с порядком и случаями прекращения уголовного преследования и назначения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших небольшой либо средней тяжести преступления. Не отрегулированы вопросы, связанные с дальнейшей судьбой детей, к которым применены меры воспитательного воздействия, органы, на которые возлагается ответственность по надзору и правовые последствия назначения, выполнения либо невыполнения требований мер воспитательного воздействия.

Перечень проблематичных вопросов может быть продолжен: это касается и вопросов освобождения от наказания несовершеннолетних и иные доселе неразрешенные в УПК РА вопросы.

Хотелось бы закончить цитатой, на наш взгляд, точно характеризующей отношение к детям фразой известной американской писательницы Эрмы Бомбек «Ребенок больше всего нуждается в вашей любви как раз тогда, когда он меньше всего ее заслуживает».

1. Дигесты Юстиниана: Избр. фрагменты / Пер. и примеч. И.С. Перетерского. М., 1984.
2. *Мельникова Э.Б.* Ювенальная юстиция. Уч. пособие для студентов юридических высших образовательных учреждений. М.: Фонд НАН, 2000.

ԵՐԵԽԱՆԵՐԻ ԻՐԱՎՈՒՆՔՆԵՐԻ ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՀՀ ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

Ամփոփում

Երեխաների իրավունքների պաշտպանության խնդիրը փոխկապված է երեխաների նկատմամբ դաժան վերաբերմունքի խնդրի հետ: Չնայած համաշխարհային ընդհանուր մարդասիրական առաջընթացի՝ Հայաստանում երեխաների իրավունքների պաշտպանությունը դեռ արդիական խնդիրներից մեկն է: Սա ամբողջ հասարակության խնդիրն է, այլ ոչ թե մեկ վերցրած ընտանիքի: Այս հանգամանքը պարտավորեցնում է մեզ անել հստակ քայլեր երեխաների իրավունքների պաշտպանության նախապատվությունը հռչակող միջազգային իրավունքի նորմերի թելադրանքները կատարելու գործում:

Հիմնաբառեր՝ իրավունքներ, պաշտպանություն, անչափահասներ, քրեական դատավարության իրավունք, անչափահասների արդարադատություն:

FEATURES OF PROTECTION OF CHILDREN IN CRIMINAL TRIAL RA

Summary

The problem of children's rights is inseparable from the problem of violence against them. Despite the progress of global humanitarian, protection of children's rights is very relevance in Armenia. This is a problem for whole society, not just individual families. This situation requires us to move to concrete action to ensure the requirements of international law, proclaimed the priority of children's rights.

Keywords: rights, protection, minors, criminal procedure, juvenile justice.

СКОЛЬКО СТОИТ УРАВНЕНИЕ МАКСВЕЛЛА?

Е.В. Пилипенко

Статья посвящена рассмотрению остроактуальной проблемы современной экономической науки и практики: определению ценовой стратегии для такого продукта человеческого труда, как знания. Не секрет, что широко пропагандируемые рыночные институты – «интеллектуальная собственность», например, – становятся серьезным препятствием для формирования нового технологического уклада на основе экономики знаний. В статье рассматриваются причины этого явления и предлагается собственное решение проблемы.

Именно так, судя по доминирующей в российской научной литературе точке зрения, должен, по-видимому, формулироваться «основной вопрос» экономики знаний: ***сколько стоит знание?***

Да и как иначе, если «собственно *экономика знаний* появляется тогда, когда *знание* становится ***рыночным*** *продуктом*» [1, 34]; если «*экономика знаний* – неразделимая триада рынков: ***рынка знаний***, рынка услуг и рынка труда» [2]; если «экономикой знаний мы называем такое состояние экономики данной страны, при котором: а) ***знания становятся*** *полноценным* ***товаром*;**…» [3]?

Если знание – товар, который «*продается и покупается подобно тому, как покупаются и продаются обычные продукты*» [1, 34], то вопрос «сколько стоит знание?» не просто закономерен, но и приобретает первостепенную важность – ибо *как, не зная цены товара, продавать его на рынке?*

Критерием истины, как всегда, является практика. Практика же говорит о следующем:

> *«Вы знаете, сколько стоит уравнение Максвелла? Этого не знает никто, и* ***никто не будет его покупать.*** *Но уравнение Максвелла, благодаря которому весь мир пользуется электричеством, окупило все затраты на фундаментальную науку всех 200 стран на 200 лет вперед»* [4].

Как же так – товар (*уравнение Максвелла*), обладающий исключительно высокой эффективностью и, стало быть, полезностью (*окупило все затраты на фундаментальную науку всех 200 стран на 200 лет вперед*) ***никто не будет покупать****?* И в то же время детективы, романы, «желтая пресса», сборники рецептов, путеводители и т.п. *знания*, не обладающие подобной эффективностью и полезностью, *продаются на рынке* миллионными тиражами и всегда *имеют своего покупателя*?

Причем, как выясняется, такой казус – *производство товара, который заведомо никто не будет покупать* – случается не только с уравнением Максвелла:

> *«Рынок знаний своеобразен. Так,* ***значительная часть знаний*** *на нем* ***распространяется безвозмездно*** *или за символическую плату»* [5].

Вот так *рынок*! Вот так *товар*! Вот и определи на такой *товар – цену!*

Попытаемся, тем не менее. Однако прежде, чем ответить на вопрос – *как продавать* знания? – необходимо, как нам кажется, понять – *что такое* – знания?

Основной объем знаний по этой теме дает философия. И это не случайно, поскольку именно и только философия ставит задачу «рационального разрешения наиболее общих вопросов, касающихся *сущности знания, человека и мира*»[1].

Итак, из философии нам известно, что:

знание – форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека.

В результате познавательной деятельности человек создает свое главное богатство – *личностные знания*.

Личностные (идеальные) знания

Личностные (идеальные) знания создаются только в процессе деятельности головного мозга. Причем в создании знаний в равной степени участвуют как *рациональная* часть человеческого мышления (интеллект), так и *иррациональная, духовная* его часть. Результативность мышления зачастую зависит не только от имеющейся информации, подготовки (образования) человека, но и от его мировоззрения, интуитивного сознания, интересов, жизненной позиции, общественного окружения, религиозных воззрений.

Именно этот вид знаний, его личностная форма создает, распространяет и использует знания.

Наличие и неразрывное единство рациональной и иррациональной сторон человеческого мышления находит отражение в современной научной литературе через выделение *формализуемых и неформализуемых* знаний.

Та часть личностных знаний, которая, в принципе, не поддается адекватному транслированию и кодифицированию современными средствами и методами, принято определять как *«неформализуемое»,* т.е. «неотделимое», «неявное», «неосознанное» знание.

Другую часть личностных знаний, которая поддается формализации и кодификации, т.е. может быть перенесена из головы человека на любой материаль-

---

[1] Разница между философским и экономическим пониманием знания, несомненно, существует и определяется стоящими перед этими науками *различными целями* в области изучения знаний. Философия ищет ответ на вопрос: «что за *сущность* – знание?», а экономика – «что за *продукт* – знание?» Понятно, что ответы на эти вопросы будут также разными. В целом же, «экономические» определения понятия «знания», если и отличаются от «философских», то больше по форме, чем по сути. Так, в философии знания – результат познавательной деятельности человека; в экономике *знания – это продукт духовного производства*.

ный носитель (бумагу, дискету и т.п.), либо выражена устно без утраты смысла и содержания транслируемого сообщения, часто обозначают как *«формализуемое»*, т.е. «осознанное», «явное», «кодифицированное» знание.

Кодифицированные знания

Кодифицированные знания – это, фактически, единственный вид знаний, относительно которого в научной литературе почти нет разногласий. Прежде всего, большинство авторов единодушно *выделяют* такой вид знаний, как *кодифицированные* (в ряде работ они же обозначаются как *формализованные)*. Также абсолютное большинство авторов понимают кодифицированное знание как «сохраняемое и передаваемое с помощью носителей в виде текстов, схем, рисунков и т.п.» и разделяют мнение о том, что кодифицированные знания легко воспроизводимы, могут храниться и распространяться на бумаге или электронном носителе, ими можно манипулировать, создавая новые знания в форме умозаключений и утверждений.

Единственный, пожалуй, момент, относительно которого высказываются различные мнения – это вопрос о том, *тождественно ли кодифицированное знание информации*?

Описанию и раскрытию феномена «информации» посвящены, по образному выражению Д. Блюменау, «*Гималаи книг*» и, тем не менее, фактически до настоящего времени нет единого взгляда на сущность этого феномена: «каждый исповедует свою информацию; сколько авторов, столько и информаций» [6]. Анализ существующих подходов позволил Д. Блюменау выделить два магистральных направления развития теории информации. Первый – так называемая «атрибутивная концепция» – рассматривает информацию как *неотъемлемое свойство материи*, ее атрибут. В соответствии с этим подходом – информация содержится во всех без исключения элементах и системах материального мира, следовательно, она существует вечно (как вечно существует материя), проникает во все поры жизни людей и обществ, т.е. является одной из трех (наряду с веществом и энергией) основ мироздания. В качестве возражения уместно привести следующее суждение: «информации придается статус самостоятельного бытия, некой реалии, существующей наряду с материальными вещами или в самих вещах», тогда как «никто еще не видел» ни как субъективно, ни как свойство эту загадочную информацию. Везде мы обнаруживаем лишь *взаимодействие* материальных веществ, наделенных энергией и нигде не обнаруживаем того, что обычно называем информацией. Почему? Да потому, что ее не существует в природе, как не существует флюидов, флюистона, эфира и т.п. [7].

Сторонники второго подхода полагают, что информация является *функцией* высокоорганизованных систем, в связи с чем не признают наличие информации в неживой природе и связывают ее присутствие с управлением. Причем одни из них («кибернетики») признают наличие информационных процессов во всех самоуправляемых системах (технических, биологических, социальных), тогда как другие («антропоцентристы») видят их только в человеческом обществе и сознании.

Устранить недостатки и «неувязки» вышеприведенных концепций позволяет *информационный* подход к познанию реальной действительности. Под ин-

формационным подходом понимают один из методологических подходов к исследованию объектов различной природы (биологических, технических, социальных), который предполагает описание и рассмотрение этих объектов в виде *системы, включающей в себя источник, канал и приемник* управляющих воздействий, допускающих их содержательную интерпретацию.

Основы этого подхода заложил К. Шеннон, который показал, что информация – это характеристика не сообщения самого по себе, а *соотношения сообщения и получателя*. Шеннон первый связал информацию (точнее: информационную емкость сигнала) со средой связи и поставил «вес» сообщения в зависимость от источника, характеристик источника, канала и получателя. Как отмечают Ю.М. Каныгин и Г.И. Калитич [8] «Информацию нельзя выделить из среды связи, как, например, выделяют сок из яблока. Качество сообщения, его информационная емкость целиком определяются средой. *Только соединяясь с потребителем, сообщение «выделяет» информацию»*.

Без наличия потребителя, хотя бы потенциального, *говорить об информации бессмысленно*. Это фактически означает, что *количество информации* в одном и том же сообщении напрямую *зависит от потребителя этой информации*, точнее, от его субъективных качеств.

Действительно, ни для кого не секрет, что одно и то же информационное сообщение (статья в газете, объявление, письмо, телеграмма, справка, чертеж, радиопередача и т.п.) может содержать разное количество информации для разных людей, в зависимости от их накопленных знаний, от уровня понимания этого сообщения и интереса к нему. Так, сообщение, составленное на японском языке, не несет никакой информации человеку, не знающему этого языка, но может быть высокоинформативным для человека, владеющего японским. Никакой новой информации не содержит и сообщение, изложенное на знакомом языке, если его содержание непонятно или уже известно. В контексте всего вышесказанного становится ясно, почему для одного человека одна и та же книга интересна и информативна, а для другого – нет.

Об этом же говорится в учебном материале кафедры информатики при Московской финансово-промышленной академии: «информация не является статичным (постоянным) объектом – она достаточно быстро может меняться со временем и *существует* ***только в момент взаимодействия*** *данных и методов.* Все прочее время она *(информация) пребывает в состоянии данных»*. На это же, фактически, обращают внимание Л.Э. Миндели и Л.К. Пипия: «без практического применения (т.е. ***без потребителя*** *– прим. автора*) кодифицированные знания представляют собой набор сведений, лишенный какой-либо экономической ценности» [9]. Об этом же говорят и авторы книги «Экономика знаний»: «Ценность изобретения, научного открытия или инструкции по использованию электробытового прибора невозможно определить *до момента* ***потребления*** *соответствующей информации* – ознакомления с формулой, заложенной в основу изобретения, изучения сути научного открытия или прочтения соответствующей инструкции по применению» [1, 263]. Излишне, видимо, говорить, что «ознакомиться», «изучить» и «прочитать» что бы то ни было может только человек и только в том случае, когда он ощущает в этом потребность. Кроме того, «озна-

комление», «изучение», вообще, любое «практическое применение кодифицированных знаний» производится человеком в результате умственной деятельности. Таким образом, *информация появляется в* ***результате взаимодействия*** *человека и кодифицированных знаний (данных)*. Или – *информация является* ***результатом осмысления*** *человеком кодифицированных знаний (данных)*.

В любом случае, при любой формулировке становится ясно, что *информация как продукт мыслительной деятельности человека является продуктом духовного производства* и не может быть механически уравнена с кодифицированными знаниями.

Итак, *кодифицированное знание* – это *не информация*, это, скорее, *данные*, и только от человека зависит – станут ли они информацией или так и останутся записью на камне, бумаге, дискете.

Что продается на «рынке знаний»?

Естественным носителем знаний является человек. Но, поскольку уже давно «не принято» продавать знания *вместе* с человеком[2], то необходимо рассмотреть, какие именно знания могут быть проданы на рынке *отдельно* от человека.

Фактически во внешней, по отношению к голове человека (его духовному производству), среде находятся только *кодифицированные знания, т.е.* ***данные***. Именно этот вид знаний может быть отчужден от человека и свободно обращаться во внешней среде (т.е. за пределами его головы), в том числе и на рынке.

Неформализуемые личностные знания неотделимы от человека, неотчуждаемы, потому не могут обращаться где бы то ни было *за пределами* его головы – в том числе и на рынке.

Информация – это продукт переработки человеком данных в его духовном производстве. Информация *возникает и существует* только в духовном производстве – т.е. в голове человека. За пределами духовного производства (головы) информации нет – есть данные.

Таким образом, на рынке (как бы он ни назывался – «рынок знаний», «рынок информации» и т.п.) в качестве товара могут находиться только ***данные***. Это означает, что отправляться «за знаниями» на «рынок знаний» (точно также как и за «информацией» на «рынок информации») бесполезно – их там попросту нет, и быть не может.

Знания, это давно и хорошо известно[3], не продаются и не покупаются, а создаются, производятся человеком каждый раз индивидуально. Продаются и покупаются, как мы только что выяснили – *данные.* Но данные никогда не уравнивались со знаниями (и это один из немногих вопросов, по которым существует практически полное единодушие в исследовательской среде). Данные всегда

[2] Поскольку рабовладельчество и крепостничество перестали быть господствующей формой общественного устройства.

[3] Поговорке «Нельзя научить, но можно научиться» – не одна сотня лет.

рассматривались в качестве некой «простейшей», «первичной» субстанции, фактически – *«сырья»*, для производства *«готовой продукции»* – знания.

Мы разделяем эту точку зрения, тем более, что она подтверждается и практикой. В самом деле, сам факт покупки книги с, например, уравнением Максвелла совсем не означает, что покупатель немедленно, автоматически (сразу после оплаты) «обогатится» на величину знаний, заключенных в этом уравнении. Совершенно понятно, что знания могут стать, а могут и не стать личным «богатством» покупателя – и это зависит не от того, заплатил он за покупку или нет, а только от того, способен ли он понять то, за что заплатил. Если нет – никакие деньги не помогут получить знания. То есть определяющим при приобретении знаний является не *платежеспособность* покупателя, а *способность его головы (его духовного производства)* обрабатывать купленные данные.

Что же получается – деньги за «товар» (знания) заплатили, а «товара» (знаний) не получили? Почему никто не кричит «караул»? Потому что это *всем хорошо известное*, *естественное* положение вещей – *знания не продаются, а создаются*.

Итак, единственным продуктом духовного производства, способным обращаться на рынке, являются *данные*. В процессе производства знаний *данные* выполняют роль «исходного материала», *«сырья»* – именно этим и должна определяться политика ценообразования на них.

Фактически *данные должны продаваться по цене материального носителя, на котором они записаны*[4]. В основном, так и происходит: одно и то же кодифицированное знание, записанное на разных носителях, будет стоить по-разному; в то же время, разные (по содержанию и ценности) кодифицированные знания, записанные на аналогичных носителях стоить будут также аналогично. Изменение технологий изготовления носителей (от пергамента до дискет), их

[4] Определение в качестве рыночного товара *данных* делает все последующее – определение цены и механизма ценообразования – делом простым и понятным. Определение же в качестве рыночного товара *знаний* вынуждает делать ряд существенных допущений, в конечном счете отрицающих и понятие «товара», и понятие «знаний». Рыночная цена товара формируется на основе стоимости, точнее – меновой стоимости, а *знания не имеют меновой стоимости.* Это – *факт,* с которым ничего нельзя поделать, *объективная реальность,* изменить которую не в состоянии самые изощренные манипуляции с природой знания, призванные заменить его естественные свойства – *всеобщность, публичность* – искусственно созданной *редкостью; «..меновая стоимость знания целиком зависит от практической возможности ограничить его свободное обращение, т.е. юридическими (патенты, авторские права, лицензии, контракты) или монополистическими способами ограничить возможность копировать, подражать, «перепридумывать», перенимать знания других. Иными словами, стоимость знания не является продуктом природной редкости, но вытекает исключительно из тех ограничений доступа к знанию, которые устанавливаются институционально или явочным порядком…»* [10, 51]. Фактически, продукт, пригодный к *продаже на рынке* получается из знания только в случае его *полной монополизации*, что противоречит изначальному понятию и природе рынка, и уже само по себе создает парадокс, неразрешимый в рамках существующих представлений. Традиционно именно рынок – *свободный рынок* – противопоставлялся монополии, именно *свободный от монополии рынок* считался условием и залогом экономического и общественного прогресса. В случае же со знаниями *рынок сам становится монополией.* Такова, по нашему мнению, плата за игнорирование объективной, в данном случае – экономической, природы явления.

относительное удешевление должно приводить (и приводит) к *распространению данных*, к упрощению доступа к ним.

Однако сам по себе факт *распространения данных не означает* ни такого же, ни даже подобного или пропорционального *распространения знаний:* в самом деле, взрывное, многократное увеличение объема кодифицированных знаний за последние несколько десятков лет не привело ни к такому же увеличению умных людей, ни даже к такому же увеличению просто грамотных людей[5]. В этом нет парадокса, это объясняется все той же *технологией производства знаний*, о которой уже говорилось: знания производятся только в голове человека, в его духовном производстве. Не будучи востребованы духовным производством – личностью, интеллектом человека – данные так и останутся данными, просто *складом ненужных вещей.* Этим, в частности, объясняется упоминавшаяся в начале статьи рыночная «непродаваемость» «уравнения Максвелла»[6] на фоне исключительно высокой рыночной же «продаваемости» «желтой прессы», «бульварных романов» и т.п. Показатели спроса на них отражают *состояние духовного производства* покупающих их людей: «голов», нуждающихся в «уравнении Максвелла» и способных его «переработать», существенно меньше, чем «голов», способных «переработать» романы и детективы.

Изменить это соотношение (в пользу «уравнения Максвелла») может регулирование *не рынка, а процесса духовного производства*: надо увеличивать не тираж уравнения, а количество голов, способных это уравнение понять, ощущающих потребность в нем и потому готовых за него платить.

Однако за эти процессы «отвечают» не рынок, а *образование и воспитание*, в более общем смысле – *«эволюция человека как разумного существа»* (С. Капица). Именно и только образование и воспитание формируют духовное производство человека: его личность, душу, интеллект. В силу этого именно и только *образование и воспитание становятся ключевыми отраслями экономики знаний.* Рынок в процессе формирования духовного производства играл и будет играть подчиненную роль – роль поставщика «сырья» для производства подлинного богатства общества – знаний.

В силу всего вышесказанного «основной вопрос» экономики знаний будет формулироваться не как «*Сколько стоит уравнение Максвелла?*», а как ***«Сколько стоит воспитать Максвелла?»***

---

1. Экономика знаний: Коллективная монография. / Отв. ред. док. экон. наук, проф. В.П. Колесов. М.: ИНФРА-М, 2008.
2. *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник Российской академии наук. М., 2003. Т. 73. № 5. С. 450.
3. *Клейнер Г.* Микроэкономика знаний и мифы современной теории // Высшее образование в России, 2006. № 9. С. 32.

[5] Грамотность во многих регионах мира либо не изменилась (Африка), либо сократилась (страны бывшего СССР).

[6] Как символа теоретических научных знаний.

4. Сколько стоит уравнение Максвелла // «Российская газета»: Федеральный выпуск № 5284 (205) 13.09.2010.
5. Рынок знаний. Особенности рынка знаний (Электронный ресурс). Режим доступа // http://www.bibliotekar.ru/economika-8/226.htm
6. *Блюменау Д.И.* Информация и информационный сервис. Л.: Наука, 1998.
7. *Сетров М.И.* Информационные процессы в биологических системах: методологический очерк. Л., 1975.
8. *Каныгин Ю.М., Калитич Г.И.* Повышение роли информации в управлении научно-техническим прогрессом. Киев, 1987.
9. *Миндели Л.Э., Пипия Л.К.* Концептуальные аспекты формирования экономики знаний // Вопросы прогнозирования. № 3, 2007.
10. *Горц А.* Нематериальное. Знание, стомость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010.
11. Диалектика материального и духовного производства в экономике знаний. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. Шадринск: Изд-во ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2008.

HOW MUCH OF MAXWELL'S EQUATIONS?

Summary

The article is devoted to consideration of actual problems of contemporary economic science and practice: the definition of pricing strategy for such a product of human labour as knowledge. Not a secret, that the widely promoted by market institutions – "intellectual property", for example, become a serious obstacle for the formation of a new technological level on the basis of the knowledge economy. The article examines the causes of this phenomenon and offered their own solution to the problem.

ՀԱՊԱՎՈՒՄՆԵՐԻ ԵՎ ՀԱՄԱՌՈՏԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԿԻՐԱՌՄԱՆ ԳԵՆԴԵՐԱՅԻՆ ՏԱՐԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՆ ԱՆԳԼԱԼԵԶՈՒ ԱՌՑԱՆՑ ՉԱԹԵՐՈՒՄ

Ա. Աղաջանյան

Առցանց միջավայրում գրանցվող փոփոխությունները ներթափանցել են տարբեր ոլորտներ, այդ թվում՝ նաև գենդերային հարթություն: Միջանձնային շփման նոր հարաբերությունները՝ պայմանավորված առցանց խոսույթի և լեզվի առանձնահատկություններով, նպաստել են նոր լեզվական պահվածքների ձևավորմանը և զարգացմանը:

Չաթերում գենդերային դրսևորումները տեղի են ունենում հիմնականում առանց պայմանականությունների, քանի որ շփման ոչ պաշտոնական բնույթը և ժանրային յուրահատկությունները ստեղծում են հաղորդակցվողների համար «անկաշկանդ» իրավիճակ: Առանց սահմանափակումների նրանք կարող են արտահայտել իրենց հույզերը, տրամադրությունը, արձագանքել ասվածին: Այդ իսկ պատճառով, մենք ականատես ենք դառնում երկու իրարամերժ գործընթացների զարգացմանը: Մի կողմից, հուզականությունն առավելագույնս ճիշտ արտահայտում է գտնում արական և իգական սեռի մասնակիցների մոտ, որը նպաստում է գենդերային տարբերակվածության ուժեղացմանը: Մյուս կողմից, զրույցի համար կիրառվող լեզվական միավորների «միատարրությունը», կարծես թե, ստվերում է թողնում գենդերային խնդիրն ընդհանրապես, քանի որ չաթերի մասնակիցներն օգտվում են զրույցը սկսելու, շարունակելու և ավարտելու նույն կաղապարներից:

Մինչ չաթերի գենդերային յուրահատկությունները քննարկելը, փորձենք դիտարկել այն հիմնական հարացույցը, որն անվանվում է «լեզու-սեռ»:

Գենդերն ընկալվում է որպես հասարակական հաստատությունների և արարողակարգերի հասարակական-մշակութային համակարգ: Հասարակական հաստատությունները (դպրոց, բանակ, եկեղեցի և այլն) ապահովում են գենդերային տարբերությունները, համակարգում են սահմանված նորմերը, որոնք մեկնաբանվում են որպես բնությամբ պայմանավորված երևույթներ: Հասարակական արարողակարգերն առաջացնում են գենդերային տարբերություն հագուստում, պահվածքում, խորհրդանշանների ընկալման մեջ: Մշակույթի տեսանկյունից գենդերն արտացոլում է տղամարդկության և կանացիության ազգային պատկերացումները ժողովրդական բանահյուսության, հեքիաթների, ավանդույթների և լեզվի վերաբերյալ (Кириллина-Томская, 2005):

Ընդհանրացնելով Գորոշկոյի, Լակոֆֆի և Տաննենի տեսությունները սեռի և լեզվի փոխհարաբերության վերաբերյալ, կարելի է առանձնացնել տղամարդու և կնոջ հաղորդակցվելու հետևյալ տարբերությունները: Կանայք ավելի հաճախ են հարցեր տալիս, ինչն ուղղված է զրույցը շարունակելուն: Անհամաձայնության դեպքում կինը նախընտրում է լռել: Նրան ավելի հաճախ են ընդհատում խոսակցության ժամանակ, քան տղամարդուն: Կնոջ արձագանքն ասվածին ավելի մեղմ է, չնայած խոսքը բավականին նպատակաուղղված է: Նա զրուցելիս ավելի շատ է հակված ներողություն խնդրելուն, քան տղամարդը: Կնոջ խոսքային վարքն ավելի անվստահ է, նա ավելի ուշադիր զրուցակից է, չի փորձում իր ձեռքը վերցնել զրույցի ընթացքը:

Ի տարբերություն կանանց, տղամարդիկ բավականին ագրեսիվ են տրամադրված զրուցակիցների հանդեպ: Նրանց խոսքն ավելի կտրուկ է, քիչ են հակված զիջումների: Տղամարդիկ զրուցելիս ավելի շատ մեկնաբանում են զրուցակցի խոսքը, ստացած տեղեկությունը: Նրանք զրուցակցին շատ են ընդհատում: Քննարկում և վիճարկում են զրուցակցի կարծիքը, անտեսում են որոշ մեկնաբանություններ: Տղամարդն իշխող դեր է զբաղեցնում զրուցելիս, նա է սկսում զրույցը և հետևում դրա զարգացմանը: Իր մտադրություններն արտահայտում է ուղղակիորեն՝ չօգտագործելով կիրթ և քաղաքավարի արտահայտություններ: Տղամարդն ավելի երկար է խոսում միևնույն թեմայի շուրջ, քան կինը: Չնայած տղամարդու ագրեսիվ պահվածքին նա զրույցի ընթացքում փորձում է լուծել ծագած խնդիրները, մասնակիցներին խորհուրդ տալ:

Առաջ է քաշվում այն վարկածը, որ կանայք ավելի հակված են «հաղորդակցական համագործակցության», իսկ տղամարդիկ՝ «հաղորդակցական մրցակցության» (Горошко, 2001; Lakoff, 1973; Tannen, 1994):

Անդրադառնալով մեր ուսումնասիրության ոլորտին՝ անգլալեզու առցանց չաթերին, հարկ ենք համարում նշել, որ զրույցը վարելու վերոնշյալ գենդերային տարբերությունները նկատվում են նաև առցանց չաթերում զրուցելիս: Սրա պատճառն այն է, որ, ինչպես արդեն նշվել է, առցանց չաթերը հանդիսանում են բանավոր զրույցների նմանակումներ: Ինչքան էլ որ վիրտուալ աշխարհի մասնակիցները փորձեն ազատ շփվել, զուրկ լինեն ավելորդ բարդույթներից, միևնույն է, բնությունը չի կարող ոչնչանալ: Սա մենք բացատրում ենք նրանով, որ ինչքան էլ ստեղծված միջավայրը լինի վիրտուալ, այնուամենայնիվ թե՛ այդ աշխարհը ստեղծողները, թե՛ դրանում «ապրողները» իրական մարդիկ են:

Ուսումնասիրված նյութից պարզ դարձավ, որ չաթերում հաղորդակցվողներում գերակշռում են տղամարդիկ: Նրանք ավելի ակտիվ են, անկաշկանդ: Հիմնականում հենց տղամարդիկ են հանդիսանում զրույցի նախաձեռնողներ: Ի տարբերություն կանանց, ովքեր ձգտում են զրուցել հակառակ սեռի ներկայացուցիչների հետ, տղամարդիկ բավականին երկար ժամանակ կարող են շփվել իրար հետ: Տղամարդկանց խոսքն ավելի կարճ է, դրույթները՝ հիմնավորված: Ի հակադրություն կանանց, նրանք քիչ են օգտագործում զգացմունքային բնույթ կրող միջոցներ:

Անցում կատարելով անգլալեզու առցանց չաթերի համառոտագրություններին և հապավումներին, հարկ է նշել, որ գոյություն ունեն դրանց կիրառման որոշակի գենդերային տարբերություններ: Կանանց և տղամարդկանց մեջ կան հապավումների օգտագործման որոշակի առանձնահատկություններ:

Մեր ուսումնասիրման համար ընտրել ենք չաթի մասնակից 200 կին և 200 տղամարդ: Վերլուծության համար ընտրվել են տարբեր տարիքային խմբերի մասնակիցների զրույցներ: Խմբերը ներառում են դեռահասներից (teenagers) մինչև հիսուն տարեկան տղամարդկանց և կանանց: Զրույցի թեման կենցաղային է:

Հարկավոր է նշել, որ մեր կողմից ընտրված կանայք և տղամարդիկ հանդես են եկել որպես կին կամ տղամարդ առցանց միջավայրում: Ուսումնասիրման ենթարկված մասնակիցները հանդիսանում են առցանց չաթերի մշտական «բնակիչներ»: Նրանք լավ են տիրապետում վիրտուալ աշխարհի կանոններին և լեզվին:

Դեռահասների տարիքային խմբի մասնակիցների զրույցն ունի հարձակողական բնույթ: Մասնակիցները գտնվում են մշտական մրցակցության մեջ, վիճաբանում են: Պահվածքի նմանատիպ դրսևորումը հատուկ է այս տարիքում գտնվող մարդկանց համար: Այն, ինչ ազդում է նրանց վարքագծի վրա, անմիջականորեն դրսևորվում է լեզվի վրա: Լեզուն, վարքագիծը և տարիքային առանձնահատկությունները փոխկապակցված են: Նրանց լեզուն հագեցած է խոսակցական-ժարգոնային արտահայտություններով: Զրույցի թեմաները տարբեր են, բազմազան: Տղաները բավականին զուսպ են, իսկ աղջիկներն ակտիվ: Աղջիկներն ավելի հաճախ են օգտագործում ժարգոնային, արգելված արտահայտություններ: Նրանք ավելի հաճախ են օգտագործում համառոտարություններ և հապավումներ:

Ստորև ներկայացնում ենք այս տարիքային խմբի աղջիկների և տղաների ամենահաճախ օգտագործած համառոտագրությունների և հապավումների աղյուսակը:

Տղա	*imma – I may*
u – you	*pm – private message*
gt – great	*wb – welcome back*
pvt – private	*btw – by the way*
pls – please	*lol – laugh out loud*
ur – your	*lmao – laughing my ass off*
Աղջիկ	*kk – ok, cool*
u – you	*jk – just kidding*
ur – you are	*pm – private message*
bro – brother	*shut – shut up*
da – the	*brb - be right back*
Cuz – because	*lol – laugh out loud*
2 – to	*omg – oh my god*
*tf – the f****	*lmao – laughing my ass off*

Ավելի մեծ տարիքային խմբերի մասնակիցներն ավելի հաճախ են դիմում համառոտարությունների և հապավումների օգտագործմանը, քան այս խմբինը: Դա մենք պայմանավորում ենք զուտ տարիքային առանձնահատկությամբ: Համառոտագրություններն ու հապավումները նման են օտար լեզվի: Որքան մարդ շատ է այն օգտագործում, այնքան հեշտ է դառնում և սկսում է լավ տիրապետել այդ լեզվին:

Դեռահասների համար դժվար է զրույցում շատ օգտագործել համառոտարություններ և հապավումներ, քանի որ նրանք նոր են մտնում առցանց հաղորդագրությունների աշխարհ: Դա է հիմնական պատճառը, որ նրանց խոսքում ավելի շատ առկա են խոսակցական-ժարգոնային բնույթի արտահայտություններ, քան համառոտարություններ և հապավումներ:

20–30 տարիքային խմբում իրավիճակն այլ է: Այստեղ գենդերային տարբերությունն ավելի է դրսևորվում: Հստակորեն տարանջատվում են տղամարդ և կին հասկացությունները: Տղամարդիկ ավելի ակտիվ են: Իրենք են զրույցի նախաձեռնողները և ընթացքին հետևողները: Նրանք քանակապես ավելի շատ են: Զրույցի թեմաները հստակեցված չեն, տարբեր են: Մասնակիցների ոճն ազատ է, շփումն՝ անկաշկանդ: Բավականին հաճախ են օգտագործվում վիրավորական, արգելված արտահայտություններ: Նույնիսկ դրանց քողարկման միջոցները չեն օգտագործվում: Նմանատիպ բառապաշար օգտագործող մասնակիցները դուրս են բերվում չաթերից և արգելվում է նրանց հետագա մուտքն այդ սենյակ:

Մյուս աչքի ընկնող առանձնահատկությունն այն է, որ տղաները ազատորեն շփվում են ինչպես իրար հետ, այնպես էլ աղջիկների հետ: Աղջիկները նախընտրում են իրար հետ չշփվել, չզրուցել: Նրանք հաճույքով զրուցում են հակառակ սեռի ներկայացուցիչների հետ: Երբեմն նույնիսկ անտարբերության են մատնում իգական սեռի մասնակիցներին:

Այս տարիքային խմբի մասնակիցներն ավելի հաճախ են օգտագործում համառոտագրություններ և հապավումներ: Նրանք արդեն լավ են տիրապետում չաթի լեզվին, ընդունում են արագության անհրաժեշտությունը: Փորձելով խնայել ժամանակ և անտեսել տարածությունը՝ նրանք հաճախ են իրենց խոսքում դիմում համառոտարություններին և հապավումներին:

20–30 տարեկան մասնակիցների համառոտագրությունների և հապավումների օգտագործման գենդերային մյուս առանձնահատկությունն այն է, որ տղաներն ավելի շատ կրճատում են բառակապակցություններ և նախադասություններ, իսկ աղջիկները՝ բառեր:

Ներկայացնում են վերոնշյալ տարիքային խմբի մասնակիցների զրույցներում ամենաշատ աչքի ընկնող համառոտագրությունների և հապավումների աղյուսակը:

Տղամարդ
2 – to
@ - at
k – ok
hun – honey
n - and
u – you
em – them
ur - your
lil – little
lillz – littles
r – are
ur – you are
pvt – chating in a private room
pm – private message room
pm – to chat in a private message room
ic – I see
sup/ssup – what's up?
Nm – nothing much
Idk – I don't know
Iggy – ignore you
G2g – got to go
Omg – oh my god
Ltnc – long time no chat

bout – about
ops – operators
perv – pervert
pervy – pervert
pervs – perverts
reg – regular
ppl – people
prolly – probably

Pfts – pause for thoughts
Lol – laugh out loud
Lolz – laugh out loud with sarcasm
Lmao – laughing my ass off
Dafuq/dufuq – the f***
Stfu – shut the f*** up
Wtf – what the f***
tho – though

Կին

an – and
aussies – Australians
bf – boyfriend
hr – hour
f – female
lil – little
perv – pervert
sis – sister
sup – super
tho – though

u – you
ur – your
cya – see you
jk – just kidding
lol – laugh out loud
omg – oh my god
pf – perfect fit
ty – thank you
usa – United states of America
wb – welcome back

Ինչպես երևում է այս տարիքային խմբում տղամարդիկ ավելի հաճախ են օգտագործում հապավված նախադասություններ: Նրանց զրույցների առանցքում են համառոտագրությունների ու հապավումների

- *խոսքիմասային փոփոխությունը* (*pvt – private / pvt – chating in a private room, pm – private message room / pm – to chat in a private message room),*
- *քերականական թվի պահպանումը (lil – little /lillz – littles, perv – pervert / pervs – perverts),*
- *միևնույն միավորի տարբեր ձևերը (perv – pervert, pervy – pervert, pervs – perverts),*
- *համանունությունը (ur – your / ur – you are)*

Կանայք ավելի զուսպ են համառոտագրությունների և հապավումների օգտագործման հարցում: Նրանց մոտ չկան այն բոլոր առանձնահատկությունները, որոնք հանդիպում են տղամարդկանց մոտ: Կանայք փորձեր սովորաբար չեն անում միավորների կրճատման հետ կապված: Նախընտրում են օգտագործել հստակեցված և հասկանալի տարբերակներ: Ավելի քիչ են դիմում նախադասությունների կրճատման եղանակին, նախընտրում են համառոտագրությունները (բառերի կրճատ գրությունը):

30–40 տարեկան տղամարդիկ և կանայք չաթերում քանակապես գրեթե հավասար են: Կանայք ավելի ազատ են շփվում տղամարդկանց հետ: Ի տարբերություն 20–30 տարեկան խմբի, այստեղ միևնույն սեռի շփում գրեթե չկա: Տղամարդիկ նախընտ-

րում են զրուցել կանանց, իսկ կանայք՝ տղամարդկանց հետ: Զրույցն ընթանում է քաղաքակիրթ, պատշաճ մթնոլորտում:

Քննարկվող թեմաները շատ չեն: Չնայած մասնակիցների շատությանը, զրույցի թեման մեկն է կամ երկուսը: Ընթացքն ավելի արագ է, լեզուն՝ հարուստ: Սա պայմանավորված է նրանով, որ մասնակիցներն արդեն չաթում շփվելու բավականին մեծ փորձ ունեն: Նրանք լավ են տիրապետում չաթի լեզվական օրենքներին: Թեմաների բազմազան չլինելը նույնպես նպաստում է զրույցի ընթացքի արագությանը: Ժարգոնային և արգելված արտահայտությունները շատ չեն, հանդիպելիս անտեսվում են:

Համառոտագրություններ և հապավումներ ավելի հաճախ օգտագործում են տղամարդիկ, քան կանայք: Նախորդ խմբի հետ եղած տարբերությունն այն է, որ և տղամարդիկ և կանայք այս տարիքում ավելի հաճախ օգտագործում են հապավումներ, քան համառոտագրություններ: Բառերն ավելի քիչ են կրճատվում:

Տղամարդ

m – male	*bs – bull s**t*
u – you	*dk – don't know*
aus – Australia	*gtg – got to go*
bk – back	*idk – I don't know*
ed – add	*igy – I got you*
den – then	*lol – laugh out loud*
ppl – people	*lool – laugh outstandingly out loud*
pvts – private rooms	*lmao – laughing my ass off*
x'd – kissed	*pm – to chat in a private message room*
ty – thank you	*tc – take care*
	yw – you're welcome

Կին

f – female	*ikr – I know, right?*
r – are	*lol – laugh out loud*
u – you	*lolz – laugh out loud with sarcasm*
@ – at	*lmao – laughing my ass off*
bf – boyfriend	*mma – meet me at*
cos – because	*omg – oh my god*
prolly – probably	*tc – take care*
bbl – be back later	*ty – thank you*
hb – hurry back	*yw – you're welcome*

Ինչպես երևում է բերված աղյուսակից, տղամարդկանց և կանանց օգտագործած համառոտագրությունների և հապավումների քանակային և տեսակային առումով տարբերություններն այդքան էլ մեծ չեն: Այս տարիքային խմբի մասնակիցների մեջ կարծես ինչ-որ պայմանական համաձայնություն կա: Նրանց օգտագործած հապավումներն ու համառոտագրությունները գրեթե նույնն են: Սա մենք բացատրում ենք զրուցակիցների քաղաքավարի պահվածքով, տարիքային հասունությամբ, լեզվին լավ տիրապետելու ունակությամբ:

Վերջին խումբը, որը ենթարկվել է ուսումնասիրության, 40–50 տարեկան մարդկանց խումբն է: Այս տարիքային խումբը շատ հատկանիշներով նմանվում է քսան-երեսուն տարեկան մարդկանց խմբին: Տղամարդիկ այստեղ շատ ազատ են, ազատորեն շփվում են իրար հետ: Արական սեռի մասնակիցները նախընտրում են ավելի շատ զրուցել իրար հետ, քան կանանց: Իգական սեռն այս խմբում ակտիվ չէ: Նրանք չեն ցանկանում մասնակցել ընդհանուր խմբերի զրույցին: Նախընտրում են անհատական, անձնական սենյակների զրույցը: Նրանք քիչ են զրուցում ընդհանուր սենյակներում (general rooms):

Լեզուն նմանակում է 30–40 տարիքային խմբին: Մասնակիցներն իրար չեն վիրավորում: Արգելված և ժարգոնային արտահայտություններ գրեթե չկան: Եթե կա նմանատիպ արտահայտությունների կարիք, ապա դրանք կամ կրճատվում են, կամ քողարկվում: Զրույցի թեմաները շատ չեն: Բոլոր մասնակիցները խոսում են մեկ թեմայի շուրջ:

Այս խմբում կրճատվում են ինչպես բառերը, այնպես էլ բառակապակցություններն ու նախադասությունները: Տղամարդիկ ավելի հաճախ են օգտագործում համառոտագրություններ և հապավումներ: Ստորև բերվում է դրանց աղյուսակը:

Տղամարդ

k – ok
n – and
u – you
bs – because
dat – that
dwn – down
d8 – date
enuf – enough
fwd – forward
hun – honey
knw – know
msg – to send a message
ppl – people
pvt – to chat privately
pm's – private messages
prolly – probably
tho – though
ur – your
ur – you are
wht – what
wrk – work
asap – as soon as possible
igy – I got you
lol – laugh out loud
lmao / lmnao – laughing my ass off
omg – oh my god
rdo – regular day off
wb – welcome back
pm – to chat in a private message room

Կին

k – ok
u – you
w – with
hun – honey
min – minutes
nevr – never
ppls – people
pvts – private messages
prob – probably
slly – silly
lol – laugh out loud
lolol – lots of laughing out loud
ty – thank you
wb – welcome back

Այս տարիքային խմբում ավելի հաճախ օգտագործում են համառոտագրությունների և հապավումների հետևյալ տարբերակները.

• *Տղամարդիկ կիրառում են գործողություն ցույց տվող հապավումներ: Այս հապավումներն իրենց անվանական բնույթը փոխել են բայականի (msg – to send a message, pvt – to chat privately, pm – to chat in a private message room):*

• *Կանայք և տղամարդիկ նախընտրում են ձայնավորի զեղչումով համառոտագրություններ (dwn – down, fwd – forward, knw – know, ppl – people, wht – what, wrk – work, slly – silly, pvts – private messages):*

• *Կանանց դեպքում քերականական թվի ճիշտ օգտագործման կանոնների պահպանումը կամայական է (min – minutes, ppls – people, pvts – private messages):* Ի տարբերություն տղամարդկանց և կանանց օգտագործած հապավումների քանակային տարբերությանը, տեսակային առումով դրանք այնքան էլ չեն տարբերվում:

Կատարված ուսումնասիրությունը ցույց տվեց, որ տղամարդիկ ավելի շատ են հակված ասելիքը կրճատելուն, քան կանայք: Տղամարդիկ բառերի, բառակապակցությունների և նախադասությունների կրճատման միջոցներին ավելի հաճախ են դիմում: Նրանց խոսքը հագեցած է բազմաբնույթ համառոտագրություններով և հապավումներով: Կանայք ավելի քիչ են օգտագործում կրճատ գրության միջոցները: Տղամարդկանց և կանանց լեզվական վարքագծի այս յուրահատկությունը պայմանավորված է տղամարդկանց գործնականությամբ: Նրանք նախընտրում են ավելի կարճ և հստակ ձևավորված դրույթներ ինչպես աշխատանքում, այնպես էլ առօրյա հարաբերություններում: Տղամարդկանց և կանանց օգտագործած համառոտագրությունների և հապավումների ամբողջական ցանկն ընդգրկված է հավելվածում (Հավելված):

Ի տարբերություն տղամարդկանց, կանայք ավելի հաճախ կրճատում են զգացմունքայնորեն ավելի հագեցած արտահայտություններ: Նրանք նաև օգտագործում են միևնույն արտահայտության կրճատ դրսևորման ավելի շատ տեսակներ (lol, lols, lolz, lolums), քան տղամարդիկ (lol, lolz, lolls):

Տղամարդիկ ավելի հաճախ են դիմում պատկերավոր և թվային հապավումների ու համառոտագրությունների օգնությանը /j/k – just kidding, j/s – just saying, w/c – welcome, s/w – so what?, m/f – male or female, w8 – wait, m8 – mate, r8 – right, g8 – great, l8r – later, b4/be4 – before, ne1 – anyone, s1 – someone, 2nite – tonight, 2morrow – tomorrow, 2 – to, 2 – too, 4 – for, p2p – person to person/talk in a private room և այլն/, քան կանայք (f9 – fine, p2ping, ri8 – right, b4 – befor, 2day – today, som1 – someone, 2 – to, 2 – too, 4 – for, p2p – person to person/talk in a private room և այլն):

Հետաքրքրության է արժանի այն փաստը, որ արգելված արտահայտություններ պարունակող հապավումները, գռեհկաբանությունների կրճատ գրության ձևերը հատկապես օտագործվում են կանանց կողմից: Կանայք նմանատիպ միավորներ իրենց զրույցներում օգտագործում են տղամարդկանցից շատ: Ստորև ներկայացնում ենք այն արտահայտությունները, որոնք ամենից հաճախ հանդիպել են զրույցների ընթացքում:

Տղամարդ
Lmao – laughing my ass off
*Wtf – what the f****
*Lmfao – laughing my f***ing ass off*
*Gtfo – get the f*** out*
Lmlo – laughing my ass off
Lesb – lesbian
Sht – shit
*Fk – f****
Pervy – pervert

Perv – pervert	*Perves – perverts*
*F – f****	*Stfu – shut the freak up*
*Ffs – for f***'s sake*	*Cbf – can't be f***ed*

Կին

Lmao – laughing my ass off	*Perv – pervert*
*Lmfao – laughing my f***ing ass off*	*Stfu – shut the freak up*
*Ffs – for f***'s sake*	*Dafuq – the f***/ what the f****
*Wtf – what the f****	*Tyvfm – thank you very f***ing much*
*Omfg – Oh my f***ing god*	*Sht – shit*
*Rolfmao – rolling on the floor laughing my f***ing ass off*	*Gtfo – get the f*** out*
*Rolmfao – rolling on the floor laughing my f***ing ass off*	*Pervo – pervert*
Pervs – perverts	*Fukn – f***ing*

Ակնհայտ է, որ կանայք օգտագործում են զգացմունքայնորեն հարուստ համառոտագրություններ և հապավումներ ավելի շատ, քան տղամարդիկ: Իսկ նմանատիպ արգելված բառապաշարի կիրառումը կանանց կողմի ցմենք պայմանավորում ենք չաթի վիրտուալության շնորհիվ ձեռք բերված ազատությամբ: Այն հանգամանքը, որ չաթի մասնակիցները կարող են երբևէ իրար հետ չհանդիպել և իրական կյանքում իրար չտեսնել, նրանց թույլ է տալիս պահելաձևում և խոսվածքում ցուցաբերել ազատություն: Այս առավելությունը մարդիկ չունեն վիրտուալությունից դուրս:

Այսպիսով, որքան էլ խոսվի հասարակության մեջ կնոջ զուսպ և համեստ կերպարի մասին, կարելի ասել, որ վիրտուալ աշխարհում պատկերը այնքան էլ չի համընկնում իրական աշխարհի հետ:

Համաձայնվելով Ս. Տաբուրովայի (Табурова, 1999: 50) հետևնշենք, որ տղամարդու և կնոջ համար առանձին լեզու գոյություն չունի: Տղամարդը կարող է խոսել «կանացի լեզվով» այնքան ազատորեն, ինչքան կինը «տղամարդկային լեզվով»:

Հավելելով վերոնշյալը՝ անհրաժեշտ է նշել, որ լեզուն մեկն է, այն համընդհանուր է: Հասարակական և մշակութային ընկալումները ստիպում են մարդկանց ընտրել այն լեզուն, որն առավելագույնը կհամապատասխանի տվյալ անձի կերպարին և ապրելաոճին: Նույնիսկմիևնույն մարդը կարող է օգտագործել «տարբեր լեզուներ» կամ ավելի կոնկրետ՝ լեզվի տարբեր դրսևորումներ: Կախված միջավայրից փոխվում է ինչպես մարդու վարքագիծն, այնպես էլ լեզուն: Առցանց հաղորդակցումն այն միջավայրն է, որն օժտված է վիրտուալականությամբ: Այս առանձնահատկության շնորհիվ մարդը ձեռք է բերում անսահմանափակ ազատություն:

Չաթը հնարավորություն է տալիս մարդկանց լինել այնքան ազատ, որքան իրենք են ցանկանում: Խոսել այն ամենի մասին, ինչ իրենք են ուզում: Չկան շփումը սահմանափակող ոչ մի արելքներ, բոլոր սահմանները բաց են:

1. *Balakrishnan V. & Yeow P. H. P.* Texting satisfaction: does age and gender make a difference? International Journal of Computer Science and Security. Vol. (1): Issue (1) 85.
2. *Johnson G.M.* Internet Activities and Developmental Predictors: Gender Differences Among Digital Natives. Journal of Interactive Online Learning. Vol. 10, № 2, Summer 2011, Curtin University // www.ncolr.org/jiol
3. *Lakoff R.* Language and Woman's Place. Source: Cambridge University Press. Language in Society. Vol. 2, № 1 (Apr., 1973). PP. 45–80. StableURL: http://www.jstor.org/stable/4166707
4. *Tannen D.F.* Conversational Style. Hans W. Dechert& Manfred Raupach, eds., Psycholinguistic Models of Production. Norwood, NJ: Ablex, 1987. PP. 251–267.
5. *Tannen D.F.* "Introduction", Gender and Discourse. Oxford University Press, 1994. PP. 3–17.
6. *Гетте Е.Ю.* Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания. Дисс. на соиск. канд. фил. н. Воронеж, 2004.
7. *Горошко Е.И.* Гендерный анализ электронной коммуникации (постановка проблемы) Харьковский политехнический институт Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика, 2005, № 1.
8. *Константиновна Т.С.* Эмоциональный уровень мужской и женской языковой личности и средства его выражения (на материале пленарных дебатов Бундестага). Дисс. на соиск. канд. фил. н. М., 1999.
9. *Жеребкина И.А.* Введение в гендерные исследования. Ч. I: Уч. пособие / Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Але-тейя, 2001.
10. *Токарева Е.Н.* Специфика выражения оценки в тендерном дискурсе (на материале современного английского языка). Дисс. на соиск. канд. фил. н. Уфа, 2005.

ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНЦЕРТМЕЙСТЕРСКОМ ИСКУССТВЕ

С.М. Казарян

В статье исследованы технологии и методы профессиональной концермейстерской деятельности, дана их классификация. Проведен анализ и сделаны выводы, которые определяют единство исполнительства педагогики и психологии, как взаимосвязанных компонентов концертмейстерства, которые лежат в основе разработки теоретической концепции концертмейстерской деятельности и концертмейстерского искусства, что позволяет приобрести данной профессии необходимую полноту устойчивых профессиональных признаков и открывает новые перспективы для дальнейшего изучения современных технологий и методологических, практических и художественных аспектов формирования музыканта-концертмейстера, исполнителя.

Деятельность концертмейстера – это работа исполнителя, владеющего искусством, наукой и управлением. Одним из чрезвычайно важных компонентов, во многом определяющим творческий процесс создания концертмейстером художественной интерпретации, является целый комплекс психологических механизмов, лежащих в основе общения концертмейстера и солиста.

Целью статьи является исследование и классификация существующих технологий и методов исполнительства, а также компетентности концертмейстерского искусства на основе практического опыта автора данной работы.

Следует разделять общие, основополагающие качества технологий концертмейстерской деятельности от методов индивидуально-творческого исполнительства. Краткий обзор такой классификации приведен в данной работе.

Понятие «концертмейстер» включает в себя разучивание с солистами их партий, умение контролировать качество их исполнения, знание их исполнительской специфики и причин возникновения трудностей в исполнении, умение подсказать правильный путь к исправлению тех или иных недостатков. Поскольку концертмейстерская деятельность по праву относится и к музыкальной педагогике, то, по определению, концертмейстер, в отличие от аккомпаниатора, должен уметь осуществлять при необходимости педагогические функции, помогать солисту, осваивать его партию, объяснять ансамблевые задачи. Признание полноценности педагогического компонента деятельности концертмейстера и раскрытие его сущности в научных источниках к настоящему времени так и не получило развернутого освещения. Юридически данное положение подтверждается сохраняющимся различием в статусах педагога и концертмейстера. Таким образом, при высокой практической востребованности в концертмейстерах, имеет место неопределенность типологического статуса профессии, поскольку, совмещая педагогические и исполнительские функции, концертмейстер, образно говоря, «сидит между двумя стульями» [1, 2].

Концертмейстер – это пианист, помогающий вокалистам, инструменталистам, артистам балета разучивать партии и аккомпанирующий им на репетициях и на концертах. Деятельность аккомпаниатора-пианиста подразумевает обычно лишь концертную работу.

В деятельности концертмейстера объединяются творческие, педагогические, психологические функции, и их трудно отделить друг от друга в учебных, концертных и конкурсных ситуациях. Термины «концертмейстер» и «аккомпаниатор» не тождественны, хотя на практике и в литературе часто применяются как синонимы. Аккомпаниатор (от французского "akkompagner" – сопровождать) – музыкант, играющий партию сопровождения солисту (солистам) на эстраде. Так как мелодию сопровождают ритм и гармония, сопровождение подразумевает ритмическую и гармоническую опору. Поскольку огромная нагрузка ложится на плечи концертмейстера, то он должен уметь справляться с ней, чтобы достичь художественного единения всех компонентов исполняемого произведения.

Основополагающие принципы технологий концертмейстерской деятельности. Прежде всего концертмейстер должен хорошо владеть роялем – как в техническом, так и в музыкальном аспекте, он не может обладать хорошим исполнительством, пока не усвоит законы ансамблевых соотношений, не разовьет в себе чуткость к партнеру, не ощутит неразрывность и взаимодействие между партией солиста и партией аккомпанемента. Концертмейстерская область музицирования предполагает владение как всем арсеналом пианистического мастерства, так и множеством дополнительных умений, например: навыком сорганизовать партитуру, «выстроить вертикаль», выявить индивидуальную красоту солирующего голоса, обеспечить живую пульсацию музыкальной ткани, дать дирижерскую сетку и т.п.

Концертмейстерство – это комплекс деятельностей, в который входят следующие составные:

- интерпретационная (аналитическая);
- исполнительская (эвристическая);
- управляющая (реализующая);
- репетиционная (педагогическая);
- организационная (планирующая).

Технологии профессиональной концермейстерской деятельности состоят из нескольких направлений, основывающихся на 4-х принципах:

- вариативности интерпретации музыки;
- концентричности музыкального познания;
- контекстности проявления знаний;
- музыкально-дидактических приемах.

Общими, основополагающими качествами, которыми должен обладать концертмейстер, являются:

- слуховые представления;
- метроритмическое чувство;
- музыкальная грамотность;

- зрительное, слуховое и тактильно-двигательное восприятие нотного текста;
- музыкальная фантазия, основанная на элементарных навыках ограниченной импровизации и ограниченного сочинения;
- гармоническиий анализ, подбор по слуху;
- анализ музыкальных форм;
- чувство партнерства в ансамблевой игре;
- навыки транспонирования и чтения с листа.

Таким образом, ядро любой музыкальной технологии исполнительства концермейстера определяется следующими компонентами его музыкальной деятельности и включает четыре разновидности:

- музыкально-слуховую;
- музыкально-аналитическую;
- музыкально-исполнительскую;
- музыкально-педагогическую.

Опыт и практика концертмейстерской деятельности, а также анализ исследований известных в литературе практиков-концертмейстеров, дал возможность автору сделать выводы и представить ниже, в данной статье, технологии исполнительства, которые составляют базис концептуальных знаний искусства концертмейстера и практики, так необходимые концертмейстеру-исполнителю. Этот базис основан на: изучении проблемы в различных связях, осведомленности в смежных областях знаний и творческом подходе при переработке имеющегося материала.

Технологии индивидуально-творческого исполнительства концертмейстера. Технология исполнительства должна характеризовать концертмейстера как индивидуальность и вскрывать его личностные качества, а также когнитивность, музыкально-деятельностные и социально-коммуникативные качества.

Каждое из этих качеств в технологии исполнения концертмейстера определяет:

- Личностные качества – это уровень развития ценностно-мотивационной, эмоционально-волевой, перцептивно-рефлексивной сферы концертмейстера.
- Когнитивные – это система гуманитарных, музыкально-теоретических, психолого-педагогических, специальных музыкальных знаний.
- Музыкально-деятельностные – это комплекс слуховых, аналитических, исполнительских, педагогических умений и навыков.
- Социально-коммуникативные – это показатели умений и навыков информационного обмена, межличностного взаимодействия, индивидуального и группового общения.
- Компетентностные – это подход к организации музыкального исполнения, необходимые и достаточные умения и навыки (технологически-деятельностное).
- Коммуникативно-познавательную последовательности («восприятие–изучение–воспроизведение» музыки, которая обеспечивает

поступательность музыкально-информационного обмена и целостность музыкального познания) – эта модель технологического цикла реализуется в совокупности с методикой, соответствующей последовательности технологических шагов и использующей аудиовизуальный синтез при восприятии музыки; комплексный анализ на когнитивной основе; интерактивные методы изучения музыки; творческое, педагогическое моделирование при воспроизведении музыки.

Технология концертмейстерской деятельности состоит из *комплекса методов*: семантического анализа фортепианной партии; мысленной оркестровки фортепианной фактуры при изучении оперных клавиров, аккомпанементов; мотивационной рефлексии собственного исполнительского опыта; моделирования художественного образа фортепианной партии; саморегуляции творческого сценического самочувствия; когнитивного выстраивания исполнительского уровня; эмоционального исполнительства. Данные методы целесообразно применять в комплексе, так как они взаимосвязаны.

Метод мысленной оркестровки фортепианной фактуры аккомпанементов. Так как все формы музыкального сопровождения (от простых до сложных) содержательны, то к концертмейстеру предъявляются особые требования при художественно-исполнительском решении. Приступая к работе над художественным материалом, концертмейстер должен ориентироваться на то, что, в отличие от сольного исполнения, успех интерпретации будет зависеть от совместных усилий всех участников: преподавателя, готовящего солиста, самого солиста и концертмейстера. Этот метод направлен на формирование фортепианно-звуковой культуры, достижение звучания, имитирующего оркестр и наибольшее соответствие эвуковой природе солиста, а также на развитие важного для профессиональной деятельности музыканта – тембрального слуха. Он также способствует обогащению знаний о различных тембрах оркестра, позволяет более глубоко знакомиться с оперной и симфонической музыкой. Метод способствует развитию преимущественно когнитивного и действенно-практического компонентов исполнительской активности. Поскольку концертмейстеру необходимо развивать умение внимательно слушать солиста, понимать его художественные намерения и гибко дополнять общее звучание, создавая нужный звуковой образ, колорит, настроение, то он должен понимать, что, только охватывая музыкальное целое (симбиоз содержания и формы), можно найти необходимые пропорции в звучании самых мелких деталей.

Внутрислуховые представления и звуковая фантазия концертмейстера в партнерстве с солистом превращают исполнительское творчество в реализацию и воплощение образного мышления.

Метод моделирования как внешней формы, так и внутреннего художественного образа фортепианной партии. Современное построение теоретико-технологической базы профессии не может быть решено эмпирическим путем. «Опыт последних лет показывает, что эмпирический уровень не способен полностью удовлетворить требования практики по рациональному управлению творческой деятельностью. Необходим переход к уровню, возвышающемуся над

эмпирическим, раскрывающему внутрипредметные взаимодействия», – эта точка зрения была высказана одним из крупнейших исследователей психологии творчества Я.А. Пономаревым и имеет непосредственное отношение к технологиям концертмейстерского исполнительства. Исходя из позиций психологии, можно отождествить содержание музыкального произведения с воспринимаемым нотным текстом-информацией. Следовательно, современные исследования концертмейстерского исполнения должны выполняться с точки зрения моделирования образа как внешней формы, так и внутреннего художественного образа, которые создаются в партнерстве с солистом. Отсюда следует, что образ, как идеальное формирование, представляет собой результат непосредственной деятельности мозга. Таким образом, когда-то высказанные довольно наивные суждения о возможности существования образа вне мозговых структур, т.е. «на бумаге» являются необоснованными, поскольку партитура, как объект творческого познания, по сути дела, неисчерпаема [3]. Она дает возможность бесчисленного количества исполнительских трактовок, не нарушающих целостности авторского текста. При этом интерпретатор – концертмейстер, солист и его педагог по вокалу не пассивно следуют за тем, что находится в поле зрения их восприятия, а рисуют в произведении те черты, которые творчески им наиболее близки и необходимы.

Метод семантического анализа фортепианной партии. Работая над артикуляцией и фразировкой, концертмейстер должен глубоко проникать в структуру музыкальной речи. Здесь необходимо ясно различать два основных уровня – фонетический (характер штрихов) и синтаксический (строение мотивов, фраз, предложений, периодов). В зависимости от характера звучания (штриха) и логики (структуры) музыкальной речи решаются и технологические задачи исполнения – выбор соответствующих приемов звукоизвлечения, аппликатуры, нахождение звукового баланса партий правой и левой руки. Динамика и агогика теснейшим образом связаны с артикуляцией и фразировкой и наполняют музыкальную речь мельчайшими гибкими изменениями временного и интонационного плана. Общая линия развития динамики в произведении непосредственно зависит от логической последовательности основных элементов музыкальной речи. Все это требует тщательного анализа всех средств выразительности в процессе работы над музыкальным сопровождением [4]. В зависимости от содержания изучаемого музыкального произведения, особенностей его формы и структуры, а также от смысловой значимости партии сопровождения необходимо построить работу над всеми средствами выразительности, какие использовал композитор в каждом конкретном сочинении. Главнейшие из них – артикуляция, фразировка, динамика, агогика.

Агогика в музыкальном исполнительстве – одно из средств художественной выразительности, заключающееся в небольших отклонениях от основного темпа произведения (замедление, ускорение), не фиксируемых в нотах. Агогические обозначения связаны с фразировкой и артикуляцией, а также с музыкальной динамикой. Такие агогические обозначения, как ad libitum (по желанию), a piacere (свободно), capriccioso (капризно, причудливо) и др., помогают полнее и ярче раскрыть характер и содержание музыкального произведения. Эти темпо-

вые отклонения обычно применяются в небольших музыкальных построениях. Особенно часто агогические отклонения встречаются в произведениях композиторов-романтиков и используются в концертмейстерском исполнительстве. Термин «агогика» введен в музыкознание Х. Риманом в 1884г.

Когнитивный метод творческого воссоздания образа. Любое художественно-оправданное изменение (ускорение или замедление) в партии солиста должно находить понимание и поддержку у концертмейстера в соответствующем художественному образу звучании. Из соподчиненной логики фонетического и синтаксического уровней в процессе работы может последовательно выстроиться основной – композиционный уровень, то есть форма и вся архитектоника музыкального произведения, что и является конечной целью любой интерпретации, воссоздающей в реальном звучании художественный замысел композитора. Важным разделом над художественной работой концертмейстера является изучение акустических особенностей солирующих голосов (сопрано, меццо-сопрано, тенор, баритон, бас) или инструментов. Концертмейстеру необходимо знать их рабочие диапазоны, особенности звучания в разных регистрах, динамическую шкалу. Эти знания помогут найти соответствующую палитру звуковых красок для создания необходимого художественного образа и будут способствовать большей выразительности исполнения [4, 5]. Концертмейстер должен постоянно работать над отделкой своей партии, поскольку формальное, лишь метрически четкое исполнение сопровождения несовместимо с тонкой выразительностью мелодического рисунка партии солиста. Как уже было отмечено, концертмейстеру необходимы глубокие познания в дисциплинах музыкально-теоретического цикла (гармонии, анализа форм, полифонии). Разносторонность и гибкость мышления, способность изучать предмет в различных связях, широкая осведомленность в смежных областях знаний – все это поможет концертмейстеру творчески переработать имеющийся материал.

Мотивационный метод рефлексии собственного исполнительского опыта. Концертмейстеру важно точно определить, какую смысловую нагрузку в том или ином случае будет нести аккомпанемент. Рефлексия собственного исполнительского опыта как часть профессиональной рефлексии концертмейстера позволяет анализировать конкретные сценические ситуации, связанные либо с удачными моментами сценических выступлений, либо с возникшими трудностями в процессе исполнения. В этом плане условно различают три степени смысловой нагрузки аккомпанемента: фон, диалог, конфликт. Если сопровождение – фон, то оно всегда полностью подчинено солирующему голосу (инструменту). Отсюда и более приглушенный уровень звучания. Когда сопровождение – диалог, то партия аккомпанемента может уравновешиваться в звучании с солистом. Сопровождение-конфликт может создать резкий контраст к основному образу, то есть динамическая шкала звучания аккомпанемента может значительно изменяться в ту или иную сторону [4, 6].

Эмоциональный метод исполнительства. Концертмейстер должен обладать рядом положительных психологических качеств. Так, внимание концертмейстера – это внимание совершенно особого рода. Оно многоплоскостное: его надо распределять не только между двумя собственными руками, но и относить к

солисту – главному действующему лицу. В каждый момент важно, что и как делают пальцы, как используется педаль, слуховое внимание занято звуковым балансом (которое представляет основу основ ансамблевого музицирования), звуковедением у солиста; ансамблевое внимание следит за воплощением единства художественного замысла. Такое напряжение внимания требует огромной затраты физических и душевных сил. Мобильность, и быстрота и активность реакции также очень важны для профессиональной деятельности концертмейстера. Он обязан в случае, если солист на концерте или экзамене перепутал музыкальный текст, не переставая играть, вовремя подхватить солиста и благополучно довести произведение до конца.

Метод саморегуляции творческого сценического самочувствия. Опытный концертмейстер всегда может снять неконтролируемое волнение и нервное напряжение солиста перед эстрадным выступлением. Лучшее средство для этого – сама музыка: особо выразительная игра аккомпанемента, повышенный тонус исполнения. Творческое вдохновение передается партнеру и помогает ему обрести уверенность – психологическую, а за ней и мышечную свободу. Воля и самообладание – качества, также необходимые концертмейстеру. При возникновении каких-либо музыкальных неполадок, происшедших на эстраде, он должен твердо помнить, что ни останавливаться, ни поправлять свои ошибки недопустимо, как и выражать свою досаду на ошибку мимикой или жестом. Творческая активность концертмейстера может ярко проявляться в тех разделах произведения, где музыкальное сопровождение звучит самостоятельно – во вступлении, проигрыше или заключении. В них он должен дополнить логическое развитие музыкального образа. Так, например, во вступлении важно создать соответствующее художественно-эмоциональное настроение и подготовить вступление солиста, а затем гибко следовать за ним. В заключительном разделе необходимо добиться художественной завершенности музыкального развития, которое было достигнуто в процессе исполнения.

Таким образом, ясное понимание своих функций в раскрытии содержания исполняемого музыкального произведения и эффективность использования представленного автором комплекса методов технологий в процессе концертмейстерской деятельности, единые художественные и исполнительские намерения солиста и концертмейстера создают необходимые предпосылки для хорошего профессионального партнерства. В руках концертмейстера сосредоточена большая часть музыкального пространства: гармония, метрическая структура, богатство тембрового колорита, – словом, все, что сольная партия (при любом уровне мастерства исполнения) сама дать не в состоянии.

Следует отметить, что знания, навыки и умения, приобретенные в концертмейстерской практике, крайне необходимы для самостоятельной творческой и концертной деятельности [6], так как концертмейстерская работа является одной из самых демократических форм музицирования и имеет широкую сферу применения.

1. *Бабанский Ю.К.* Оптимизация процесса обучения. Общедидактический аспект. М.: Педагогика, 1977.
2. *Шумилин А.Т.* Проблемы теории творчества. М.: Высшая школа, 1989.
3. *Костюк А.Г.* О теории музыкального восприятия. Музыкальное восприятие как предмет комплексного исследования / Под ред. А.Г. Костюк. Киев: Радянська школа, 1986.
4. *Мильштейн Я.И.* Вопросы теории и истории исполнительства. М.: Советский композитор, 1983.
5. *Петрушин В.И.* Музыкальная психология. М.: Владос, 1997.
6. *Четвертюк П.А.* О некоторых проблемах в музыкальном искусстве. Проблемы музыкальной педагогики на рубеже веков. Материалы научно-методической конференции. М.: МГУКИ, 2001.

Объектом экспериментального исследования явились концертмейстерская деятельность автора данной работы в ГИТИС(е), в классе Народного артиста РФ, солиста Большого театра, профессора В.А. Маторина, а также Народной артистки СССР – солистки Большого театра, профессора Т.И. Синявской.

ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԿԻՐԱՌՈՒՄԸ ԿԱՏԱՐՈՂԱԿԱՆ ՏԵԽՆՈԼՈԳԻԱՆԵՐԻ ԿՈՆՑԵՐՏՄԵՅՍՏՐԱԿԱՆ ԱՐՎԵՍՏԻ ՄԵՋ

Ամփոփում

Հոդվածում ուսումնասիրվում է նվագակցողների (երաժշտական ուղեկցման մասնագետների) մեթոդները, տեխնոլոգիաները, մասնագիտական խնդիրները, բերված է հեղինակի արված դասակարգումը: Ուսումնասիրվում է երաժշտական ուղեկցման գործունեությունը, վերլուծությունը և եզրակացությունը, որոնք որոշում են նվագակցողների կատարման, հոգեբանության և մանկավարժության միասնությունը և փոխկապակցված տարրերը, որոնց հիմքում են զարգացման տեսությունն ու հայեցակարգը երաժշտական ուղեկցման, կատարողի արվեստի, զննելու մասնագիտության անհրաժեշտ նշանները ու ամբողջականությունը, որոնք կբացեն երաժիշտ-նվագակցողի առաջ նոր հեռանկարներ՝ նրա հետագա մեթոդական և գործնական գեղարվեստական կողմերի ձևավորման համար:

RESEARCH AND APPLICATION OF PERFORMING TECHNOLOGIES IN CONCERTMASTER ART

Summary

In article is investigated the technologies and methods professional concertmaster activity, shows the classification, the analysis and conclusions, which determine are made unity performers, pedagogical and psychologies as the interconnected components accompany, which underlie development theoretical concepts concertmaster activity and concertmaster arts that will allow to get the given trade necessary completeness of steady occupation characteristics also will open new prospects for the further studying methodological, practical and art aspects of formation the musician – leader.

РОЛЬ НОВЫХ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АРМЕНИИ

Л.Р. Хачикян

В данной статье рассмотрены роль и значение новых медиа в политической жизни Армении, их роль в построении более сложных коммуникационных процессов с аудиторией. Новые медиа повлекли за собой изменения, связанные с процессом производства политически и социально значимой информации, обеспечили переход от односторонней к многосторонней модели взаимодействия. Нарушая односторонний поток информации, которую обеспечивали традиционные СМИ, они представили альтернативу традиционным медиа-источникам и сумели стать полем для политических дискуссий.

Переход в «информационное» общество сделал владение информацией важнейшим источником власти, а «информационная власть», в свою очередь, стала все больше вторгаться во все сферы общественных отношений. Как средство пропаганды и манипуляции в политке, СМИ использовались всегда. Выступая важным каналом в политической коммуникации, они непосредственно воздействуют на формирование политических взглядов и убеждений граждан.

Сегодня, вследствие снижения аудитории вечерних новостей, падения тиражей газет и недоверия к традиционным медиа-источникам, роста числа пользователей Интернета – заговорили о кризисе традиционных СМИ и приходе им на смену «новых» медиа. Дать официально-научное определение «новым медиа» достаточно сложно, однако можно отметить, что они характеризуют возникновение цифровой или сетевой информации и коммуникационных технологий [1]. Новые медиа становятся новыми участниками информационного рынка, они являются не только новым каналом распространения информации для СМИ, но и средством построения более сложных коммуникационных процессов с аудиторией, установления с ней непрерывного диалога путем моментальной обратной связи и развития дискуссии по поводу опубликованной информации. Новые медиа осуществили важный сдвиг в системе «кто владеет, контролирует и распространяет информацию». Так, например, социальные сети, которые представляют собой один из видов компьютерной коммуникации, относящийся к новым медиа, нередко называют «третьей революцией в медиа» [2].

Сегодня большое распространение получает исследование возможностей сети Интернет, в особенности, блогов и технологий web 2.0, в «оживлении» публичной сферы. Так, например, один из ведущих мировых социологов М. Кастельс в развитии виртуальных социальных сетей и публичной сферы видит потенциал развития транснациональных социальных движений и установления режима «мирового управления» [3].

Огромные возможности активного воздействия новых медиа на политическое сознание и поведение граждан показывает важнейшую роль «четвертой

власти» в современном обществе. Эти возможности нашли свое проявление и раскрыли свой потенциал в полной мере на Ближнем Востоке, где было показано, что новые медиа могут изменить не только жизнь отдельных людей, но и одной страны и даже целого региона. Нагляднее роль и значение новых медиа в политической коммуникации проявляются в странах, где традиционные СМИ лишены плюрализма или находятся в зависимости от властных структур. Новые медиа вошли и в армянскую действительность и уже играют в различных ее сферах важную роль, в том числе и в политической среде.

По словам президента Ереванского пресс-клуба Бориса Навасардяна, несмотря на то, что в определенный период в Армении наблюдалось достаточно большое количество телевизионных СМИ, их однообразие по содержанию и отсутствие плюрализма мнений на отечественном ТВ привели к утрате традиционными СМИ своего влияния в стране. В этой связи Навасардян высказал мнение о том, что у электронных СМИ большое будущее в Армении и в этом поле наблюдается большой прогресс с точки зрения формирования общественного мнения [4].

В очередном докладе о состоянии свободы прессы в мире на 2011–2012гг., опубликованной международной правозащитной организацией «Репортеры без границ», Армения, чуть улучшив свои позиции по сравнению с предыдущим годом, занимает 77 место. В данных условиях говорить о нормальном «демократическом» функционировании системы политической коммуникации пока рано. Как сказано в документе, контроль над новостями и информацией продолжает искушать правительства, и многие СМИ дорого заплатили за их освещение демократических устремлений и оппозиционных движений во всем мире. В исследовании отмечена ведущая роль пользователей Интернета и активных блогеров в производстве и распространении новостей. В таких условиях самое время выхода на сцену «новых медиа» [5].

«Во внутриполитических процессах Интернет впервые проявил себя в 2008 году в контексте избирательных и поствыборных процессов, – отмечает политолог Микаэл Золян. – Тем не менее, тогда роль Интернета в целом была ограниченной. Мобилизация и организация ресурсов политических лагерей происходили в основном за пределами Интернета, основные информационные потоки обеспечивались традиционными масс-медиа – телевидением, радио и прессой (за исключением периода чрезвычайного положения), а интернет-дискуссии лишь наблюдали за обсуждениями в «невиртуальном» мире». Причину этого политолог видит, в частности, в низком уровне развития интернет-технологий на тот период времени [6]. Интернет стал реальным политическим и общественным фактором только к 2010 году, когда в Армении произошел резкий скачок в развитии интернет-технологий, что отразилось как на улучшении связи, так и на количестве пользователей. Известно, что число интернет-пользователей в Армении за последние два года увеличилось в 6 раз и составляет сегодня более трети населения республики (1100 тыс. человек) [7–8].

Немецкий философ Ю. Хабермас напрямую связывает качество информации и работы СМИ от степени их финансовой и идеологической зависимости от частных лиц или властных структур [9]. В Армении, где электронные СМИ

находятся в зависимости от властвующей элиты, а печатная пресса имеет сравнительно ограниченный тираж и финансовые возможности, «новые медиа» имеют естественное превосходство, будучи более мобильными, независимыми и более доступными. Ситуация иногда развивается так, что традиционные СМИ осведомляются о событиях из «новых медиа», и основными их источниками становятся социальные сети и блоги. Конечно, здесь к месту отметить, что привлечение аудитории и оперативность новых медиа зачастую ставятся выше, чем профессионализм подачи информации, в результате чего Интернет становится очень быстро распространителем дезинформации. СМИ же в погоне за сенсацией отступают от элементарных правил журналисткой этики: достаточно вспомнить скандальные публикации Wikileaks-а. Примером из армянской действительности могут служить новостные сайты www.1in.am, www.news.am, www.mamul.am, которые для привлечения читателей на их сайт, распространяют через свои страницы в соцсетях новости-сплетни, сообщения о личной жизни знаменитостей и т.д.

Однако социальные медиа дали возможность интерактивного общения, нарушая односторонний поток информации, которую обеспечивали традиционные СМИ. Именно поэтому они стали не только распространителями информации, но и полем для политических дискуссий. В то время как на телевидении превалируют программы развлекательного характера и мыльные оперы, в социальных сетях и блогах находят отголоски самые острые политические и социальные проблемы страны. Тележурналист Ваагн Закарян в своей книге об армянском телевидении отмечает, что «развитие мультимедийной журналистики в Армении идет активными темпами и уже стало прогнозируемым, что в ближайшем будущем она может потеснить телевидение, за короткий срок, лишив его звания монополиста как основного вида СМИ» [10].

Армянская общественность давно уже нуждается в определенной публичной площадке, на которой можно обсуждать актуальные вопросы и изъявлять по ним самые разные мнения. В 2010 году впервые армянские чиновники, политические силы и общество стали свидетелями потенциала Интернета. Достаточно вспомнить инициативу по недопущению сноса летнего зала кинотеатра Москва, которая осуществлялась через группу в Facebook-е; движение против иноязычных школ; ситуацию вокруг центрального (крытого) рынка в Ереване; инциденты, происходящие в армии, оперативно освещались в блогах и соцсетях, затем переходили в СМИ и политическое пространство и т.д.

Отдельно следует отметить непрекращающиеся дискуссии по вопросам внутренней и внешней политики. Достаточно вспомнить ту волну негодования, которая проявилась в армянской новомедийной среде в связи с экстрадицией Сафарова: группы в Facebook, собравшие в кратчайшие сроки тысячи участников, видео и фотоматериалы, направленные на то, чтобы донести миру сообщение о несправедливом решении венгерского правительства вернуть убийцу-азербайджанца на свою родину [11].

Не всегда, конечно, все инициативы, предпринятые в социальных медиа, достигали успеха. Но во всех этих случаях мы стали очевидцами принципиально новых возможностей, которые предоставляет Интернет социально активным

гражданам. Переход же в Интернет отдельных деятелей, собственно общественно-политических организаций, политических партий, в свою очередь, создали благоприятную среду для развития социальных медиа. Новые медиа повлекли за собой изменения, связанные с процессом производства политически и социально значимой информации, отношениями между представителями политического класса, интеллектуалами общества, медиа и электоратом. Мы становимся свидетелями перехода от односторонней к двух- или многосторонней модели взаимодействия.

Новые медиа чаще всего рассматриваются политической элитой в качестве площадки для дискуссий и местом прямого общения с избирателями. Умелое использование web 2.0-технологий предоставляет колоссальные возможности рекламы и продвижения кандидата. Наглядным примером может служить президент США, имидж которого «сделал» Интернет. Последняя предвыборная компания Барака Обамы в Интернете вышла за рамки простого создания информативных «сайтов» с информацией о кандидате, его политической программе и включила в себя страницы в наиболее популярных социальных сетях, через которые собирались взносы, привлекались новые сторонники, выкладывались последние новости, аудио-видео материалы, обеспечивалась круглосуточная связь с аудиторией. YouTube по праву может считаться главным медиаканалом президентской кампании в США.

Активное использование технологий web 2.0 мы наблюдали и во время президентских выборов в России. Социальная сеть Facebook оказалась в центре этих событий. Именно в ней появлялись видео с многочисленными нарушениями, которые немедленно обрастали гроздями возмущенных комментариев. В противоположность молчащим государственным каналам, пользователи Facebook-а свидетельствовали о том, что происходило вначале на избирательных участках, а затем и на московских улицах. Именно на страницах социальной сети возникла кампания в поддержку митинга «За честные выборы», которая в считанные дни собрала десятки тысяч потенциальных участников. Именно здесь «перепостывались» фото-листовки с сообщениями о проведении митинга, распространялись призывы к организации митингов по всей России. Facebook сумел сплотить вокруг общественное движение с доминирующей частью образованной городской молодежи, недовольной положением страны.

Следует отметить, что практически все политические и общественные деятели Армении обзавелись аккаунтами в Facebook-е, здесь также можно встретить страницы и группы представляемых ими партий. Армянские политические силы также представлены на самом крупном видеопортале YouTube. Микроблог Twitter, однако, следует признать, не пользуется такой популярностью в Армении, как на Западе. Среди самых популярных страниц на Facebook-е отметим страницу лидера партии «Процветающая Армения» Гагика Царукяна [12]. Еще до президентских выборов февраля 2013г. она лидировала с огромным отрывом в несколько тысяч от страниц других политических деятелей страны. На сегодняшний день страница все еще лидирует, но в разницу всего тысячи подписчиков от лидера армянской оппозиционной партии «Наследие» Раффи Ованнисяна, страница которого в ходе пред- и поствыборных событий значительно возросла по

популярности [13]. Велика популярность в сети и мэра столицы Тарона Маргаряна, у которого собралось порядка 13 тыс. подписчиков [14]. В ходе майских выборов в Совет старейшин Еревана его команда активно использовала Facebook для продвижения своего кандидата. Так, у страницы с его предвыборным слоганом «Еще лучший Ереван» за считанные дни появилось более 60 тыс. «лайков» [15]. Далее среди самых высоких по популярности следует отметить страницу премьер-министра РА Тиграна Саркисяна, которая собрала более 13 тыс. Подписчиков [16]. Активны в Facebook-е и министр образования и науки РА Армен Ашотян, а также экс-глава МИД РА Вардан Осканян [17–18]. В частности, следует отметить нашедший большой отклик в соцсети скандал с обвинением Осканяна в отмывании денег. Очень часто заявления в свое оправдание Осканян делал именно на своей официальной странице в Facebook-е, которые потом цитировались СМИ Армении. Страницы же политических партий еще менее популярны среди населения, набирая в среднем порядка трех тысяч подписчиков, значительно уступая при этом брендовым страницам.

При всей активности политических деятелей в Facebook-е следует отметить их сравнительную пассивность на другом популярном сайте –Twitter-е. Связано это, в первую очередь, с количеством пользователей микроблога, который пользуется меньшей популярностью среди обычных пользователей страны и более распространен среди журналистов и общественных деятелей. Армянский блогер Самвел Мартиросян в качестве одной из причин невысокой популярности микроблога в Армении называет неосведомленность и незнание пользователями выгодного использования инструментов Twitter-а [19]. Так, лидером микроблога по числу подписчиков является блоггер Артур Папян, он же @ditord, у которого почти 2000 последователей. Значительно уступают ему СМИ и политические деятели, у которых не насчитывается и 1000 подписчиков. Что же касается крупнейшего видеопортала YouTube, то, представляя свое видение событий и точки зрения своих лидеров, на сайте имеют профили практически все крупные партии страны. Лидером же по просмотру каналов является канал «Процветающей Армении» (1298922 просмотров видео), что в тысячи раз больше, чем у следующего за ним по количеству просмотров канала «Армянского Национального Конгресса». При всем этом необходимо ответить достаточно высокую популярность медийных каналов в YouTube. Миллионные просмотры у каналов «ТВ-Шант», «А1+», радио «Свобода» и др. [20].

В прошедших в мае выборах в Национальное Собрание и в феврале – президентских, политические партии Армении и кандидаты на пост президента, помимо традиционных СМИ, использовали для своего продвижения и возможности новых медиа, причем делали это посредством двух основных платформ: социальной сети Facebook и YouTube. Директор Центра журналистских исследований «Регион» в Ереване Лаура Багдасарян отмечает, что ничто не дает таких инструментов для понимания аудитории, как социальные медиа [21]. Новинкой для страны стали прямые трансляции проходящих событий в стране. Десятки тысяч зрителей следили за всем происходящим через прямые эфиры «А1+», радиостанции «Свобода» и CivilNet-а. Достаточно интересной оказалась идея хроникального мультимедийного освещения выборов Армении радиостанцией

«Свобода» через «живой блог». Радиостаниция также периодически организовывала и выкладывала в сеть материалы из видеоряда «Фейсбучные конференции» [22].

Несмотря на активность политических деятелей и партий Армении в интернет-среде, здесь мы не наблюдаем того эффекта, которые произвели новые медиа, например, на Ближнем Востоке или Западе. Возможности социальных сетей нельзя воспринимать как универсальный инструмент для приведения обществ в движение. Да, они оказываются эффективным средством для вовлечения масс в политику, создают условия для все большего охвата пользователей и скорейшего информирования, посредством них растет гражданская активность, уровень гражданских возможностей и, соответственно, коммуникативных свобод, однако думать, что развитие социальных сетей обязательно приведет к революционным событиям, подобным событиям «арабской весны», ошибочно.

Конечно, деятельность активных граждан с помощью Интернета привела к появлению в Армении принципиально новой ситуации в публичной сфере. Прежде всего, следует отметить скорость получения информации – в нашем случае, политической. Именно посредством Facebook-а интернет-пользователи Армении оповещались о митингах, здесь оглашались и находили распространение новости о правонарушениях на предвыборных штабах, после чего, как отметила команда Раффи Ованнисяна, положение в штабах значительно улучшилось. Большое значение имеет и тот факт, что теперь обычный гражданин является не просто получателем политической информации, но сам имеет возможность самостоятельно выразить собственное мнение по тому или иному вопросу, причем в кратчайшие сроки, написав сообщение в блог, ответив на комментарий в той или иной социальной сети, проголосовав или выложив собственное видео на YouTube.

Однако на пути формирования новой ситуации существует большое количество серьезных препятствий. Прежде всего, проблема распространения Интернета в регионах Армении: более или менее качественная связь ограничивается в основном столицей. Можно предположить, что в скором времени и эти проблемы будут решены. Но есть и другое обстоятельство: Интернет является всего лишь технологией, которая предоставляет нам колоссальные возможности, но эффективность использования этих возможностей и их цель зависит только от нас самих. Журналист канала «А1+» Мгер Аршакян отмечает, что чрезмерно интерактивное освещение оппозиционных митингов сделало совсем не обязательным для граждан ходить на эти митинги. Сайты превратились в своеобразные виртуальные площадки, а посетители сайтов – в пассивных революционеров [23]. Представляется, что основной задачей оппозиции на последующих выборах станет суметь перенести онлайн оппозиционеров в офлайн пространство – на митингующие площади.

Новые технологии, безусловно, меняют мир медиа и сферу политической коммуникации страны. Эти изменения будут более наглядны в ближайшем будущем, однако важным остается постулат: не навредить и не злоупотребить их безграничными возможностями.

1. http://ru.wikipedia.org/wiki/Новые_медиа
2. РИА Новости. Новая эра журналистики уже наступила, считают эксперты медиарынка. 10.05.2011 // http://ria.ru/ria70_news/20110510/372697226.html
3. *Castells M.* A Network Theory of Power, University of Southern California, International Journal of Communication 5 (2011). PP. 733–787.
4. АРКА. Электронные СМИ занимают доминирующие позиции на медиа-пространстве Армении – эксперт. 16.10.2012 // http://telecom.arka.am/ru/news/internet/elektronnye_smi_zanimayut_dominiruyushchie_pozitsii_na_media_prostranstve_armenii_ekspert/
5. Reporters Without Borders. PRESS FREEDOM INDEX 2011/2012 // http://en.rsf.org/press-freedom-index-2011-2012,1043.html
6. *Золян М.* Армения: интернет и публичная сфера в 2010 году. Armenia Today, 04.01.2011.
7. Число интернет-пользователей в Армении за последние два года увеличилось в 6 раз. Медиамакс, 01.06.12 // http://m.mediamax.am/ru/news/91/1210/
8. Список стран по числу пользователей интернета на июнь 2012 года // http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_числу_пользователей_Интернета
9. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. First MIT Press Paperback Edition, 1991.
10. *Закарян В.П.* Армянское телевидение. Этапы развития армянского телевидения и тележурналистики. Ер.: Изд-во РАУ, 2012. С. 125.
    Ереван против освобождения Сафарова. Кавказский узел 03.09.2012 // http://www.youtube.com/watch?v=vOQCyHeHJrE
11. https://www.facebook.com/GagikTsarukyan
12. https://www.facebook.com/Raffi.K.Hovannisian
13. https://www.facebook.com/TaronMargaryan
14. https://www.facebook.com/AveliLavYerevan
15. https://www.facebook.com/pages/Tigran-Sargsyan/43211285887
16. https://www.facebook.com/armen.ashotyan
17. https://www.facebook.com/VartanOskanian
18. Ինչպես են կուսակցությունները օգտագործում սոցիալական մեդիան ընտրությունների նախաշեմին – media.am, 18.04.12 // http://media.am/elections-social-media
19. http://www.socialbakers.com/
20. *Grigoryan M.* Armenia: Flying the Flag of Facebook for Power to the People – and the Politicians // http://www.eurasianet.org/node/65260
21. http://www.azatutyun.am/contentlive/liveblog/24904916.html
22. Arshakyan Mher: The Internet Generation's Passive Revolution // http://media.am/media-and-political-rallies

ՆՈՐ ՄԵԴԻԱՅԻ ԴԵՐԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԿՅԱՆՔՈՒՄ

Ամփոփում

Այս հոդվածում ներկայացված են նոր մեդիայի դերն ու նշանակությունը Հայաստանի քաղաքական կյանքում, անդրադարձ է կատարվում դրա կարևոր գործառույթներից մեկին՝ լսարանի հետ ավելի բարդ հաղորդակցության ստեղծմանը: Նոր մեդիան իր հետ բերեց քաղաքական և սոցիալական նշանակության ինֆորմացիայի ստեղծման գործընթացի հետ կապված զգալի փոփոխություններ, ապահովեց միակողմ մոդելից դեպի բազմակողմ մոդելի անցումն ու դրանց փոխգործակցումը: Այն խախտեց միակողմանի տեղեկատվության հոսքը, ինչը նախկինում բնորոշ էր ավանդական ԶԼՄ-ներին, նոր մեդիան այլընտրանք է ներկայացրել ավանդական մեդիաաղբյուրներին և քաղաքական բանավեճի համար ինքնատիպ դաշտ է դարձել:

THE ROLE OF NEW MEDIA IN THE POLITICAL LIFE OF ARMENIA

Summary

This article discusses the role and importance of new media in the political life of Armenia, their role in the construction of more complex communication processes with the audience. New media led to the changes associated with the production of politically and socially important information to make the transition from a unilateral to a multilateral interaction model. Breaking the one-way flow of information, which provides the mainstream media, they presented an alternative to traditional media sources, and managed to become a field for political debate.

ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СОФЕНЫ (ЦОПК) И КОММАГЕНЫ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Е.Г. Маргарян

Историко-географическая справка

Коммагена эллинистического периода – это небольшая гористая страна на правом берегу Евфрата, находящаяся в непосредственном соседстве с Великой Арменией. На севере естественной границей Коммагены был горный хребет Тавра, на западе – Амаонские горы и Киликия, на востоке – Евфрат, а на юге Сирия. Политическим и культурным центром страны был город Самосата, окруженный мощной неприступной крепостью, остатки которой сохранялись до недавнего времени. При строительстве водохранилища Ататюрк Бараджи стены Самосаты и само городище были затоплены.

Недра Коммагены были богаты полезными ископаемыми. В горах Тавра добывалась железная руда, бурый уголь (лигнит), гипс, в Евфрате мыли золото, добывали нефть. Богатым был мир флоры и фауны Коммагены. Склоны гор были покрыты густыми лесами, которые частично сохранялись до начала прошлого века. Немецкий путешественник геолог Карл Сестер, в 1881г. обнаруживший Немрудские памятники, так описывает этот край: «Дубы и платаны покрывают горные склоны. Растущие там и здесь в долинах фиговые, масличные деревья, орешины, гранат и виноградная лоза илавровые кусты нигде, кроме этих мест не дают столь обильный урожай» [1]. Это описание воистину напоминает «парадис». Однако сегодня, спустя всего столетие, эта страна мало похожа на райские кущи. Деревья давно вырублены, а овцы и козы уничтожили остатки растительности.

С древнейших времен Коммагена была в экономическом отношении одной из наиболее развитых стран региона. Это было обусловлено, прежде всего, выгодным географическим положением страны. Проходящие через ее территорию торгово-транспортные артерии, особенно расположенные практически на всех мостах и переправах Евфрата таможенные пункты, обеспечивали правителям Коммагены высокие доходы. Не менее важную роль играл контроль над горными проходами Тавра, позволявший правителям Коммагены регулировать товарообмен между Малой Азией и Месопотамией. На главном перекрестке торговых путей Коммагенские Ервандаканы основали свою столицу – богатый и цветущий город Самосату, который, наряду с экономическим, имел также важное стратегическое значение. Традиционно занимая нейтральную позицию между различными враждующими сверхдержавами региона, Коммагена выступала в роли торгового посредника между ними. Как и соседняя Киликия, находясь на стыке разно-

родных культур, в Коммагене перекрещивались хурритские (митаннийские и урартские), иранские, сирийские, греческие и армянские этнокультурные традиции. Это, в свою очередь, обусловило ярко выраженный синкретический характер местной культуры, наиболее ярко проявившийся в эллинистическую эпоху.

Первые государственные образования здесь появились еще в первой половине II тыс. до Р.Х. В XVIв. на территории этой страны образовалось развитое и довольно жизнестойкое государство – Митанни, со смешанным хурро-арийским населением. Окруженное тремя сверхдержавами того времени – Египтом, Хеттским царством и Ассирией, Митаннийское царство вело непрерывную борьбу за выживание. Во второй половине XIVв. до Р.Х. оно попало под власть могущественной хеттской державы, а в XIIIв. окончательно рухнуло под ударами Ассирии. В период урартийского доминирования в регионе страна Куммух-Коммагена некоторое время входила в состав Ванского царства. Позднее, в эпоху Ахеменидов, эта страна была включена в одну из двух армянских сатрапий, которую Геродот называет XIII, и оставалась в ее составе вплоть до походов Александра Великого. После падения державы Ахеменидов Коммагена еще более полувека входила в состав Великой Армении. Даже после отделения Коммагены и Софены от Великой Армении, в этих странах, лишь с небольшими перерывами, продолжала править одна из побочных ветвей династии армянских Ервандаканов [2], которую мы для удобства назвали западными Ервандаканами. Наивысшего развития страна достигла в Iв. до Р.Х. в годы правления Митридата I и его выдающегося сына Антиоха I Каллиника, в наши дни известного благодаря своим монументальными сооружениями, возведенными во славу правящей династии Ервандаканов и их бога-покровителя Митры-Аполлона-Гелиоса-Гермеса и других синкретических богов той эпохи.

Изучение страны Коммагена, ее истории и культуры началось с 1883г., когда немецкий путешественник и археолог-любитель Карл Хуманн и историк Отто Пухштайн представили научной общественности результаты исследований Немрудского святилища Антиоха I Коммагенского [3]. Обнаруженный на месте раскопок богатый материал поразил воображение современников и дал возможность исследователям по-новому взглянуть на историко-культурное прошлое региона. Изыскания были продолжены в XXв. В 1938г. немецкая экспедиция под руководством Карла-Фридриха Дернера и Рудольфа Нойманна продолжила раскопки, которые были прерваны в разгар Второй мировой войны. В середине 1950-х раскопки возобновились после того, как к Дернеру присоединилась американка Тереза Гелл. Научной общественности был представлен богатый археологический материал из Арсамеи на Нимфее [4], среди которого особое место занимает знаменитая лапидарная надпись на греческом языке [5].

Հյուսիսային Ասորիքը իբրև հնագույն գերտերությունների առճակատման թատերաբեմ (Ք.ա. XVI դ. – Ք.ա. VI դ.)

Страна Коммагена в период Ахеменидского владычества и в эпоху эллинизма. Приблизительно в 605г. рядом с Каркемышем, на месте будущей столицы Коммагены Самосаты, в решающей битве вавилонский царевич Навухо-

доносор нанес сокрушительное поражение объединенной ассиро-египетской армии, поставив тем самым точку в истории Ассирийской державы. Начиная с этого времени, страна Коммагена, долгое время находившаяся в подчинении у Ассирии, оказывается под властью Нововавилонского царства, а спустя еще полстолетия Кир Великий включает Коммагену в состав своей империи. На протяжении всего персидского владычества Коммагена и Армения были частями одной из самых больших Ахеменидских сатрапий [6]. По мнению исследователей, в 518г. до Р.Х., в результате административных реформ Дария I, Коммагена оказалась в составе так называемой XIII или Западноармянской сатрапии. Однако во время отступления 10 000 греков, XIII и XVIII сатрапии, очевидно, уже составляли одну крупную административную единицу [7], что должно свидетельствовать о мощи и влиянии Ервандаканов на политическую жизнь региона.

После распада Ахеменидской державы и последовавшего за этим смутного периода, сформировавшиеся за предыдущие столетия традиционные экономические, этнокультурные и другие связи между различными частями бывшей империи ослабли и привели к обособлению отдельных областей, даже внутри некогда единых сатрапий. Не составила исключения и Армения. Здесь также проявились центробежные устремления, которые подстегивались различными силами извне, в первую очередь – Селевкидами. В результате от Великой Армении одно за другим начали отделяться приграничные области. Как известно, первой отделилась Малая Армения, которая до этого была частью довольно большой Западноармянской сатрапии. Это произошло в 323г. до Р.Х., после Собрания диадохов в Вавилоне, где Пердике было поручено завоевать Каппадокию, Пафлагонию и Понт. Он успешно справился с поручением, в результате чего названные страны были присоединены к Македонской державе. Правителем завоеванных Пердикой территорий был назначен Евмен, который отправил своего полководца Неоптолема в Малую Армению, чтобы утвердить там македонское правление. Однако вскоре стало очевидным, что осуществить эту задачу не так легко, как казалось вначале. По свидетельству античных авторов (**Diod.** XXXI, 19), грубая и бескомпромиссная политика Неоптолема вызвала недовольство среди армян и подвигло их к восстанию. Власть македонян оказалась под угрозой, и лишь вмешательство такого гибкого политика как Евмен, которому пришлось пойти на уступки и согласиться на некоторые требования армян, удержало их от вооруженного выступления. Так, Малая Армения стала первой из отделившихся армянских областей. Ситуация не изменилась и после 321г., когда были убиты Пердика, а позднее и Евмен. На смену им пришли Селевкиды.

Что касается других приевфратских областей бывшей Армянской сатрапии Софены и Коммагены, то они, и, пожалуй, Акилисена, откололись позднее, приблизительно в 70–60-х гг. IIIв. до Р.Х. (также не без вмешательства Селевкидов). Отделившись, они на юго-западе Армянского нагорья образовали объединенное Софено-Коммагенское царство, вначале с центром в Самосате, а затем и в Аршамашате. Правящей в этом государстве стала западная ветвь династии Ервандаканов.

После падения державы Ахеменидов возрожденная царская династия Ервандаканов с первых же дней была вынуждена вести упорную борьбу против

посягательств Селевкидов. Ервандаканы стали самыми активными участниками антиселевкидского тандема государств, который сформировался еще в начале IIIв. до Р.Х. Уже в 70–60-х гг. IIIв. Армения и целый ряд малоазийских стран оказались вовлечены в единое политико-правовое поле, призванное обеспечить легитимность новообразованных государственных образований. Это выражалось во взаимном признании правителей этих царств и заключении династических браков. Не менее важным было создание царских генеалогий и собственных календарей, берущих за точку отсчета события местного значения. Так, в причерноморских странах широкое распространение получил вифинский календарь. Однако занять определенное место в этом тандеме новообразованных эллинистических государств для большинства местных династов было лишь первым шагом на пути к самоутверждению, следующим этапом должно было стать безусловное признание их власти Селевкидами. Для этого большинство из них непременно стремилось установить матримониальные связи с домом Селевкидов. Женитьба местного династа на принцессе из дома Селевкидов в эллинистическом мире воспринималась как официальное признание легитимности его власти. Однако подобное было возможно лишь при нескольких обязательных условиях: грекофильстве, признании местными государями базовых эллинистических ценностей и применении их в повседневной жизни. Кроме того, селевкидские принцессы, поселяясь во дворцах своих мужей, привносили сюда обычаи и образ жизни своих предков. Это становилось дополнительным стимулом для распространения и укоренения эллинистических ценностей среди местных элит.

Следующим шагом на пути становления местных династий было конструирование генеалогий, философских и исторических опусов, призванных обосновать древность и легитимность данной династии, ее безусловного права на власть в данной стране. Как видно из лапидарных надписей Антиоха I Коммагенского, сразу после Ароанда-Ерванда (по-видимому, он правил в первых десятилетиях IIIв. до Р.Х.) в Великой Армении правил некий <…*анес*> (первые две буквы его имени повреждены и не прочитываются). После смерти этого царя или в последние годы его жизни от Великой Армении, очевидно, и отделилось Софено-Коммагенское царство. Немрудская надпись Антиоха указывает на то, что основателем этого царства стал берущий начало из рода западных Ервандаканов Самос (Шам или Шамс в семитских языках означает Солнце) (прибл. 260–243гг. до Р.Х.). Мы мало что знаем об этом периоде Софено-Коммагенского царства. Известно, что приблизительно в середине IIIв. Самос построил город Самосату, будущую столицу Коммагены. В источниках этот город впервые упоминается в 245г. до Р.Х. в труде Эратосфена [8]. Самосата (τα Σαμόσατα) или Шимшат, народная этимология также интерпретировала как «город Солнца». Некоторое время город назывался также «Коммагенская Антиохия» (Αντιόχεια η Κομμαγηνή), возможно, потому, что Самосата была одним из самых красивых городов региона и отличалась высокой эллинистической культурой. Место для города было выбрано так, чтобы было возможно контролировать пересекающие Евфрат торговые и военные дороги. Город также стал перевалочным пунктом на путях, ведущих из Дамаска, Пальмиры и Суры, в Малую Армению и Понт Эвксинский. Царь Самос на востоке Софены, а, возможно, в Акилисене, на

правом берегу Евфрата построил город, в ранних византийских источниках известный как Самокарта.

Из источников явствует, что Шаму-Самосу наследовал его племянник Арсамес (Аршам) (прибл. 243–226гг. до Р.Х.). В античных источниках сохранилось лишь одно упоминание этого царя: автор IIIв. Полиен, описывая подвиги выдающихся полководцев, рассказывает, как Антиох Гиеракс, брат Селевка II Каллиника, попытался узурпировать престол. Однако, потерпев поражение от своего брата во время боевых действий в Месопотамии (прибл. 230г. до Р.Х.), он с остатками войска отступил и был вынужден искать убежища в соседней стране, у своего друга, армянского царя Арсабеса (’Αρσάβησ) (**Polaeni,** Strategematiconlibriocto. IV, 47). Многие исследователи, в лице армянского царя видят правителя Софено-Коммагенского царства Арсамеса, который, подобно правителям небольших государств региона, безусловно, был заинтересован в ослаблении Селевкидской державы и делал для этого все возможное. Подобно своему предшественнику, Аршам-Арсамес развернул энергичную строительную деятельность в Софене и в Коммагене. Известно, что на границе Софены и Акилисены он построил для себя новую резиденцию Арсамосату (Аршамашат). Кроме того, в Коммагене им были построены два значительных города, названные его именем: Арсамея на Евфрате и Арсамея на Нимфее – из чего можно заключить, что Арсамес еще правил над объединенным Софено-Коммагенским царством.

Однако очевидно, уже известный нам следующий Ервандакан – сын Аршам-Арсамеса Ксеркс [9], чья резиденция находилась в Аршамашате, уже был царем лишь Софены. Сегодня трудно определить, когда именно разделилось Софено-Коммагенское царство. Дело в том, что на Немрудской надписи Антиоха I сразу после упоминания Арсамеса имеется большая лакуна. В 212г. Полибий, наряду с Ксерксем, упоминает некого Самоса, пожалуй, брата софенского царя Ксеркса. Сохранились монеты этого царя, которые сильно отличаются от тех, которые чеканил правитель Софено-Коммагенского царства Аршам-Арсамес. Это обстоятельство дало повод многим исследователям считать, что Коммагена откололась от Софенского царства именно в это время [10]. Очевидно, что в Коммагене утвердилась западная ветвь Ервандаканов.

Годы правления Ксеркса не были безоблачными, они совпали с небывалым расцветом и ростом могущества Сирийского царства, и, как следствие этого, чрезвычайно активной внешней политикой Антиоха III Селевкида. Согласно Полибию, первый подвергся агрессии Антиох, тогда еще юный софенский царь Ксеркс. Избегая столкновения с самой большой и боеспособной армией в регионе, Ксеркс в осажденной столице оставил сильный гарнизон, а сам, очевидно, с отрядом гетайров, отступил в горы, куда стал стягивать новые силы, сосредотачивая их в крепостях и горных перевалах. Осознавая, что осада и штурм этих неприступных крепостей и перевалов потребует много сил и времени и могут уже в самом начале негативно отразиться на ходе всей кампании, Антиох решил пойти на компромисс. Он предложил Ксерксу спуститься с гор, признать суверенитет Антиоха и заключить с ним союз. Хотя доверять Антиоху не было оснований, молодой софенский царь, очевидно, не видя другого выхода, а также поддавшись давлению своего ближайшего окружения, был вынужден принять

предложение и, рискуя, явился к сирийскому царю. Опасения Ксеркса были не напрасны, Полибий свидетельствует о том, что люди из ближайшего окружения Антиоха подбивали его воспользоваться удобным поводом и «не выпускать из рук юношу», который прежде, как и его отец, отказывался признавать вассальную зависимость от Селевкидов, и пока он у них в руках, захватить Арсамосату и возвести на престол некоего Митридата, сына сестры Антиоха III (**Polyb.** VIII, 23 (25), 23). По мнению Г.Х. Саркисяна, отцом Митридата был некий армянский вельможа, возможно из рода Ервандаканов [11]. Однако Антиох не только не последовал этим советам, но и радушно приняв Ксеркса, заключил с ним договор, признав его власть над Софеной «и даже сложил с него большую часть дани, которую должен был уплатить Антиоху отец Ксеркса» и получив от него лишь «300 талантов и 1000 лошадей и столько же мулов с упряжью», выдал замуж за него свою сестру Антиохиду. Таким образом, «истинно царским великодушием, какое он обнаружил в настоящем случае, Антиох снискал себе расположение местных жителей страны» (**Polyb.** Idem).

Подобная уступчивость и «великодушие» Антиоха I в отношении софенского царя на первый взгляд могут показаться странными, ведь породниться с домом Селевкидов и стать их союзником в данном случае означало укрепить и без того довольно сильные позиции царя Софены. Но Антиох имел далеко идущие планы на Востоке, и временные уступки царю Софены были вовсе не случайностью, а «на данном этапе вполне продуманной политикой» [12], направленной на обеспечение тыла Селевкидского царства, в период отсутствия в регионе основных сил во время похода в глубь Азии.

Восточный поход Антиоха увенчался успехом. В 201г., вернувшись в Сирию, он решает закончить ряд около десятка лет назад незавершенных дел, в первую очередь – подчинить своей власти владения дома Ервандаканов – Великую Армению, Малую Армению, Софену и Коммагену (Малая Армения и так находилась под контролем македонян). Именно тогда, выполняя задание своего брата, софенская царица Антиохида отравляет своего мужа Ксеркса. После чего Селевкиды без труда захватывают Софену. Вместо заговорщически убитого царя Ксеркса Антиох назначает стратегом Софена Зареха-Зариадреса, а стратегом Коммагены некоего Птолемея (Πτολεμαίος) (201–163). Это тоже говорит в пользу того, что к тому времени Коммагена отделилась от Софены. Птолемей, в статусе эпистата правил страной в годы правления Антиоха IV Великого, Селевка Филопатора и Антиоха V Евпатора.

В 163г. до Р.Х. был убит Антиох V, после его смерти государство Селевкидов стало склоняться к упадку, чем поспешили воспользоваться многие правители, в том числе Птолемей, который объявил себя независимым царем. Описывая события 162г., Диодор Сицилийский уже упоминает Птолемея в качестве автократора Коммагены (**Diod.** XXXI, 19a), а Самосату его столицей.

Многие исследователи убеждены, что в годы правления Птолемея династия Ервандаканов в Коммагене оборвалась, подобно тому, как это было в армянских эллинистических царствах, сам же Птолемей был обычным македонским военачальником, вероятнее всего, командиром Самосатского гарнизона. На это указывает и то обстоятельство, что он не имел статуса стратега, и в источниках упоми-

нается лишь как эпистат. В Коммагене он был абсолютно чуждым элементом, скорее всего, не имевшим социальной опоры среди местных. И действительно, вряд ли Антиох III Селевкид стал бы менять одного Ервандакана на другого, ведь местное население воспринимало ставленников Селевкидов не как легитимных правителей, а узурпаторов, чья власть зиждется лишь на мощи македонского оружия. Такие «назначенцы» обычно только и могут рассчитывать на политическую и военную поддержку империи. В то же время, всегда велика вероятность того, что даже изначально компрадорски настроенные местные династы, под воздействием тех или иных обстоятельств, могут поменять политическую ориентацию и, опираясь на внутренний ресурс (особенно на родовую знать и народное собрание), отложиться от Селевкидов, объявив себя суверенными царями.

Поэтому правителем Коммагены Селевкиды предпочли назначить обыкновенного кондотьера, да еще в статусе эпистата. Селевкиды наверняка понимали, что среди полиэтничного и более отсталых стран эллинизированного торгово-промышленного населения городов Коммагены назначение управленцем грека или македонянина не вызовет негативной реакции. Это не относилось к практически моноэтничным – Великой Армении, Софене и даже Малой Армении, где стратегами предположительно были назначены представители местной родовой знати, состоявшие в родственных связях со свергнутой династией. Очевидно поэтому, что после поражения Селевкидов у Магнесии, практически все местные династы провозгласили независимость своих стран, за исключением эпистата Коммагены. Будучи фактически независимым правителем с 189г., Птолемей осмелился объявить себя суверенным царем лишь в 162г. За этой лояльностью по отношению к Селевкидам стояли не столько политическая осторожность или македонский патриотизм, сколько опасение не удержаться у власти без поддержки из Антиохии.

Однако ряд исследователей, опираясь на лапидарные надписи Антиоха I Коммагенского, все-таки склонны считать Птолемея также представителем дома Ервандаканов [13]. Учитывая распространенную в этом регионе практику увязывания местных династов с империями при помощи матримониальных связей, исключать такую возможность нельзя. Арташес, Зариадр и Птолемей вполне могли состоять в родственных связях с местным домом Ервандаканов (например, доподлинно известно, что Птолемей был родственником Митридата I Парфянского). Но поскольку на это нет прямых указаний, подобное предположение может быть принято лишь в качестве одной из версий.

Умер Птолемей в 130г. до Р.Х. Сразу после его смерти на коммагенском престоле мы вновь видим царя с династическим именем западных Ервандаканов – Самос Дикайос Феосебос (прибл. 130–109гг. до Р.Х), который, по всей видимости, был восстановителем прерванных традиций этой древней династии в Коммагене [2].

Однако, пожалуй, одним из наиболее ярких представителем этой династии на коммагенском престоле следует считать Митридата I Каллиника (109–70гг. до Р.Х.), который, как известно, пользовался большой популярностью у себя в стране. Подобно многим странам региона, Коммагена эллинистического периода была страной с полиэтничным и разношерстным населением. Местные народы и

племена говорили на разных языках и наречиях, имели свои обычаи и отличались разными уровнями развития. В условиях еще не сформировавшейся национальной идентичности, когда общинные родовые взаимоотношения продолжали доминировать, важно было найти какую-нибудь объединяющую идею, способную сплотить дискретный коммагенский социум. С этой целью Митридат I провел ряд мероприятий. Он организовал пользующиеся большой популярностью ежегодные Олимпийские игры, посвященные главным богам и демонам (духам) царских предков, очевидно, взяв за образец Элладу классического периода, где разные племена и постоянно враждующие города-государства объединяли пантеон Олимпийских богов и посвященные им панэллинские Олимпийские игры, проводимые у подножия священной для всех эллинов горы. В молодые годы Митридат сам принимал участие в таких играх и всегда выходил победителем (возможно, не только потому, что остальные атлеты подыгрывали и поддавались царю). Отсюда его прозвище Каллиник – «Красиво побеждающий», «Одерживающий славные победы». Эти победы принесли Митридату большую популярность и всенародную любовь.

Особо важное значение приобрело формирование новой религиозной системы. Она была основана на почитании предков и модернизированном, с учетом местных особенностей, зороастризме, однако стержневым компонентом новой религиозной системы стал культ Митры. Так, в Коммагене зародилась новая надплеменная, надэтническая религиозно-этическая система, основанная на базовых идеях зороастризма и древнейших арийских духовных традициях. Еще в юности Митридат женился на Лаодике (η Λαοδίκη) VII Тее (род. в 122г. до Р.Х.), дочери Селевкидского царя Антиоха VIII и принцессы дома Птолемеев Клеопатры Трифани (Κλεοπάτρα Τρύφαινα). От этого брака в 86г. до Р.Х родился Антиох I (правил в 70–38гг.), пожалуй, бывший единственным сыном и наследником престола. Свое имя Антиох получил в честь деда по материнской линии. Таким образом, Антиох I был первым царем в Северной Сирии, имевшим по материнской линии греко-македонские корни и бывшим прямым наследником Селевка I Никатора и Египетского царя Птолемея I Сотера. Брак Митридата и Лаодики был взаимовыгодным. С каждым днем слабеющее Селевкидское царство подвергалось сильнейшему натиску со стороны молодых хищников – Рима и Парфии. В этих условиях Селевкиды остро нуждались в союзниках. Бывшие в прошлом объектами селевкидской агрессии небольшие эллинистические царства ныне оказались в одинаковом и даже более выигрышном положении, нежели Сирийское царство. Выравнивание сил и общие интересы толкали бывших врагов на сближение, которое, по традиции, закреплялось матримониальными узами. Очевидно, именно так Митридат Каллиник стал зятем Селевкидского царя и переплел ветви своего генеалогического древа с древом Селевкидов. Сын же Митридата был женат на Селевкидской принцессе Пифодории [14] (Исида Филострога «Единолюбивая») (150г. до Р.Х.), которую он в своей лапидарной надписи с нежностью называет «любимой». Она родила Антиоху трех детей: Митридата II, который после смерти отца унаследовал престол Коммагенского царства, Антиоха II, убитого в 29г. до Р.Х по приказу Октавиана-Августа и дочь Лаодику, выданную замуж за парфянского царя Орода II.

Известно, что, будучи завоеванными Тиграном II Софена (93г. до Р.Х.) и Коммагена (87г. до Р.Х.), в качестве вассальных царств, без видимого сопротивления были присоединены к Великой Армении. На некоторое время было восстановлено сформировавшееся еще в эпоху Ахеменидов политическое и культурное единство стран, почти два века находившихся под властью Ервандаканов, в составе единой довольно большой административной единицы. Однако спустя немного времени, это единство вновь было нарушено, на этот раз в результате вмешательства в дела региона империалистической Римской республики. С большим трудом разгромив Митридата Понтийского, Рим свой следующий удар направил на Великую Армению. Тигран II был вынужден оставить завоеванные страны, и среди них – Коммагену. Появление Рима нарушило гомеостазис, саморегулирующееся системное политическое, экономическое и культурное динамичное равновесие в регионе.

Продолжение следует

---

1. http://www.nemrud.nl/en/hs_tekst1.asp
2. *Тирацян Г.А.* Страна Коммагена и Армения // Известия Академии наук Арм. ССР. Общественные науки, 1954, № 3.
3. *Humann K. und Pushstein O.* Reisen in Kleinasien und Nordsyrien. Textband. Berlin: Reimer, 1890; Puchstein O. Arsameia (am Eufrat) / Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft (далее: *RE*) 3, 1895.
4. *Dörner F.K.* Zur Rekonstruktion der Ahnengallerie des Königs Antiochos I von Kommagene // Istanbuler Mitteilungen 17, 1967. PP. 195–210; Idem. ed., Kommagene. Geschichte und Kultureiner AntikeLandschaft // Antike Welt6, 1975; Idem. Kommagene, Götterthrone und Königsgräber am Euphrat. NeueEntdeckungen der Archäologie, Bergisch Gladbach, Germany, 1981; Idem and *Goell T.* Arsameia am Nymphaios // Istanbuler Forschungen (далее: IF) 23, Berlin, 1963; *Dörner F.K. and Naumann R.* Forschungen in Kommagene. IF 10, Berlin, 1939; *Hoepfner W.* Arsameia am Nymphaios. II, I, IF 33, Tübingen, 1983.
5. *Waldmann H.* Die Kommagenischen Kultreformenunter König Mithridates I Kallinikos und seinem Sohne Antiochos I // Etudes préliminaires aux religions orientalesdansl'empireromain 34, Leiden, 1973.
6. Косвенное подтверждение этому мы находим в Немрудской надписи Антиоха I Коммагенского (о чем будет сказано ниже). В ряду царственных предков Антиоха I здесь упомянут зять Артаксеркса-МнемонаАроанд-Ерванд, на основании чего Г. Тирацян делает вывод о том, что Ароанд-Оронтес правил одновременно над Арменией и Коммагеной (*Тирацян Г.А.* Указ.соч.; *Саркисян Г.Х.* Указ. соч. С. 34 и далее, նույնի, նշվ. աշխ., էջ 29 և հաջ., էջ 71).
7. *Անդ,* էջ 72:
8. См.: *Memnon*, History of Heracleia, 14; *Athenaeus*, Deipnosophistae, II, 58; *Pompeius Trogus*, Prologi, 27; Stephanus, Ethnica, s.v. "Ziela". Эратосфен рассказывает, как после смерти Никомеда I, его вторая жена Этазета, пренебрегши правами своего малолетнего сына Зиаела, узурпировала власть в Вифинии. Достигнув совершеннолетия, Зиаел в 260г. покинул страну и нашел убежище в Самосате при дворе «сатрапа» Самоса. Спустя некоторое время он вернулся на родину и с по-

мощью галатов восстановил свои права на престол (Об этом см.: *Cohen* G.M. The Hellenistic Settlementsin Europe, The Islands, and Asia Minor. Berkeley, 1996).

9. Правил до 212г. до Р.Х., первый раз упоминается у Полибия (Polyb. VIII, 25).
10. *Hummann K. und Pushstein O.* Idem. S. 240; *Тирацян Г.А.* Указ. соч. С. 74; *Սարգսյան Գ., Անտիոքոս Գ.,* Սելևկյանը և Հայկական պետությունները // Вестник Ереванского университета, 1969, № 1. СС. 48–49:
11. *Սարգսյան Գ.*, նշվ. աշխ., էջ 48: Հայժ. պ., I, էջ 524:
12. *Անդ*, էջ 47:
13. *Chahin M.* The Kingdom of Armenia: A History. Routlege, 2001. PP. 190–191.
14. *Donald H.* Sanders (Hrsg.), Nemrud Dagi: The *Hierothesion* of Antiochus I of Commagene (Vol. 1, Illustrations): Results of the American Excavations Directed by Theresa B. Goell. Theresa Goell (Editor), H.G. Bachmann (Editor), Donald Hugo Sanders (Editor). Eisenbrauns, Winona Lake, Ind., 1996. P. 374.

Культура

ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

И.Э. Мартыненко

В статье рассматриваются проблемы определения состава историко-культурного наследия Республики Армения. Автор на основе исследования научных и нормативных источников излагает особенности законодательства об охране историко-культурного наследия, приводит классификацию памятников.

Ключевые слова: Республика Армения, историко-культурное наследие, памятники культуры, культурные ценности, СНГ, правовая охрана, историческая среда.

Согласно ст. 11 Конституции Республики Армения, памятники истории и культуры, другие культурные ценности находятся под опекой и охраной государства. Республика Армения в рамках принципов и норм международного права способствует укреплению связей с армянской диаспорой, сохранению находящихся в других государствах армянских исторических и культурных ценностей.

Эта конституционная норма положена в основу формирования и развития законодательства Республики Армения в области охраны историко-культурного наследия, ведь конституционализация является неотъемлемой частью развития гражданского общества и государства [1].

В целях сохранения историко-культурного наследия для будущих поколений в Республике Армения сформирована развернутая система законодательства, включающая Законы: «Об основах культурного законодательства» (2002г.), «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды» (1998г.), «О недвижимых памятниках истории и культуры, являющихся государственной собственностью и не подлежащих отчуждению» (2003г.), «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (2004г.), «Об архивном деле» (2004г.), «О нематериальном культурном наследии» (2009г.), «О библиотеках и библиотечном деле» (2012г.).

Статьи, касающиеся охраны культурного наследия, содержатся также в Законах «О градостроительстве» и «О местном самоуправлении» [2].

В целях обеспечения охраны памятников Правительством Республики Армения приняты постановления «О государственном учете, исследовании, сохранении, восстановлении, использовании и укреплении недвижимых памятников

истории и культуры» от 20 апреля 2002 года № 438-Н и «О перенесении недвижимых памятников» от 29 декабря 2005 года № 2338-Н, а также утверждено «Положение по управлению Государственным кадастром недвижимых памятников истории и культуры» от 5 февраля 2009 года № 104-Н.

В законодательстве Республики Армения используются следующие понятия: «культурные ценности», «культурное достояние», «культурное наследие» и «памятники истории и культуры». Рассмотрим их.

Определение культурного наследия содержится в ст. 6 Закона «Об основах культурного законодательства».

Культурное наследие – это совокупность созданных в прошлом культурных ценностей, имеющих важное значение с археологической, архитектурной, исторической, эстетической или социально-культурной точек зрения для сохранения и развития культурной самобытности Республики Армения и армянского народа, его вклада в мировую цивилизацию.

Культурные ценности – это произведения культуры и искусства, художественные – народные творчество и ремесла, фольклор, этические и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, историко-культурные топонимы, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, предметы (объекты) культурного наследия.

Совокупность культурных ценностей (в том числе объектов культурного наследия), имеющих для армянского народа национальное значение, составляет ***культурное достояние Республики Армения.***

Иное определение данных понятий содержится в Законе «О вывозе и ввозе культурных ценностей»: для целей перемещения их через таможенную границу Республики Армения ***культурными ценностями*** признаются предметы и произведения, считающиеся продуктом жизнедеятельности человеческого общества, которые независимо от времени создания имеют важное археологическое, этнографическое, историческое, религиозное, художественное и научное значение.

Культурное наследие – это культурные ценности и предметы культурного назначения, считающиеся продуктом жизнедеятельности человеческого общества (ст. 6 Закона).

Что касается понятия ***«памятники истории и культуры»***, то ими признаются только *недвижимые* сооружения, имеющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, их ансамбли и комплексы с занятой ими или исторически связанной с ними территорией, составляющие их элементы и фрагменты археологического, художественного, эпиграфического, этнографического характера, историко-культурные и естественно-исторические заповедники, памятные места, независимо от степени их сохранности. Памятники приняты на государственный учет посредством включения в охранные списки и, в соответствии со ст. 1 Закона «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды», находятся под охраной государства.

В законодательстве Республики Армения, как и других стран СНГ, понятия «культурные ценности», «культурное наследие», «предметы культурного назначения» и «культурное достояние» взаимозаменяемы. Единого универсального

определения любого из этих понятий не существует. Как правило, термин «ценность» имеет юридический смысл (связанный с «владением»), в то время как понятие «наследие» подчеркивает необходимость его охраны и передачи из поколения в поколение.

Термин «культурное наследие» сравнительно новый. Его появление связано с принятием на XVII сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО Конвенции ЮНЕСКО «Об охране всемирного культурного и природного наследия» 16 ноября 1972г., где впервые приводится состав культурного наследия: «Культурное наследие включает предметы материальной культуры, памятники, группы зданий и территории, обладающие различной ценностью, включая символическую, историческую, художественную, эстетическую, этнографическую или археологическую, имеющие научное и общественное значение». До 1972г. в международно-правовых документах фигурировали в большей степени понятия «памятник» и «культурная ценность».

Республика Армения имеет богатое историко-культурное наследие. Среди памятников в первую очередь следует выделить древнейшие образцы изобразительного искусства: большое количество наскальных рисунков и образцов пещерной живописи, монументальных скульптурных изваяний – вишапов, менгиров, надгробий; археологических памятников – палеолитических стоянок, мастерских и пещер, поселений, городищ, храмов и святилищ, некрополей и курганов; средневековых архитектурных шедевров, светских и религиозных монументальных сооружений – монастырей, церквей, часовен и т.д., а также образцов малых архитектурных форм – стел и хачкаров, орнамент которых поражает изяществом и изысканной манерой исполнения.

На территории Республики Армения расположены мощнейшие циклопические крепости эпохи бронзы и раннего железа, построенные из огромных базальтовых глыб, укрепленные башнями. Число этих образцов древней фортификации – более пятисот. Десятками исчисляются городища и крепости древневосточного государства Урарту, памятники ахеменидской и эллинистической эпох [3].

На государственном учете состоит 24 200 памятников истории и культуры [4].

Классификация памятников. Памятники по *ценностным критериям* (культурной значимости) подразделяются на следующие категории:

- памятники всемирного значения;
- памятники республиканского значения;
- памятники местного значения.

К категориям памятников всемирного значения относятся памятники, включенные в Список всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Таких объектов в Республике Армения три [5]:

- монастыри *Ахпат* и *Санаин*;
- собор и церкви Эчмиадзина (в том числе Эчмиадзинский кафедральный собор, церковь Святой Рипсиме и церковь Святой Гаяне) и археологический памятник Звартноц;
- монастырь Гегард и верховья реки Азат.

В предварительные списки всемирного культурного и природного наследия включены:

- городище Двин;
- Ереруйкская базилика и ее археологическая местность;
- Татевский монастырь, Татеви Анапат и ущелье р. Воротан;
- монастырь Нораванк и ущелье р. Амагу [6].

К категориям памятников республиканского значения относятся высокоценные, древние, типические или редкие образцы значимых памятников истории народа, его материальной и духовной культуры. К категории памятников местного значения – памятники, характеризующие историю и культуру, местные особенности какого-либо региона страны. Классификация памятников по этому критерию производится на основании заключения экспертной комиссии органом государственного управления в области охраны памятников, уполномоченным на то Правительством Республики Армения.

Памятники подразделяются на следующие виды.

Археологические памятники – это стоянки каменного века, пещерные жилища, древние и средневековые поселения, крепости, могильники, захоронения, мегалитические обелиски, наскальные изображения, эпиграфические памятники, археологические культурные слои.

Исторические памятники – сооружения, обелиски, мемориальные комплексы, гробницы, связанные со знаменательными историческими и культурными событиями и видными деятелями.

Градостроительные и архитектурные памятники – это участки застройки исторических населенных пунктов, кварталов, улиц, парков; жилые, дворцовые, культовые, общественные, производственные и инженерные сооружения; дома народного зодчества, архитектурные сооружения [7].

Памятники монументального искусства – образцы монументальной скульптуры, изобразительного и декоративного искусства.

Все памятники, находящиеся на территории Республики Армения, подлежат государственному учету, независимо от формы собственности.

Государственный учет памятников включает выявление историко-культурных ценностей, локальное архитектурное и археологическое исследование, документацию (обмеры, фото), составление учетных карточек и паспортов по определенному формату и Государственного списка памятников и проекта по его дополнению.

Необходимо отметить, что государственный учет памятников осуществляется уполномоченным органом в порядке, установленном Правительством Республики Армения. Согласно требованиям ст. 12 Закона «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды», документы государственного учета памятников хранятся бессрочно.

Основными документами и правовой основой для придания объекту статуса памятника, принятия его государством под охрану являются ***Государственные списки памятников***, которые утверждаются Правительством Республики Армения по представлению уполномоченного органа. Уполномоченный орган уведомляет о включении памятника в Государственный список территориальные органы государственного управления и органы местного самоуправления – по

месту нахождения памятника и собственника или пользователя памятника. Согласно ст. 13 указанного Закона, Государственные списки памятников официально публикуются в *трехмесячный срок* после их составления.

Включение новых объектов в Государственные списки памятников и исключение из Списков производится на основании экспертного заключения. После утверждения Государственных списков недвижимых памятников истории и культуры десяти регионов и г. Еревана Правительством Республики Армения проводятся работы по документации памятников, уточнению существующих и составлению новых охранных зон памятников, разрабатываются договорные условия, определяющие их охрану и использование. Наряду с этим осуществляется исследование новых памятников и включение их в установленном порядке в Государственные списки, проводится согласование генеральных планов поселений и проектов охранных зон их историко-культурных памятников. В результате мониторинга памятников осуществляется полная обработка и уточнение сведений, содержащихся в Государственных списках.

Охрана памятников и исторической среды. Система мероприятий по обеспечению охраны памятников и исторической среды включает не только выявление и государственный учет памятников, но и установление зон охраны памятников, создание историко-культурных заповедников, обеспечение охраны памятников и их территории и контроль за ней, составление проектов историко-культурного обоснования исторических населенных пунктов или их отдельных участков, обеспечение сохранности памятников и их исторической среды в процессе осуществления строительных, сельскохозяйственных и иных работ, установление порядка раскопок, консервации, реставрации, ремонта и использования памятников. К числу мероприятий в данной области относится и пропаганда охраны памятников. Для охраны культурного наследия, кроме естественных явлений, потенциальными угрозами являются приватизация земель, мелиоративные работы, проведение водо- и дорожно-строительных работ, кабельных линий и работ иного характера без согласования с уполномоченным органом.

Поэтому в законодательстве Республики Армения в целях обеспечения охраны памятников и их исторической среды, выявления историко-художественных ценностей, их целевого использования и благоприятного визуального восприятия определены ***система охранных зон*** и ***режим использования памятников.***

Зоны охраны устанавливаются вокруг недвижимых памятников, которыми могут быть: архитектурные ансамбли и градостроительные комплексы – исторические центры населенных пунктов: кварталы, площади, улицы, системы или элементы планировки и застройки; отдельно стоящие здания и сооружения, произведения садово-паркового и ландшафтного искусства, памятные места, связанные с историческими событиями, памятники археологии, произведения монументального искусства. Из зон охраны памятников выводятся промышленные предприятия, ремонтные мастерские и склады, наносящие физический и эстетический ущерб памятнику, влекущие значительные грузовые потоки, загрязняющие почву, атмосферу и водоемы.

Охранные зоны памятников, проекты историко-культурного обоснования населенных пунктов являются основой для проектов детальной планировки и

застройки регионов, городов и других населенных пунктов. Осуществление земляных, строительных и других видов работ, а также экономической деятельности на территории указанных зон производится с разрешения уполномоченного органа.

Таким образом, градостроительные основы сохранения и реконструкции исторической среды должны стать краеугольным камнем, на котором строится вся система сохранения архитектурного наследия, ибо любой памятник архитектуры является неотъемлемой частью ансамбля или комплексов. Важнейшие слагаемые национального наследия – своеобразие и красота городов, их исторических центров и архитектурных ансамблей, планировочная структура и зеленое убранство.

Следует отметить, что территория охранных зон памятника относится к категории *земель историко-культурного назначения* и имеет статус и режим использования, установленные для этих земель законодательством Республики Армения.

Изъятие земель, отведенных под памятники для нецелевого использования, а также земель зоны охраны этих памятников и историко-культурных заповедников запрещается. Перечень этих земель утвержден Правительством Республики Армения.

В целях охраны населенных пунктов, имеющих памятники, их участков, естественного и исторически сложившегося искусственного ландшафта, историко-культурного комплекса и его исторической среды создаются ***историко-культурные заповедники***.

Историко-культурные заповедники – это ансамбли, комплексы памятников, группы памятников с окружающей их естественно-исторической средой, представляющие особую историческую, научную, художественную и этнографическую ценность.

В настоящее время в Республике Армения действует 8 историко-культурных заповедников [8].

Как указывалось выше, предложение о создании историко-культурного заповедника вносят Правительству Республики Армения уполномоченный орган, территориальные органы государственного управления и органы местного самоуправления.

Рассмотрим проблемы обеспечения охраны и сохранности нововыявленных памятников. Согласно ст. 20 Закона «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды», новообнаруженный (в законодательстве советского периода такие объекты именовались как *вновь обнаруженные*) или новооцененный объект, имеющий историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, получает статус нововыявленного памятника и до включения его в Государственный список памятников охраняется в установленном законодательством порядке.

Юридическое или физическое лицо, распоряжающееся нововыявленным памятником, обязано обеспечить его сохранность, а при его изъятии государством понесенные собственником затраты возмещаются в установленном законодательством порядке. Отметим, что лицо, скрывающее факт обнаружения памятника, создающее препятствия для учета и изучения находки, а также уничтожаю-

щее или присваивающее его, несет определенную законодательством ответственность.

Важное положение содержится в ст. 21 Закона «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды»: ***снос памятников запрещается.***

Что касается возможности перемещения памятников республиканского и местного значения, изменения памятников республиканского значения, то такие действия могут производиться в исключительных случаях с разрешения Правительства Республики Армения, а изменение памятников местного значения – с согласия территориальных органов государственного управления.

При этом необходимо иметь в виду, что разрешение на перемещение и изменение памятников выдается только на основании *заключения* уполномоченного органа. Перед перемещением или изменением памятника, а при необходимости также в процессе выполнения этих действий, уполномоченный орган организует работы по научному изучению, обмеру и фотографированию памятника. Как указывается в ст. 21 Закона «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды», все расходы, связанные с осуществлением указанных работ, производятся за счет лица, получившего разрешение на перемещение или изменение памятника.

Подлежат согласованию с уполномоченным органом охраны памятников и отвод земель для строительных, сельскохозяйственных и иных видов работ на территориях, включающих памятники, а также проекты застройки и инженерно-транспортных коммуникаций. Если указанные работы могут представлять угрозу для охраны и сохранности памятников, находящихся на этих территориях, то предварительно на средства заказчика работ проводятся мероприятия по обеспечению охраны и сохранности памятников, то есть разведка, раскопки, восстановительные работы, а в исключительных случаях – перемещение и иные предлагаемые уполномоченным органом работы.

Нельзя не сказать о необходимости участия в организации охраны памятников общественных объединений, юридических и физических лиц. Они могут своим непосредственным участием, инициативой, спонсорством, пожертвованиями, финансовой и материально-технической поддержкой оказывать содействие в работе по выявлению, государственному учету, консервации, ремонту, реставрации и использованию памятников, представлять на рассмотрение отдельные или комплексные предложения и проекты.

Восстановление культурного наследия Республики Армения. В основу международно-правовых актов, принятых в сфере регулирования реставрационного вмешательства на памятнике истории и культуры, как и на памятнике архитектуры и градостроительства, положен тезис о том, что памятник – это научный документ, исторический источник, монументальное произведение, несущее духовные послания прошлого, который остается в современной жизни людей свидетелем вековых традиций. Человечество с каждым днем все более осознает общечеловеческую ценность памятников, рассматривает их как общее наследие и перед лицом будущих поколений признает совместную ответственность за его сохранность. Оно считает себя обязанным передать памятники во всем богатстве их подлинности.

Отсюда вытекают исходные положения, которыми необходимо руководствоваться при консервации и реставрации памятников, положенные в основу ***Венецианской хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест*** (1964г.):

- основной целью реставрации является «прочтение» этого документа и тщательное укрепление подлинных древних частей памятника;
- для достижения цели реставрации проводится по возможности наименьший объем работ (все вновь добавленные элементы должны быть выделены, все пристройки должны выполняться в современном стиле);
- современные приемы реставрации допускают использование для укрепления памятника новейших достижений строительной техники и различных физико-химических методов;
- для реставрации могут применяться различные материалы, но внешне они должны приближаться к материалам, из которых был сооружен памятник, подделка под подлинный материал не допускается;
- разборка подлинных частей памятника, как правило, исключается, так как современная техника реставрации позволяет укреплять поврежденную кладку без ее нарушения;
- реставрационным работам предшествует тщательное и всестороннее исследование памятника: натурные (архитектурное и инженерное) и историко-архивные изыскания.

Рассмотрим *виды научно-исследовательских* и *реставрационно-восстановительных работ*, непосредственно физически касающихся недвижимых памятников, выполнение которых допускается в порядке ст. 30 Закона «Об охране и использовании недвижимых памятников истории и культуры и исторической среды».

Консервация памятников – это предотвращение различными техническими средствами их дальнейшего разложения и разрушения. Консервация может быть временной и постоянной.

Согласно ст. 6 *Венецианской хартии по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест,* консервация предполагает сохранение памятников в рамках свойственного ему окружения и масштаба. Если традиционное окружение существует, его не следует нарушать. Любое новое строительство, разрушение и переделки, которые могут изменить взаимосвязь объектов и цветовую гамму, недопустимы.

Ремонт памятников – это сохранение и улучшение их технического состояния без изменения их облика. Ремонтом считается также приспособление (адаптация) памятника, целью которого является создание наиболее благоприятных условий для его современного использования.

Реставрация памятников – частичное или полное воспроизведение первоначального или исторически сложившегося образа с научным, аналитическим обоснованием фактографических материалов. **Реставрация** (от позднелат. restauratio – восстановление) – широкое понятие, охватывающее все виды и способы укрепления и восстановления искаженных, поврежденных или разрушенных памятников истории и культуры (отдельных архитектурных сооружений и

их комплексов, произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства, археологических находок и др.). В отличие от ремонта, работы по реставрации памятников архитектуры основаны на результатах их всестороннего научного исследования и проводятся, как правило, специальными методами, отличными от практики современного строительства [9].

При реставрации градостроительных памятников, ансамблей с целью воспроизведения памятника применимо также научно обоснованное воссоздание составляющего когда-то его органическую часть и не сохранившегося сооружения.

Реставрационное вмешательство непосредственно на памятнике оправдано в случаях:

1) угрозы физической сохранности памятников (необходимое консервационное вмешательство должно носить по возможности локальный характер и не распространяться на участки, которым не угрожает немедленное разрушение);

2) наличия наслоений, перекрывающих подлинный материал;

3) дисгармоничного нарушения целостности эстетического восприятия памятника [10].

В Республике Армения условиями проведения работ по консервации, ремонту и реставрации памятников являются: разрешение и контроль со стороны уполномоченного органа, согласование с ним проектного задания на данные виды деятельности.

Уголовная ответственность за нарушения законодательства. Действующее уголовное законодательство Республики Армения предусматривает следующие составы преступлений, посягающих на памятники истории и культуры и культурные ценности:

1. Хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 180 Уголовного кодекса Республики Армения). Преступление, предусмотренное ст. 180 Уголовного кодекса, представляет собой специальный состав хищения, совершаемый в различных формах – кражи, разбоя, грабежа, мошенничества либо присвоения по отношению к предмету, подлежащему особой охране уголовно-правовыми средствами.

Исходя из конструкции данной уголовно-правовой нормы, можно сделать вывод, что в качестве видового объекта исследуемого преступления выступают отношения собственности. В результате совершения хищения культурных ценностей вред причиняется как отношениям собственности, так и отношениям нравственности. Однако вред, причиняемый в результате совершения указанного деяния отношениям собственности, более существен, чем ущерб, наносимый отношениям нравственности.

Таким образом, исследуемое преступление необходимо рассматривать в первую очередь как имущественное посягательство [11]. *Квалифицированный состав преступления.* Совершение тех же действий: группой лиц по предварительному сговору; если они по неосторожности повлекли уничтожение или порчу предметов или документов, имеющих особую историческую, художественную или культурную ценность; путем разбоя или вымогательства; организованной группой.

2. Контрабанда культурных ценностей (ст. 215 Уголовного кодекса Республики Армения). При контрабанде культурных ценностей видовым объектом выступает совокупность общественных отношений, регулирующих сферу экономической деятельности. Под контрабандой понимается перемещение через таможенную границу Республики Армения культурных ценностей в крупном размере, совершенное одним из следующих способов: помимо таможенного контроля; с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием таможенных и иных документов.

Отметим, что деяние, предусмотренное указанной выше нормой, считается совершенным в крупных размерах, если стоимость перемещенных товаров или предметов превышает двухтысячекратный размер минимальной заработной платы, установленной на момент совершения преступления

Квалифицированный состав контрабанды культурных ценностей – совершение тех же действий: должностным лицом с использованием должностного положения; лицом, освобожденным от определенных форм таможенного контроля, или лицом, уполномоченным на перемещение через таможенную границу отдельных товаров или транспортных средств, освобожденных от установленных форм таможенного контроля; с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль; организованной группой.

3. Серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов (ст. 390 Уголовного кодекса Республики Армения). Уголовная ответственность по ст. 390 Уголовного кодекса Республики Армения установлена за серьезные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, а именно: *превращение в объекты нападения исторических памятников, произведений искусства, мест отправления культа, находящихся под особой защитой, отчетливо различимых, считающихся культурным и духовным наследием народов, причинение им большого ущерба, если они не находятся в непосредственной близости от военных объектов и если нет данных об использовании противником этих исторических памятников, произведений искусства, мест отправления культа, для способствования военным действиям.*

Включение данного запрета в Уголовный кодекс Республики Армения – результат имплементации Конвенции ЮНЕСКО «О защите культурных ценностей во время вооруженных конфликтов» (1954г.).

В центре внимания данной Конвенции находятся вопросы защиты материальных ценностей (как движимых, так и недвижимых), памятников градостроительства и архитектуры, культуры и искусства, археологических объектов, мест сосредоточения рукописей, книг и научных коллекций, зданий и центров сосредоточения культурных ценностей.

Республика Армения, как государство-участник Конвенции, приняла обязательства принимать предупредительные меры с целью охраны культурных ценностей не только во время военных действий, но и в мирное время.

В частности, в соответствии со ст. 4 Конвенции, стороны этого соглашения обязуются уважать культурные ценности, расположенные на их территории, а также на территории других государств (участников Конвенции), запрещая

использование этих ценностей, сооружений для их защиты и непосредственно прилегающих к ним участков в целях, которые могут привести к разрушению или повреждению в случае вооруженного конфликта, и воздерживаться от какого-либо враждебного акта, направленного против этих ценностей.

В случае оккупации оккупирующее государство должно поддерживать усилия соответствующих властей оккупированной территории, чтобы обеспечить охрану и сохранение ее культурных ценностей. Запрещается совершать какие-либо враждебные акты, направленные против исторических памятников, произведений искусства или мест отправления культа, которые составляют культурное или духовное наследие народов.

Объектом данного преступления является установленный международно-правовыми нормами порядок обращения с объектами, пользующимися во время военных действий международной защитой, а также порядок использования средств и методов ведения военных действий.

Обязательный признак – время совершения преступления: период вооруженного конфликта.

Состав преступления формальный. Преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой, косвенный.

4. Незаконное использование отличительных знаков, охраняемых международными договорами (ст. 397 Уголовного кодекса Республики Армения). Уголовная ответственность наступает за незаконное использование отличительных знаков, охраняемых международными договорами в случае использования во время вооруженных действий вопреки международным договорам охраняемых международным правом и международными договорами знаков, предусмотренных для культурных ценностей.

Объектом данного преступления выступает установленный порядок пользования знаками, охраняемыми международными договорами. Международным сообществом принят ряд обозначений (знаков), применяемых для идентификации культурных ценностей либо международных организаций, уставной задачей которых является охрана памятников культуры и достопримечательных мест.

Культурные ценности для облегчения их идентификации могут быть обозначены отличительным знаком установленной формы, который представляет собой *щит, заостренный снизу, разделенный на четыре части синего и белого цветов (щит состоит из квадрата синего цвета, один из углов которого вписан в заостренную часть щита, и синего треугольника над квадратом). Квадрат и треугольник разграничиваются с обеих сторон треугольниками белого цвета.*

Практика обозначения культурных ценностей знаком Конвенции не является повсеместной, поскольку некоторые государства опасаются, что таким образом предоставят возможному неприятелю «список ценностей». Недавние события в бывшей Югославии подтверждают оправданность такого опасения.

Объективную сторону данного преступления составляют конкретные действия, совершенные с целью маскировки военных объектов под культурные ценности. Состав данного преступления формальный: преступление признается оконченным с момента совершения указанных действий.

Субъективная сторона: вина – умышленная, умысел – прямой. Содержание умысла: лицо осознавало, что вопреки международным договорам во время военных действий использует (пользуется) знаки, охраняемые международными договорами.

5. Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 264 Уголовного кодекса Республики Армения). На рис. 1 представлен анализ признаков этого состава преступления.

Рис. 1. Анализ признаков состава преступления «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры» (ст. 264 УК Республики Армения).

Квалифицированный состав этого преступления:

- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, совершенное в отношении объектов и памятников, имеющих особую историческую значимость (ч. 3 ст. 264 Уголовного кодекса);
- уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, совершенное по неосторожности (ч. 2 ст. 264 Уголовного кодекса);
- уничтожение или повреждение объектов и памятников, имеющих особую ценность либо причинившее особо крупный ущерб (ч. 4 ст. 264 Уголовного кодекса).

В законодательстве Республики Армения не установлена уголовная ответственность: за присвоение найденного клада, состоящего из предметов, представляющих культурную ценность; невозвращение на территорию Республики Армения культурных ценностей, если такое возвращение является обязательным.

Выводы:

Законодательство Республики Армении об охране историко-культурного наследия – это система правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с созданием, сохранением, восстановлением и использованием произведений материальной и духовной культуры.

Достоинством законодательства Республики Армении является использование новых подходов в охране историко-культурного наследия – государственной охране подлежат не только памятники, но и историческая среда. Этот опыт может быть использован в других странах СНГ.

---

1. *Туманян Г.* Слагаемые конституционализма: верховенство права, стабильное развитие // Конституционное правосудие: Вестник конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. Вып. 2 (52). 2011. Ер.: Изд-во Центра конституционного права Республики Армения, 2011. С. 13.
2. *Момджан Г.* Ответы государств-участников конференции на вопросы, предварительно направленные участникам конференции. Республика Армения // Конвенции ЮНЕСКО в области охраны культурного наследия и национальное законодательство государств-участников СНГ: материалы Международной конференции, г. Минск, 26–28 апреля 2007г. / Институт государства и права Национальной академии наук Беларуси. Минск: Право и экономика, 2007. С. 31.
3. *Симонян А.* Принципы регистрации и специфика охраны армянских памятников // Управление всемирным наследием и глобальные вызовы современности: материалы Международного научно-практического семинара, 1–3 марта 2011г. М.: НИИ культурного наследия, 2011.
4. Данные Министерства культуры Республики Армения. Дело № 03.11.932-10.
5. *Мартыненко И.Э.* Статус объектов всемирного культурного наследия // Вестник общественных наук: научно-общественный журнал НАН Республики Армения, 2010. № 3. СС. 284–296.
6. *Саргсян А.* Нормативно-правовая база и деятельность по охране историко-культурного наследия Республики Армения // Управление всемирным наследием и глобальные вызовы современности: материалы Международного научно-практического семинара, 1–3 марта 2011г. М.: НИИ культурного наследия, 2011.
7. См. например: *Оганесян М.Г.* Модернизация массивов жилой застройки 1920–1930-х гг. и их охрана как памятников градостроительства: автореф. дисс. … канд. архитектуры: 18.00.01. / Ер.: Архит.-строит. ин-т. Ер., 1996.
8. Данные Министерства культуры Республики Армения. Архив Гродненского государственного университета имени Янки Купалы за 2011г. // Материалы проекта «Международная и национальные правовые системы охраны историко-культурного наследия стран СНГ».
9. См. подробнее: *Бобров Ю.Г.* Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Изд-во «Эдсмит», 2004; *Кедринский А.А.* Основы реставрации памятников архитектуры. Обобщение опыта школы ленинградских

реставраторов. М.: Изобразительное искусство, 1999; *Фирсова О.Л.* Реставрация памятников истории и искусства в России в XIX–XXвв. История, проблемы: учебное пособие. М.: Академический проект; Альма матер, 2008.
10. *Цитович В.И.* «Подлинность памятника» и «патина времени» в реставрационной деятельности // Материальная база сферы культуры: научно-информационный сборник. Вып. 3. 1998. СС. 45–46.
11. *Туманян К.Р.* Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Республике Армения // Охрана армянского культурного наследия в Республике Армения и за рубежом: материалы круглого стола, г. Ереван-Ошакан, 2–6 декабря 2008 года. Ер.: Тигран Мец, 2009. С. 28.

EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA ON LEGISLATIVE REGULATION OF PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Summary

In an article problems of definition of structure of historical and cultural heritage of the Republic of Armenia are considered. The author on the basis of research of scientific and standard sources states features of the legislation on protection of historical and cultural heritage, gives classification of monuments.

Keywords: Republic of Armenia, historical and cultural heritage, culture monuments, cultural values, CIS, legal protection, historical environment.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО ОПЫТА СТУДЕНТОВ

Т.Л. Шапошникова, М.Л. Романова, Д.А. Романов

Цель исследования – выявление взаимосвязи между толерантностью и индивидуальным социальным опытом обучающихся. Известно, что важнейшим результатом воспитания, как функции системы образования, является усвоенный личностью социальный опыт, необходимый для жизни в обществе – индивидуальный синтез запечатленных ощущений и переживаний; знаний, умений, навыков; способов общения, мышления и деятельности; стереотипов поведения; интериоризированных ценностных ориентаций и социальных установок. В качестве компонентов социального опыта выделены знания и умения, ценностные ориентации, отношения, способы деятельности, реализуемые личностью при освоении элементов внешнего мира и взаимодействии с ними. Однако по-прежнему не в полной мере выделена взаимосвязь между индивидуальным социальным опытом и толерантностью. Это препятствует исследованию факторов становления личности обучающегося в непрерывном образовательном пространстве.

Ключевые слова: студент, образовательный процесс, личностно-профессиональное развитие, индивидуальный социальный опыт, толерантность, взаимосвязь.

Актуальность исследования. Важнейшим результатом воспитания, как функции системы образования, является усвоенный личностью социальный опыт, необходимый для жизни в обществе – индивидуальный синтез запечатленных ощущений и переживаний; знаний, умений, навыков; способов общения, мышления и деятельности; стереотипов поведения; интериоризированных ценностных ориентаций и социальных установок. Современных студентов характеризует недостаточность социального опыта, навыков поведения в обществе. Это препятствует их эффективному ценностному самоопределению, формированию в процессе образования системы универсальных учебных действий, становлению способностей к конструктивным совместным действиям и пр. Сущность и содержание социального опыта личности раскрывается в трудах философов, культурологов, социологов, психологов и педагогов. В качестве компонентов социального опыта выделены знания и умения, ценностные ориентации, отношения, способы деятельности, реализуемые личностью при освоении элементов внешнего мира и взаимодействии с ними. Все большее число исследований посвящают проблеме формирования социального опыта обучающихся в условиях педагогического взаимодействия как способа организации учебно-воспитательного процесса, в ходе и результате которого происходит взаимное обогащение интеллектуальной, эмоциональной и деятельностной сфер участников этого процесса [1–3, 6–11].

Однако по-прежнему не в полной мере выделена взаимосвязь между индивидуальным социальным опытом и толерантностью. Это препятствует исследо-

ванию факторов становления личности студента в непрерывном образовательном пространстве. **Проблема исследования** состоит в вопросе: какова взаимосвязь между индивидуальным социальным опытом и толерантностью студента? **Цель исследования** – создание моделей, отражающих взаимосвязь между толерантностью и социальным опытом обучающихся.

Степень разработанности проблемы. Согласно современным воззрениям, социальный опыт обучающихся – целевой ориентир современного образования, представляющий собой совокупность ценностных ориентаций, норм и способов поведения, знаний и умений, личностных качеств, обеспечивающих установление конструктивных взаимоотношений с окружающими, эмоционально-позитивное самочувствие в этом взаимодействии и достижение совместных целей в учебно-познавательной, творческой, общественно-полезной деятельности [2, 3]. Его формирование связано с освоением следующего основного содержания образования: гуманистических и демократических ценностных ориентаций, норм нравственного поведения; навыков сотрудничества со сверстниками и взрослыми в разных социальных ситуациях; развитие активности, ответственности, самостоятельности, доброжелательности и пр. Критериями эффективности формирования социального опыта обучающихся в условиях педагогического взаимодействия выступают: (а) конструктивные отношения между обучающимися и педагогами, обучающимися и родителями, обучающимися и работодателями, между обучающимися внутри ученического или студенческого коллектива; (б) навыки сотрудничества с окружающими; (в) эмоционально-позитивное психологическое состояние (как в образовательном учреждении, так и вне его). Их оценивают по следующим показателям: (а) взаимопомощь и вежливость в межличностных отношениях; дружелюбие и доброжелательность, способность договариваться; (б) активное участие в коллективных делах; способность к эффективной совместной деятельности, к достижению общих целей взаимодействия; (в) благоприятный морально-психологический климат в коллективе обучающихся, удовлетворенность обучающихся взаимоотношениями с педагогами, хорошее самочувствие детей в семье, их удовлетворенность семейными отношениями и отношениями на работе, своей позицией в семье и на работе.

Индивидуальный социальный опыт неразрывно связан с личностно-профессиональными качествами (ЛПК). ЛПК – неотъемлемая составляющая общей культуры личности, качественное, системное и динамичное образование личности, характеризующееся определенным уровнем готовности к тому или иному виду деятельности (поведения), осознанием способов достижения этого уровня и проявляемое в разнообразных формах и жизнедеятельности в целом. В настоящее время выделены такие ЛПК, как индивидуальный социальный опыт (интегральное качество), социально-профессиональная компетентность, толерантность, информационная компетентность, коммуникативная компетентность, психолого-педагогическая компетентность, правовая компетентность, дисциплинированность, управленческая компетентность, физическая культура личности, патриотизм, готовность к исследовательской и творческой деятельности, готовность к личностно-профессиональному самоопределению, готовность к семейной жизни и т.д. [1–14]. Любое ЛПК не сводится лишь к соответствующим знаниям и

умениям, а представляет собой многокомпонентную систему [2, 4, 6–14]. Ведь наличия одних лишь знаний и умений недостаточно для их проявления в различных видах жизнедеятельности (в т.ч. профессиональной деятельности), необходимы внутренние механизмы (движущие силы), обусловливающие активность индивида в развитии знаний и умений, их проявлении (применении) в различных видах деятельности), накоплении опыта того или иного вида деятельности (информационной, физкультурно-спортивной и т.д.). Современные исследователи выделяют следующие типовые компоненты для многих ЛПК: операционный (соответствующие знания и умения), мотивационно-ценностный (мотивы к соответствующей деятельности и связанные с ними ценности), оценочно-диагностический (рефлексивный) и поведенческий (опыт данного вида деятельности, проявление знаний и умений). Для толерантности (способности к правильному пониманию и уважению социокультурных и индивидуальных различий, бесконфликтному взаимодействию в поликультурной среде) характерно также наличие эмоционально-волевого компонента (включает волевые качества, эмоциональную устойчивость, доброжелательность, дружелюбие и т.д.). Современными специалистами [2, 6, 10] в должной мере изучены компоненты как индивидуального социального опыта в целом, так и толерантности (Таблица 1).

Таблица 1.
Функциональные компоненты индивидуального социального опыта и толерантности

№	Компонент	Личностно-профессиональное качество	
		Индивидуальный социальный опыт	**Толерантность**
1.	Операционный (когнитивный)	1. Знания, необходимые для адекватного социального поведения (взаимодействия с людьми) и эффективного осуществления любой социально значимой деятельности и взаимодействия людей. 2. Умения социального поведения (постановки целей и задач в собственной жизнедеятельности, сотрудничества, преодоления конфликтов и т.д.).	1. Знания о поликультурном мире, понимание индивидуальных и социокультурных различий. 2. Умения бесконфликтного взаимодействия с представителями иной культуры и т.д.
2.	Мотивационно-ценностный	1. Мотивы усвоения способов адекватного социального поведения (взаимодействия с людьми) и эффективного осуществления любой социально значимой деятельности и взаимодействия людей. 2. Усвоенные личностью гуманистические и демократические ценности (свободы, социальной справедливости, равноправия мнений и взглядов, семьи, дружбы и пр.).	Мотивы толерантного поведения (бесконфликтного взаимодействия в поликультурной социальной среде) и усвоенные ценности гуманного демократического общества

3.	Эмоционально-волевой	Психологические качества, способствующие адекватному социальному поведению и эффективному осуществлению любой социально значимой деятельности (эмоциональная устойчивость, активность, воля, ответственность, самостоятельность, доброжелательность и т.д.)	Совокупность нравственных качеств, детерминирующих бесконфликтное поведение (психическая устойчивость, эмпатия, гуманизм, альтруизм и т.д.)
4.	Рефлексивный	Способность к осознанию самого себя (своего Я), самооценке своей деятельности, самоидентификации, определению своего места в социуме (образ индивидуального и социального Я)	
5.	Поведенческий	Практический опыт социального поведения и эффективного осуществления социально значимой деятельности	Практический опыт бесконфликтного взаимодействия с поликультурной социальной средой

Важнейшие функции толерантности: аксиологическая (ценностно-ориентирующая), мирообеспечивающая, регулирующая, психологическая (побуждающая, мотивирующая), воспитательная, коммуникативная, интегрирующая, оценочно-прогностическая. По мнению современных исследователей, направления проявления толерантности разнообразны. Это и межкультурная толерантность (разновидности – межэтническая и межконфессиональная), и бытовая толерантность (разновидности – социально-экономическая, межгрупповая, межпоколенческая и т.д.), и межличностная толерантность, и профессиональная толерантность (устойчивость к трудностям конкретной профессиональной деятельности). Очевидно, что толерантность как личностно-профессиональное качество – сложная система, которая характеризуется не только функциями, составом и структурой, но и взаимосвязью с другими системами, в том числе и системой более высокого порядка – индивидуальным социальным опытом (социальным опытом конкретной личности). Однако авторам не удалось найти научных трудов, в которых толерантность рассматривалась бы в контексте индивидуального социального опыта.

Результаты исследования. С точки зрения авторов, толерантность – подсистема индивидуального социального опыта, т.к. характеризуется теми же функциональными компонентами (и взаимосвязями между ними), что и интегральное качество. С точки зрения математической теории множеств, все функциональные компоненты толерантности – четкие множества, вложенные во множества более высокого порядка (функциональные компоненты индивидуального социального опыта):

$$БЗУ_{Тол} \subseteq БЗУ_{СО},$$

$$БЗУ_{Тол} = Зн_{Тол} \bigcup Ум_{Тол},$$

$$БЗУ_{СО} = Зн_{СО} \bigcup Ум_{СО},$$

$$МЦ_{Тол} \subseteq МЦ_{СО},$$

$$МЦ_{Тол} = Мот_{Тол} \bigcup Цен_{Тол},$$

$$МЦ_{CO} = Мот_{CO} \bigcup Цен_{CO},$$
$$ЭВК_{Тол} \subseteq ЭВК_{CO},$$
$$Д_{Тол} \subseteq Д_{CO},$$

где U – символ объединения множеств, $\subseteq$ – символ влаженности множеств, $БЗУ_{Тол}$ и $БЗУ_{CO}$ – банк знаний и умений, связанный, соответственно, с толерантностью и социальным опытом (операционный компонент толерантности и социального опыта), $Зн_{Тол}$, $Ум_{Тол}$, $Зн_{Тол}$ и $Ум_{CO}$ – соответственно, множество знаний и умений, связанных с толерантностью и социальным опытом, $МЦ_{Тол}$ и $МЦ_{CO}$ – множество мотивов и ценностей, связанных, соответственно, с толерантностью и социальным опытом, $Мот_{Тол}$, $Цен_{Тол}$, $Мот_{Тол}$ и $Цен_{CO}$ – соответственно, множество мотивов и ценностей, связанных с толерантностью и социальным опытом, $ЭВК_{Тол}$ и $ЭВК_{CO}$ – множество психологических качеств, связанный, соответственно, с толерантностью и социальным опытом (эмоционально-волевой компонент толерантности и социального опыта), $Д_{Тол}$ и $Д_{CO}$ – множество совершенных индивидом действий, связанный соответственно с проявлениями толерантности и социального опыта (поведенческий компонент толерантности и социального опыта). Например, нравственное поведение – императив как для индивидуального социального опыта, так и для толерантности. Поведенческий компонент толерантности, как и индивидуального социального опыта, не следует путать с операционным: знания и умения – лишь предпосылки к адекватному социальному поведению, которые могут реализоваться (в социальных действиях индивида), а могут и не реализоваться. Очевидно, что деятельность индивида, с точки зрения теории множеств, представляет собой множество совершенных действий (в широком понимании). Например, если индивид в течение года 30 раз некорректно высказался о других людях и 20 раз был инициатором конфликтов, то это – составляющая (подмножество) опыта его поведения.

Вместе с тем, взаимосвязь толерантности и индивидуального социального опыта – не только в том, что функциональные компоненты толерантности – подмножества соответствующих компонентов социального опыта. И толерантность, и социальный опыт – личностные ресурсы жизнедеятельности в целом и учебно-профессиональной деятельности, в частности. Социальный опыт – интегральный ресурс, объединяющий личностно-профессиональные качества, которые можно подразделить на ресурсы познания, отношения (к себе и миру) и деятельности. В чем заключается взаимосвязь этих ресурсов?

Во-первых, толерантность связана с другими личностно-профессиональными качествами (Таблица 2), т.е. с другими подсистемами индивидуального социального опыта. Такие взаимосвязи обеспечивают устойчивость индивидуального социального опыта, резистентность (сопротивляемость) личности к негативным воздействиям. Например, индивид, у которого толерантность неразрывно связана с правовой компетентностью и дисциплинированностью, никогда не заразится «идеями» экстремизма и ксенофобии, даже если общается людьми, для которых характерна интолерантность в сочетании с правовым нигилизмом. Из Таблицы 2 также видно, что взаимосвязь толерантности с готовностью к

семейной жизни, а также с социально-профессиональной, управленческой и психолого-педагогической компетентностью имеет общий аспект: без толерантности невозможно преодоление неизбежно возникающих трудностей (в общении с коллегами, обучающимися, подчиненными, членами семьи и т.д.). Толерантность фундирует многие ЛПК, придает им универсальный смысл.

Таблица 2.

Взаимосвязь толерантности с другими качествами

Качество	Его связь с толерантностью
Правовая культура личности	Приобщенность индивида к нормам права (к закону) в сочетании с толерантностью – основа для внутренней профилактики экстремизма, девиантного и деликвентного поведения. Кроме того, право регулирует социальные отношения и поведение людей, различающихся между собой (пример 1). Уважение к нормам права и правовое поведение – важнейшие аспекты сходства различающихся между собой индивидов.
Информационная компетентность	У индивида, приобщенного к современным информационным технологиям (особенно сетевым и телекоммуникационным), больше возможностей для межличностного взаимодействия, установления деловых и дружеских контактов, следовательно, и для накопления опыта бесконфликтного поведения в поликультурном мире.
Физическая культура личности	Соматическое (телесное) и психическое здоровье взаимосвязаны (здоровье – составляющая физической культуры личности). Соматически и психически здоровый индивид более устойчив в трудных ситуациях. С другой стороны, толерантное поведение – фактор сохранения здоровья за счет недопущения нервных стрессов.
Дисциплинированность	Эмоционально-волевой компонент является общим для обоих качеств. Без дисциплинированности невозможно устойчивое адекватное поведение в трудных социальных ситуациях. Для сознательной (истинной) дисциплинированности и толерантности во многом совпадают мотивы поведения.
Управленческая компетентность	Продуктивная управленческая деятельность немыслима без умений и способностей эффективно преодолевать постоянно возникающие трудности, уважения личности ведомых и принятия их такими как они есть, в целом – гуманизация бизнеса (термин А. Маслоу).
Коммуникативная компетентность	Коммуникативные умения – предпосылка адекватного поведения в социуме, проявления уважительного отношения к окружающим. Знания поликультурного мира – общая составляющая операционных (когнитивных) компонентов обоих качеств. Уважительное отношение к окружающим в сочетании с коммуникативными умениями – фактор использования потенциала поликультурной социальной среды для личностно-профессионального развития (пример 2).
Психолого-педагогическая компетентность	Продуктивная педагогическая деятельность немыслима без умений и способностей эффективно преодолевать постоянно возникающие трудности в образовательном процессе, уважения личности обучающихся и принятия их такими как они есть. Без толерантности педагога невозможна гуманизация образовательного процесса.
Социально-профессиональная компетентность	Толерантность – фактор преодоления трудностей, неизбежно возникающих в профессиональной деятельности (связанных, прежде всего, с взаимодействием с коллегами).
Готовность к исследовательской и творческой деятельности	Ведение научных исследований или реализация других видов творческой деятельности предполагают анализ социокультурного опыта (накопленной обществом информации). Уважительное отношение к иной культуре или точке зрения – необходимое условие использования потенциа-

	ла поликультурной социальной среды для осуществления исследовательской или творческой деятельности. Устойчивость поведения в сочетании с умением отстаивать свою точку зрения необходима при участи в научных мероприятиях (конференциях, симпозиумах и т.д.).
Патриотизм	В многонациональных государствах межэтническая толерантность – основа социально-политической стабильности (любовь к Родине предполагает желание к сохранению ее целостности и стабильности). В условиях глобализации межкультурная и иные виды толерантности – фактор личностного принятия глобализационных процессов как объективной реальности, а патриотизм – способность к национальной и культурной самоидентификации в мировом сообществе
Готовность к семейной жизни	Межпоколенческая и межличностная толерантность – фактор сохранения целостности семьи, гармоничных отношений в семью, преодоления противоречий и возникающих в семейной жизни трудностей и т.д.

Пример 1. В США и европейских странах, признанных толерантными обществами, соблюдение правовых норм гражданами (независимо от национальной, расовой, религиозной или иной принадлежности), является неукоснительным, что обеспечивает целостность и стабильность общества.

Пример 2. В студенческой группе обучаются иностранные студенты. Личность, характеризующаяся толерантностью (в данном случае – межэтнической) и коммуникативной компетентностью, будет активно налаживать с ними дружеские отношения, создавая тем самым себе возможности для освоения иностранного языка (например, английского или французского).

Очевидно, что для операционного (когнитивного) компонента индивидуального социального опыта $БЗУ_{СО} = \bigcup_{i=1}^{N} БЗУ_i$, для мотивационно-ценностного $МЦ_{СО} = \bigcup_{i=1}^{N} МЦ_i$, для поведенческого $Д_{СО} = \bigcup_{i=1}^{N} Д_i$, где N – число личностно-профессиональных качеств, U – символ объединения множеств, $БЗУ_i$ – множество знаний и умений, соответствующих i-му ЛПК, $МЦ_i$ – множество мотивов и ценностей, соответствующих i-му ЛПК, $Д_i$ – поведенческий компонент i-го ЛПК (множество совершенных действий). Степень взаимосвязи толерантности с конкретным (i-м) ЛПК можно отразить показателями: $\mu_1 = \frac{P\left(БЗУ_{Тол} \cap БЗУ_i\right)}{P\left(БЗУ_{Тол} \cup БЗУ_i\right)}$, $\mu_2 = \frac{P\left(МЦ_{Тол} \cap МЦ_i\right)}{P\left(МЦ_{Тол} \cup МЦ_i\right)}$, $\mu_3 = \frac{P\left(Д_{Тол} \cap Д_i\right)}{P\left(Д_{Тол} \cup Д_i\right)}$. Здесь: ∩ – символ пересечения множеств, P – мощность множества. Для авторов очевидно: чем выше значения указанных параметров, тем теснее связана толерантность с соответствующим личностно-профессиональными качеством. Например, из 300 случаев общения студента через сеть Интернет имеет место 120 случаев – с иностранными друзьями-студентами. Это – пример высокого уровня взаимосвязи поведенческого компонента межэтнической толерантности и информационной компетентности (а также коммуникативной компетентности).

Математические модели взаимосвязи между толерантностью и всеми остальными ЛПК трудно отразить в рамках одной научной статьи. Математические модели взаимосвязи между толерантностью и коммуникативной компетентностью (в целом – фактора использования поликультурной социальной среды для личностно-профессионального развития) представлена в работе [6]. Для примера рассмотрим математические модели связи между толерантностью и правовой компетентностью (приобщенностью к Закону, нормам права). Пусть вероятность того, что индивид не совершит преступление (на почве нетерпимости) благодаря толерантности, равна $p^{/}$ (иначе говоря, вероятность того, что толерантность станет сдерживающим фактором), вероятность того, что индивид не совершит преступление благодаря правовой компетентности, равна $p^{//}$ (иначе говоря, вероятность того, что правовая компетентность станет сдерживающим фактором), тогда, согласно законам теории надежности, вероятность того, что хотя бы одно из ЛПК станет сдерживающим фактором, составит

$$p = 1 - \left[\left(1 - p^{/}\right)\cdot\left(1 - p^{//}\right)\right], \qquad p^{/} = \frac{e^{Тол}}{1 + e^{Тол}}, \qquad p^{//} = \frac{e^{ПК}}{1 + e^{ПК}},$$

где e – экспонента, Тол – уровень толерантности индивида (по логарифмической шкале логитов), ПК – уровень правовой компетентности (по шкале логитов). Из представленной модели видно, что сочетание интолерантности и правовго нигилизма – фактор риска совершения преступлений на почве нетерпимости (межэтнической, межпоколенческой и т.д.).

По сформированности ЛПК возможно диагностировать общий уровень индивидуального социального опыта студента. При этом возможно как формирование карты (картограммы) личностно-профессиональных качеств (Рис. 1), отражающей уровни сформированности ЛПК, так и вычислять индекс индивидуального социального опыта:

$$\chi = \frac{N_{твор} + 0{,}75\cdot N_{обр} + 0{,}5\cdot N_{грам} + 0{,}25\cdot N_{сит}}{N_{твор} + N_{обр} + N_{грам} + N_{сит} + N_{нул}}.$$

Здесь: $N_{твор}$, $N_{обр}$, $N_{грам}$, $N_{сит}$ и $N_{нул}$ – соответственно, число ЛПК, сформированных у студента на творческом уровне, уровне образованности, грамотности, ситуативном и нулевом уровне.

Во-вторых, становление функциональных компонентов толерантности (и взаимосвязей между ними) детерминировано индивидуальным социальным опытом в целом. Рассмотрим модели такой детерминации.

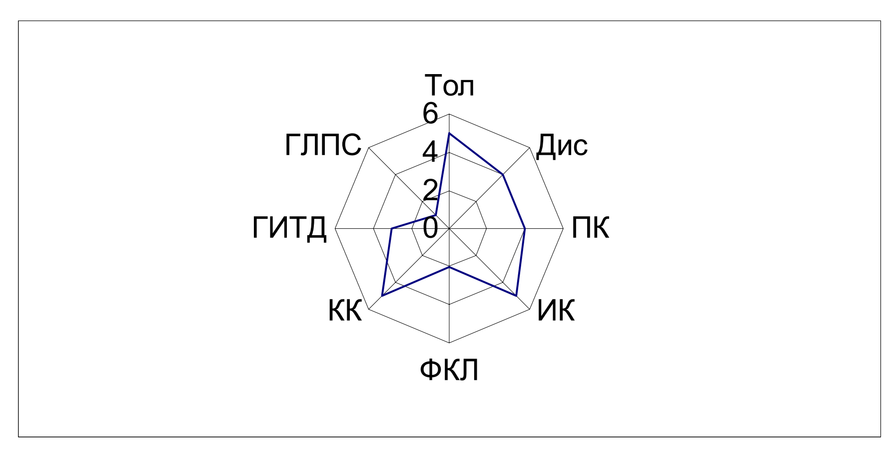

Рис. 1. Пример картограммы ЛПК студента.

Обозначения: Тол – толерантность, Дис – дисциплинированность, ПК – правовая компетентность, ИК – информационная компетентность, ФКЛ – физическая культура личности, КК – коммуникативная компетентность, ГИТД – готовность к исследовательской и творческой деятельности, ГЛПС – готовность к личностно-профессиональному самоопределению, 1 – нулевой уровень, 2 – ситуативный, 3 – грамотности, 4 – образованности, 5 – творческий.

Известно, что для любого личностно-профессионального качества (а для толерантности – особенно) легче всего формируется операционный компонент (труднее всего – мотивационный). Пусть БЗУ – сложившийся у индивида банк знаний и умений в целом, тогда вероятность того, что индивид сможет усвоить новое для него множество порций (квантов) информации Z (превратить в составляющую банка знаний), составит

$$p = H \cdot f(БЗУ, Z) \cdot Y(БЗУ, Z),$$

$$f(БЗУ, Z) = \begin{cases} 1, P(БЗУ_{долж} - БЗУ) = \varnothing \\ 0, иначе \end{cases},$$

$$Y = \frac{1}{e^{\gamma} + 1}.$$

Здесь: H – коэффициент научаемости индивида (вероятность успешного применения уже сложившихся знаний в учебно-познавательной деятельности), P – мощность множества, $БЗ_{долж}$ – множество порций знаний и умений, которые объективно необходимы (должны быть сформированы у индивида) для усвоения множества знаний и умений Z, γ – уровень трудности (в логитах) для усвоения множества знаний и умений Z при сформированном банке знаний и умений БЗУ. Как видно, успешность (вероятность) пополнения операционного компонента любого ЛПК, в том числе толерантности, зависит от банка знаний и умений в целом, а также уровня когнитивных способностей индивида. Например, если у индивида слабо развиты коммуникативные умения, то ему трудно будет приоб-

рести и умения адекватного поведения в трудных ситуациях межличностного взаимодействия.

Рассмотрим взаимосвязь процесса пополнения опыта толерантного поведения с социальным опытом в целом. Пусть s – ситуация межличностного взаимодействия, в которой оказался индивид, S – множество его возможных действий в сложившейся ситуации, M – число возможных действий (мощность множества S). Тогда вероятность выбора индивидом конкретного варианта действий отражает функциональная зависимость от операционного, мотивационного, эмоционально-волевого, рефлексивного и поведенческого компонентов индивидуального социального опыта: $p_i = p\langle S_i \rangle = \varphi(ОК_{СО}, МК_{СО}, ЭВК_{СО}, РК_{СО}, ПК_{СО})$. Например, в зависимости от сформированного индивидуального социального опыта подходами, определяющими стиль поведения человека в конфликтной ситуации, являются: 1) приспособление; 2) компромисс; 3) сотрудничество; 4) игнорирование; 5) соперничество. Точно также мотивы толерантного поведения и отношение к поликультурному миру (социокультурным и индивидуальным различиям) зависят от сформированного индивидуального социального опыта в целом. Например, если индивид в процессе своей жизнедеятельности (предыдущего опыта) ориентировался в своем поведении на избежание наказания или порицания со стороны социума, то и мотивы толерантного поведения у него (с наибольшей вероятностью) окажутся критическими, а сама толерантность может быть только пассивной. А если индивид был устойчиво ориентирован на личностно-профессиональное развитие, то мотивы толерантного поведения окажутся сознательными (высший тип мотивации, в отличие от конформной, критической и прагматической), а сама толерантность – активной (активная толерантность связана с желанием понять «иное», найти с ним «точки соприкосновения»).

Индивидуальный социальный опыт – значимый фактор оценки информации индивидом, поступающей извне (из внешнего мира), ее одобрения или неодобрения, принятия или отторжения. От этого во многом зависит как устойчивость социального опыта в целом, так и толерантности, в частности. Толерантность только тогда является базовым свойством личности, если она устойчива, сочетается с твердостью мотивов, взглядов и убеждений (мировоззрения) индивида. Если толерантность сформирована неустойчиво, а индивид в силу недостаточного социального опыта не способен адекватно оценивать поступающую извне информацию, то высока опасность разрушения толерантности, разложения мотивов нравственного поведения. Поэтому богатый и устойчивый социальный опыт в целом – значимый фактор противодействия негативному влиянию внешней среды, информационному терроризму, критической оценке информации, которая может быть фактором разрушения толерантности и ее составляющих. Личность, обладающая устойчивым социальным опытом, активна. Это не только активность, связанная с обработкой поступающей информации, ее преломлением через мыслительный опыт, через имеющуюся систему знаний. Это также регуляционная активность, благодаря которой возможен отбор полезной поступающей информации с целью ее дальнейшего усвоения и использования и отсеивание информации, уродующей духовный мир (сознание). «Здоровый желудок не при-

нимает дурную пищу, здоровый ум не принимает дурные взгляды» (Ф. Вольтер). Ярким примером тому является способность здравомыслящих людей противостоять навязыванию ложных ценностей, критически относиться к «ценностям» псевдокультуры, своевременно распознавать информацию, не соответствующую действительности. Таким людям практически невозможно навязать культ жестокости и насилия, «идеи», проповедуемые идеологическими и религиозными фанатиками. В то же время качественная и продуктивная информация, согласующаяся с их жизненным опытом, становится их внутренним достоянием благодаря интенциональному усвоению. Устойчивость толерантности зависит не только от устойчивость ее компонентов и связей между ними, но также устойчивости связей между толерантностью и другими личностно-профессиональными качествами. Пусть w – информация, поступающая индивиду из внешнего мира, W – множество ее возможных оценок, M – число возможных оценок. Тогда вероятность выбора индивидом конкретной оценки отражает функциональная зависимость от операционного, мотивационного, эмоционально-волевого, рефлексивного и поведенческого компонентов индивидуального социального опыта:

$$p_i = p\langle W_i \rangle = \vartheta\left(OK_{CO}, MK_{CO}, ЭВK_{CO}, PK_{CO}, ПK_{CO}\right).$$

Взаимосвязь толерантности и социального опыта состоит также в том, что только на основе индивидуального социального опыта возможно разграничение Добра и Зла (позитивных и негативных явлений), различение толерантности как практического гуманизма и единственного правильного способа сосуществования в поликультурном мире (гармония многообразия) и терпимости (а нередко – и открыто одобрительного отношения) к негативным явлениям, не имеющего ничего общего с толерантностью. Например, ничего общего с толерантностью как практическим гуманизмом не имеет «признание» однополых браков, экстремизма, наркомании, антиправовых явлений и т.д. Тот печальный факт, что многие люди склонны путать толерантность с терпимостью к негативным явлениям, дискредитирует саму идею толерантного сосуществования в поликультурном мире. Уважение к индивидуальным и социокультурным различиям не предполагает одобрения негативных явлений. Кроме того, готовность к разграничению Добра и Зла предполагает также умение различать проявления интолерантности от адекватных социальных действий. В противном случае возможны спекуляции, что также дискредитирует толерантность как общечеловеческую ценность. Приведем пример. Преподаватель вуза ставит на экзамене оценку «неудовлетворительно» студенту иной национальности. Является ли это проявлением межэтнической интолерантности (национализма) или это адекватное действие? Ответ на этот вопрос зависит от многих обстоятельств. Если «пострадавший» студент пропускал занятия и вследствие этого не обладает удовлетворительным уровнем знаний, то выставление ему оценки «неудовлетворительно» – адекватное социальное действие. Если за проявление того же уровня знаний другой студент получает положительную оценку, то это, безусловно, проявление национализма.

Выявление взаимосвязи между толерантностью и индивидуальным социальным опытом обусловило необходимость выделения подсистем толерантности. Это – три составляющие: готовность к разграничению позитивного и нега-

тивного (Добра и Зла, отражая этическими категориями), готовность к бесконфликтному взаимодействию с социальной средой и готовность к использованию потенциала социокультурной среды для личностно-профессионального развития. Они, так же как и толерантность в целом, имеют операционный, мотивационно-ценностный, эмоционально-волевой, деятельностный и рефлексивный компоненты (Таблица 3). Наличие третьей подсистемы обусловлено тем, что активная толерантность, в отличие от пассивной, предполагает не просто «принятие иного таким как оно есть», а поиск «точек соприкосновения» с неизвестным, использование потенциала поликультурной среды для личностно-профессионального развития.

Таблица 3.

Функциональные компоненты подсистем толерантности

Готовность к	**Функциональный компонент**			
	Операционный	**Мотивационно-ценностный**	**Поведенческий**	**Рефлексивный**
Разграничению Добра и Зла	Знания, необходимые для разграничения Добра и Зла, умение различать адекватные и неадекватные социальные действия	Мотивы к разграничению Добра и Зла, осознание необходимости различать позитивное и негативное	Опыт разграничения Добра и Зла	Самооценка собственной личности
Бесконфликтному социальному взаимодействию	Коммуникативные умения; знания культурных и индивидуальных особенностей	Мотивы к бесконфликтному взаимодействию с людьми, осознание необходимости мирного социального сосуществования	Опыт позитивного социального взаимодействия	Самооценка своего социального поведения
Использованию потенциала социокультурной среды	Коммуникативные умения; умение профессиональной самоорганизации; знание культурных и индивидуальных особенностей	Мотивы к личностно-профессиональному развитию, осознание необходимости использования потенциала поликультурной среды	Опыт использования потенциала поликультурной среды	Самооценка своего социального поведения

Иначе говоря, индивидуальный социальный опыт – многомерное психологическое пространство, в котором формируются личностно-профессиональные качества, в том числе толерантность. Взаимодействие внутренних и внешних факторов развития личности приводит к появлению социального пространства жизнедеятельности. Социальное пространство жизнедеятельности (в том числе учебно-профессиональной деятельности) – содержание деятельности с точки зрения необходимости ее реализации конкретным индивидом, включает «значение для всех» и «значение для себя». Если индивид повышает уровень своей толерантности, то «Значение для всех» заключается в повышении уровня толерантной безопасности социума (уменьшении конфликтогенности социума), создании

благоприятной обстановки, принятии и понимании других людей, построении гуманного демократического общества, а «Значение для себя» заключается в адаптации к поликультурному миру, налаживании социальных контактов, использовании потенциала поликультурной социальной среды для личностно-профессионального развития и т.д. Психологическое пространство деятельности содержит идеальное «поле» сознания исполнителя в предвосхищении ситуации исполнения действий, представление о своих личностных структурах (знаниях, умениях, личностно-профессиональных качествах и т.д.), являющихся факторами успешности деятельности. Например, готовность к бесконфликтному взаимодействию в поликультурной социальной среде требует не только толерантности, но и дисциплинированности, коммуникативной компетентности, правовой культуры личности, умений профессиональной самоорганизации и т.д.

В-третьих, становление индивидуального социального опыта в целом и личностно-профессиональных качеств, в частности, в значительной мере детерминировано толерантностью. Толерантность может и должна быть значимым фактором личностно-профессионального развития индивида. Известно, что о творческом (высшем) уровне толерантности возможно говорить только тогда, когда толерантность является фактором развития знаний, умений и других личностно-профессиональных качеств за счет активного взаимодействия индивида с поликультурной социальной средой. Личностно-профессиональное развитие индивида происходит за счет поиска точек соприкосновения и налаживания продуктивного взаимодействия с поликультурной средой, а это невозможно без соответствующего уровня развития толерантности. Из теории систем известно, что продуктивно развиваться могут только открытые системы, которые постоянно обмениваются веществом, энергией и информацией с внешней средой и другими системами, в нашем случае индивид обменивается информацией с социокультурной средой и другими людьми (см. ранее приведенный пример 2). Концептуальные и математические модели активной толерантности как фактора личностно-профессионального развития представлены в работе [6].

В-четвертых, развитие толерантности (или ее разрушение) отражает функциональная зависимость от внешних факторов и внутреннего (индивидуального социального опыта): $\Delta Тол = \psi\left(ВнешФ, СО\right)$. При этом следует помнить, что сочетание внешних и внутренних факторов представляет собой не механическую сумму. Имеет место взаимодействие внешних и внутренних факторов, причем, внешние факторы могут усиливать внутренние и, наоборот. Например, у индивида, которому было с детства внушено, что все бедняки являются пассивными бездельниками (сформирована социально-экономическая интолерантность), может усилиться социально-экономическая интолерантность, если он будет обладать высоким уровнем доходов; но если он по каким-то причинам обанкротиться, то обвинять будет исключительно других людей, но не себя.

Факторы разрушения толерантности студентов синергично взаимодействуют между собой (усиливают друг друга). Пусть L – число деструктивных факторов, p_i – вероятность того, что в результате действия одного лишь i-го фактора толерантность студента будет уменьшена на ΔT, тогда, согласно законам теории надежности, вероятность снижения толерантности студента на ту же величину

при совокупном (одновременном) действии L факторов составит $p = 1 - \prod_{i=1}^{L}(1 - p_i)$. Результаты констатирующего эксперимента на базе инженерного вуза (Кубанского государственного технологического университета) позволили выявить факторы разрушения толерантности студентов (Таблица 4), главными из которых являются интолерантное социальное окружение и спекулирование на общечеловеческих ценностях.

Таблица 4.

Факторы разрушения толерантности студентов

№	Фактор	Значимость (%)
1.	Интолерантное социальное окружение	31,8
2.	Спекулирование на общечеловеческих ценностях	27,4
3.	Социально-экономические условия жизни	18,7
4.	Внешние информационные потоки (средства массовой информации и т.д.)	12,3
5.	Слабая взаимосвязь толерантности с другими качествами	9,8

В-пятых, рефлексия как способность к самоидентификации – общий компонент для всех ЛПК, включая толерантность и индивидуальный социальный опыт. Рефлексивные умения (например, умения критически относиться к себе, анализировать свои достоинства и недостатки) – результат накопления индивидуального социального опыта. В свою очередь, рефлексия детерминирует толерантность поведения. Нередко неадекватное социальное поведение и негативное отношение к другим людям (соответственно, поведенческий и мотивационный компоненты интолерантности) связаны с неверными представлениями о себе, уверенностью в своей «непогрешимости» и «превосходстве». Вероятность должного уровня толерантного поведения индивида в конкретной ситуации

$$p_{пов} = \left[1 - (1 - p_{оп}) \cdot (1 - p_{реф})\right] \cdot p_{мот} \cdot p_{ЭВ},$$

$$p_{мот} = \frac{e^{Мот}}{1 + e^{Мот}},$$

$$p_{ЭВ} = \frac{e^{ЭВК-ТС}}{1 + e^{ЭВК-ТС}}.$$

Здесь: $p_{ЭВ}$ – вероятность проявления эмоционально-волевого компонента (психологической устойчивости в конкретной ситуации), $p_{мот}$ – вероятность того, что уровень мотивов и ценностей индивида достаточен для проявления толерантного поведения, $p_{оп}$ и $p_{реф}$ – вероятность того, что уровень знаний, умений (адекватного поведения) или рефлексивных способностей окажется достаточным для осознанного проявления толерантности в конкретной ситуации (знания, умения и способности резервируют друг друга), Мот и ЭВК – сформированность соответственно мотивационного и эмоционально-волевого компонента по шкале логитов (оценивают как латентные переменные), ТС – трудность ситуации (по шкале логитов). Например, преподаватель, критикующий студентов за недостаточный уровень знаний и результатов учебной деятельности, обязан не забывать, что и

он был когда-то студентом, да в процессе профессиональной педагогической деятельности он также выступает в роли обучающегося, проходя повышение квалификации, при этом, возможно, допуская недостаточный уровень учебно-профессиональной деятельности.

Заключение. Становление индивидуального социального опыта и толерантности – сопряженные (синхронные) процессы. Индивидуальный социальный опыт – психологическое пространство для формирования толерантности как личностного ресурса жизнедеятельности.

Выводы. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что толерантность – подсистема индивидуального социального опыта, находящаяся с ним в синергичном взаимодействии. С одной стороны, наличие богатого и устойчивого индивидуального социального опыта создает предпосылки для накопления его важнейшей составляющей – опыта толерантного поведения, а также формирования соответствующих мотивов. С другой стороны, толерантность, детерминирующая адаптацию индивида к поликультурной социальной среде, расширяет пространство для накопления индивидуального социального опыта, а также для развития других личностно-профессиональных качеств. Формирование толерантности (в том числе в образовательном процессе) нельзя рассматривать в отрыве от становления индивидуального социального опыта.

Работа выполнена в рамках государственного заказа Министерства образования и науки РФ № 10.7079.2013 «Исследование мотивации и разработка системы стимулов формирования толерантности студенческой молодежи» и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда № 11-36-00234а1 от 03.03.2011 (тема «Математическое моделирование дидактического процесса»).

---

1. *Ворошилова И.С.* Поддержка студента в личностно-профессиональном самоопределении / И.С. Ворошилова, Н.П. Федорова, Д.А. Романов, Т.В. Тихомирова // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. № 2 (96), 2013. СС. 19–23
2. *Даурова М.Р.* Формирование социального опыта младших школьников в условиях педагогического взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Педагогика и психология. Майкоп, 2012. Вып. 4. СС. 49–57.
3. *Даурова М.Р.* «Школа взаимодействия» как форма оптимизации учебно-воспитательного процесса образовательного учреждения // Новые технологии. Майкоп, 2012. Вып. 1. СС. 62–68.
4. *Киселева Е.С.* Математические модели преемственности в формировании личностно-профессиональных качеств / Е.С. Киселева, Л.Н. Караванская, М.Л. Романова, Р.В. Терюха // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. № 6 (88), 2012. СС. 66–73.
5. *Киселева Е.С.* Мониторинг качества образовательного процесса / Е.С. Киселева, Л.Н. Караванская, Д.А. Романов, А.М. Доронин // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. № 11 (93), 2012. СС. 44–49.
6. *Киселева Е.С.* Взаимосвязь между толерантностью и личностно-профессиональным развитием студента / Е.С. Киселева, Л.Н. Караванская, М.Л. Романова, Т.Л.

Шапошникова // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. № 9 (103), 2013. СС. 62–67.
7. *Лазарев В.С.* Критерии и уровни готовности будущего педагога к исследовательской деятельности / В.С. Лазарев, Н.Н. Ставринова // Педагогика, 2006. № 2. СС. 51–59.
8. *Логашенко О.И.* Эффективность психолого-педагогического сопровождения научно-практической деятельности студентов-психологов / О.И. Логашенко, Т.Л. Шапошникова, Л.И. Ломакина // Международный сериальный сборник научных трудов "Problems of education in the 21st century. Peculiarities of Contemporary Education". Lithuania, 2008. № 7. СС. 180–192.
9. *Морусов А.А.* Совершенствование управленческой компетентности экономистов-менеджеров в системе дополнительного профессионального образования / А.А. Морусов, А.И. Черных // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта, 2012. № 1 (83). СС. 112–117.
10. *Пугачева Е.А.* Толерантность в новом тысячелетии как условие поиска взаимоприемлемых отношений между людьми // Наука и школа, 2007. № 3. СС. 69–70.
11. *Черных А.И.* Формирование информационной культуры личности в системе непрерывного образования / А.И. Черных, К.В. Хорошун // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта, 2011. № 10 (80). СС. 191–197.
12. *Home K. and P. Home*, 1999. The Dark Side of Zero Tolerance: Can Punishment Lead to Safe Schools? Date Views 11.09.2013
http: //www.pdkintl.org-/kappan/kski9901.htm
13. *Magnus J., Polterovich V., Danilov D.* (2002). Tolerance of Cheating an Analysis Across Countries. Journal of Economic Education, Spring: 125–135.
14. *Melenk H.* Der Didartishce Begriff der Cpmmunicztive Kompettenz. Prazis, 1997. № 1. PP. 28–36.

TOLERANCE IN THE STRUCTURE OF INDIVIDUAL SOCIAL STUDENT'S EXPERIENCE

Summary

Research objective – interrelation identification between tolerance and individual social experience being trained. It is known that the most important result of education as education system functions, the social experience acquired by the personality necessary for life in society – individual synthesis of the imprinted feelings and experiences is; knowledge, abilities, skills; ways of communication, thinking and activity; behavior stereotypes and social installations. As components of social experience knowledge and abilities, valuable orientations, the relations, the ways of activity realized by the personality at development of elements of the outside world and interaction with them is allocated. However the interrelation between individual social experience and tolerance still isn't fully allocated. It interferes with research of factors of formation of the personality being trained in continuous educational space.

Keywords: student, educational process, personal and professional development, individual social experience, tolerance, interrelation.

ИЗ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПИРАНТСКИЙ ФОРУМ «СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ»

В Российско-Армянском университете прошел международный аспирантский форум «Современная наука: тенденции развития, проблемы и перспективы», посвященный 10-летию аспирантуры РАУ.

Созданная более 10 лет назад аспирантура, все эти годы руководимая к.б.н. Гаяне Асланян, на прошедшем форуме подвела итоги работы в своеобразном отчете: это более 70 докладов по 9 отраслям науки (физика, математика, химия, биология, экономика, филология и философия, юридические, психологические и политические науки).

В настоящее время в РАУ насчитывается 109 аспирантов. Они – участники научных грантовых программ РА, РФ и других стран, программ «Поддержка научных исследований аспирантов» Госкомитета науки РА, конкурсов научно-исследовательских работ стран СНГ и Балтии, конкурса им. Ф. Джессапа по юридическим наукам в США и др. Аспиранты проходят научные стажировки в России, Англии, Голландии, Бельгии, Италии и США. Аспиранты РАУ неоднократно получали стипендии президента и правительства РФ, а с 2007-го – образовательные награды президента РА, многие из них – лауреаты вузовских, республиканских и международных конференций.

В 2003г. в РАУ был создан и Институт соискателей – сегодня их уже 143. Диссертации защитили 52 соискателя. Подготовка докторантов проходит по 5 научным специальностям: дифференциальные уравнения, физика полупроводников, мировая экономика, уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право, история и теория политической науки.

Приветствуя форум, ректор РАУ, д.э.н., профессор, член-корреспондент НАН РА Армен Дарбинян отметил, что все собрались «послушать друг друга, поделиться собственной энергетикой». Он выразил уверенность в том, что это станет «постоянным двигателем в РАУ для развития научной мысли, вовлечение в науку молодых и тех, кого я вижу в зале, наших выпускников, бывших студентов, аспирантов, которые активно влились в научную жизнь и в жизнь страны, в органы управления...»

Научный потенциал, который вносит огромный вклад в государственные структуры, должен формировать уважительное отношение к науке, к тем, кто ее творит.

За молодежью – будущее, и ей предстоит в недалекой перспективе возглавить нашу страну. Всем известно, что качество всегда в меньшинстве и этого не следует никогда забывать.

Проректор по науке профессор П.С. Аветисян уверен, что «в своем меньшинстве только единение и сохранение научной мысли способны довести интеллектуальную энергетику до высочайших вершин... А роль руководителя отдела аспирантуры Гаяне Асланян в создании эффективного научного звена РАУ неоценима, а большая работа и достижение аспирантуры за короткий период воистину «на вес золота». Работа аспирантуры тесно проинтегрирована в научное пространство Армении, связана с ЕГУ, Политехническим университетом, Армянским Педагогическим институтом, с лучшими институтами НАН и зарубежьем по 37 направлениям. Общее число аспирантов сегодня больше 150. Выпускники РАУ задействованы на высоких государственных постах в Армении, России, многие занимают ведущее положение в родном РАУ, рядом с д.э.н., профессором, ректором РАУ А.Р. Дарбиняном, академиками Э. Казаряном, А. Григоряном, профессорами П. Аветисяном, Э. Сандояном, А. Суваряном, Г. Казаряном, Г. Карапетяном, Г. Вардапетяном, А. Саркисяном и др.

Было отмечено, что аспирантские программы постоянно меняются, улучшаются в аспекте образовательного блока, поднимая на более высокий уровень. Современная наука движется по более широкой траектории расширения: диссертанта нельзя загонять в узкую область, необходим пересмотр узких специализаций, а также новое историко-философское осмысление науки. Наша наука должна быть ориентирована на финансирование конкретных тем. Необходимо и увеличение срока аспирантуры до 4 лет – в этом залог прорыва в науке молодых.

По верному определению Армена Дарбиняна: «Аспирантура заряжена качеством наших учителей и энергетикой учеников». В форуме приняли участие ученые из Москвы и Самары.

ДИАЛОГ АРМЯНСКОЙ, РУССКОЙ И ЯПОНСКОЙ КУЛЬТУР: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Международная конференция «Диалог армянской, русской и японской культур: опыт сравнительного анализа» была проведена в РАУ 27–28 сентября. Мероприятие было организовано кафедрой Всемирной истории и зарубежного регионоведения Института гуманитарных наук и Департаментом международного сотрудничества РАУ при поддержке Японского фонда. С докладами выступили Юсуке Сато (тема: «Л.Н. Толстой и Муцухито»), Куми Татэока («Японские фильмы и спектакли»), Эльза Гучинова («Образы советских людей в памяти бывших японских военнопленных»), Арцви Бахчинян («Армяно-японские культурные и научные связи»), Ерванд Маргарян («Влияние армянской церкви и феодализма на национальный идентитет армян»), Карине Карамян («Языковые игры: словотворчество в XXI веке») и многие другие. «Проведение данной конференции является важным этапом в развитии японо-армянских отношений. Мы рады вас приветствовать в стенах нашего университета. Думаю, такое партнерство

необходимо нашим исследователям», – отметил проректор по науке П.С. Аветисян.

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАВКАЗ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

26–27 сентября в городе Пятигорске состоялась III Международная научно-практическая конференция «Кавказ: история и современность». Конференция была организована Северо-Кавказским институтом Академии Народного Хозяйства и Государственного Управления (СКИ РАНХ и ГС) при президенте РФ и Пятигорским Государственным Лингвистическим Университетом (ПГЛУ).

Состав участников конференции был достаточно представителен. В работе конференции приняли участие ученые из различных вузов РФ, а также Армении, Италии и Казахстана. Среди участников были также представители различных структур государственной власти.

Со стороны Российско-Армянского (Славянского) университета в работах конференции участвовал заведующий кафедрой политологии О.Л. Саркисян. Он выступил на пленарном заседании с приветственным словом как представитель первого армянского вуза, подписавшего договор о сотрудничестве с Северо-Кавказским институтом РАНХ и ГС.

В первый день конференции после пленарного заседания началась работа секций. На 5 секциях выступило более 150 докладчиков. О.Л. Саркисян принял участие в работе секции «Политико-правовые аспекты развития государства и общества», где выступил с докладом о проблеме национальной идентичности в условиях глобализационных процессов. На второй день конференция продолжила работу в ПГЛУ, где было проведено несколько мастер-классов и круглых столов.

КРУГЛЫЙ СТОЛ НА ТЕМУ «ГЮЛИСТАНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР В ИСТОРИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ 1813–2013 ГОДОВ

24-го октября в РАУ был проведен Круглый стол на тему «Гюлистанский мирный договор в исторических параллелях 1813–2013 годов», посвященный 200-летию заключения Гюлистанского договора. После приветственного выступления модераторов, в роли которых выступали заместитель директора Института Истории НАН РА К.Г. Хачатрян и, теперь уже бывший, руководитель Представительства Россотрудничества в Армении В.В. Кривопусков, состоялась церемония награждения В. Пономарева.

«Для меня большая честь вручить золотую медаль большому другу армянского народа, участнику Карабахской войны Владимиру Пономареву», – подчеркнул К.Г. Хачатрян.

Г-н Пономарев, известный многим специалистам по своему труду «Динамика нагорно-карабахского конфликта», был награжден Министерством Спюрка

РА. Стоит отметить, что этот человек, проработавший над данным исследованием более 8 лет, служил в одном полку с министром обороны РА Сейраном Оганяном и министром обороны НК Мовсесом Акопяном, о чем он с гордостью рассказал участникам.

В ходе мероприятия участники выступили с докладами: А.А. Мелконян – «Присоединение Восточной Армении к Российской империи: исторический анализ»; В.Г. Тунян – «Гюлистанский договор: история и современность»; Б.В. Маилян – «История сближения России и Армении с начала XVIII века»; С.А. Манукян – «Положение армянских территорий после присоединения к Российской империи»; Е.С. Андреева – «Внешняя и внутренняя политика Ирана в первой трети XIX века». После всех выступлений г-н Кривопусков поблагодарил присутствующих за совместно совершенную работу и официально представил своего преемника – Марка Андреевича Калинина.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ»

Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы инновационной экономики в развивающихся странах» состоялась в РАУ 17–18 октября.

«Тема данной конференции абсолютно актуальна, о ней говорят и обсуждают ее все. Сегодня и Россия, и Армения (по разным причинам, конечно же) нуждаются в том, чтобы перейти к интенсивной экономике, перейти от экспорта нефти и “мозгов” к экспорту технологий, к производству технологической продукции, к новой индустриализации», – отметил ректор РАУ, д.э.н., профессор, член-корреспондент НАН РА А.Р. Дарбинян на открытии конференции. Со вступительным словом к присутствующим обратился также научный руководитель факультета экономики НИУ ВШЭ, д.э.н., профессор, член-корреспондент РАН В.С. Автономов, отметив особую значимость проведения подобного мероприятия. В работе конференции приняли участие представители Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Уральского государственного экономического университета, Кубанского государственного университета, Брянского государственного университета, Кавказского университета, Американского университета Армении, Армянского государственного экономического университета, Ереванского государственного университета, Российско-Армянского (Славянского) университета и др. Лекторы выступали с докладами, разделившись по тематическим секциям: I секция – «Проблемы стратегического управления инновационными процессами в организациях», II секция – «Миграция и ее роль в развитии инновационных процессов в экономике», III секция – «Особенности формирования и развития инновационной экономики в развивающихся странах». Программа Международной научно-практической конференции включила разнообразные форматы: пленарные и секционные заседания, круглые столы, интерактивные дискуссии и дебаты.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АСПЕКТЫ)»

5 ноября 2013г. в РАУ состоялась Республиканская научная конференция «Проблема национальной идентичности в условиях глобализации (междисциплинарные аспекты)». Организатором конференции выступила кафедра политологии РАУ. В работе конференции приняли участие ученые из Российско-Армянского (Славянского) университета, Ереванского Государственного университета (ЕГУ) и Армянского государственного педагогического университета (АГПУ). С докладами выступили как опытные именитые специалисты, так и молодые исследователи.

На конференции были представлены доклады, в которых освещались разные аспекты обсуждаемой проблемы: философские, политологические, психологические, исторические, культурологические и т.д.

Заведующий кафедрой политологии РАУ О.Л. Саркисян в своем докладе поставил проблему осмысления понятий *нация, национальная идентичность, глобализационные процессы.* Выступление заведующего кафедрой политологии и истории права АГПУ профессора Л.К. Шириняна было посвящено соотношению традиций, идентичности и цивилизации в условиях глобализации. Заведующий кафедрой мировой истории и зарубежного регионоведения РАУ Е.Г. Маргарян осветил в своем докладе влияние армянской церкви и феодализма на национальный идентитет армян. Психологические аспекты проблемы национальной идентичности в условиях глобализации были освящены в докладах заведующего кафедрой психологии РАУ профессора А.С. Берберян и старшего преподавателя кафедры политологии РАУ М.Г. Монеты, А.С. Берберян проанализировала самопонимание этнокультурной идентичности в самосознании студенческой молодежи, а М.Г. Монета – проблему психологической безопасности личности в условиях глобализации. Интересное освещение проблемы национальной идентичности в сборнике рассказов У. Сарояна «Меня зовут Арам» представила заведующая кафедрой мировой литературы и культуры РАУ Л.С. Меликсетян.

Несколько докладов были посвящены политологическим аспектам проблемы национальной идентичности в условиях глобализации. Общую характеристику этих аспектов в своем докладе представил заведующий кафедрой теории и истории политической науки ЕГУ А.П. Енгоян. Конкретные политологические аспекты рассматриваемой проблемы были представлены в следующих докладах: Т.Р. Варданян («Политика идентичности в эпоху глобализации: советская «уравниловка» в действии»), Л.С. Сарвазян («Проблема национальной идентичности в концепции Матеоса Мамуряна»), А.А. Мартиросян («Многополярная глобализация и проблемы идентичности»), С.Ю. Джангозян («К вопросу проявления этнической идентичности в диаспоре» (теоретические подходы)), М.Л. Арутюнян («Кризис национальной идентичности в Армении как результат социально-политических трансформаций современности»), Н.И. Маргарян («Миграционные процессы и их воздействие на этнокультурную идентичность»).

Философские аспекты проблемы национальной идентичности в условиях глобализации были представлены в докладах заведующего кафедрой РАУ профессора С.Г. Оганесяна («Роль диалогов в установлении межэтнических толерантных отношений»), Г.Э. Галикяна («Глобализация и свобода самоидентификации человека»), Т.А. Оганесян («Поиск самоидентификации личности в неопрагматизме»).

Практически все выступления вызвали живой интерес участников и гостей конференции. В результате развернулась активная плодотворная дискуссия.

Конференция еще раз подтвердила, что рассматриваемая проблема многоаспектна, и поэтому не может быть исчерпана исследованиями в рамках одной науки, а нуждается в комплексном междисциплинарном подходе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дарбинян А.Р.	Ректор Российско-Армянского (Славянского) университета, д.э.н., профессор, член-корреспондент НАН РА
Айрапетян А.К.	аспирант Института философии, социологии и права НАН РА
Агаджанян А.	соискатель Ереванского Государственного лингвистического университета им. В. Брюсова
Аполлонов И.А.	к.ф.н., доцент кафедры философии Кубанского государственного технологического университета
Арутюнян А.А.	соискатель кафедры уголовного и уголовно-процессуального права Института права и политики РАУ
Ахвердян В.	помощник судьи Верховного Кассационного суда РА, соискатель кафедры юриспруденции университета «Гладзор»
Казарян С.М.	концертмейстер кафедры «Вокала» факультета «Музыкального театра» Российского университета театрального искусства (РУТИ-ГИТИС)
Курдова А.В.	к.ю.н., доцент кафедры уголовного и уголовно-процессуального права Института права и политики РАУ
Маргарян Е.Г.	к.и.н., доцент, заведующий кафедрой мировой истории РАУ
Мартыненко И.Э.	к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Республика Беларусь
Мирумян Р.А.	д.филос.н., профессор кафедры политологии РАУ
Назарян Н.	капитан полиции Образовательного комплекса полиции РА
Оганесян С.Г.	д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии РАУ
Пилипенко Е.В.	д.э.н., доцент, директор Курганского филиала Института экономики УрО РАН
Романов Д.А.	к.п.н., доцент кафедры информационных систем и программирования ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет»
Романова М.Л.	к.п.н., доцент кафедры физики ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет»
Хачикян Л.Р.	аспирант кафедры журналистики РАУ
Шабунц Л.	служащая СНБ РА
Шапошникова Т.Л.	д.п.н., к.ф.-м.н., профессор кафедры физики ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет»

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила для авторов журнала «Вестник» РАУ

Журнал печатает оригинальные статьи по различным направлениям гуманитарных и общественных наук.

• К рассмотрению принимаются статьи на русском, армянском или английском языках.

• Статьи должны быть представлены в жесткой и электронной форме.

• К материалам статьи прилагается Договор с Редакцией РАУ, подписанный одним (ответственным) автором (оформляется в одном экземпляре).

• Статья должна иметь направление от учреждения, в котором выполнена работа. Рукопись подписывается автором (соавторами) с указанием фамилии, имени, отчества, домашнего адреса, места работы, номеров телефонов и e-mail. Необходимо указать, с кем вести переговоры и переписку. Авторы могут предложить возможных рецензентов. Отклоненные статьи не возвращаются.

Перед текстом статьи указываются:

– название статьи;

– инициалы и фамилии авторов (для иностранных авторов на языке оригинала или на английском языке);

– название учреждения (без сокращений и аббревиатур), которое направляет статью, его адрес (город, страна);

– e-mail авторов и контактный телефон.

Далее помещается аннотация объемом не более 0.5 машинописной страницы, которая не должна дублировать вводный или заключительный разделы. Аннотация не должна содержать литературных ссылок и аббревиатур. В конце аннотации указываются ключевые слова (keywords). Требуется также аннотация на английском и армянском (или русском) языках.

Адрес Редакции научных изданий Российско-Армянского
(Славянского) университета:
0051, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, 123
тел./факс: (+374 10) 27-70-52 (внутр. 42-02)
e-mail: marvolskaya@gmail.com

Заказ № 11
Подписано к печати 28.11.2013г.
Формат 70х100$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная №1.
Объем 10,6 усл. п.л. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии: «ЛЕГАЛ ПЛЮС»
г. Ереван, ул. Грибоедова, 2
Тел.: (+374 10) 23-11-09
E-mail: print-lp@yandex.ru